

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Комитет
гражданских
инициатив

Бизнес и Мысль

Фонд «Либеральная Миссия»

Серия

«Свобода и право»

Основана в 2012 г.

Алексей Давыдов

НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ

СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ

Международные и национальные практики

Под ред. Т. Г. Морщаковой

ВЕРХОВЕНСТВО И ПРАВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИКИ

(Международная коллективная монография)

Под ред. А. Г. Федотова, Е. В. Новиковой,

А.Р. Розенцвайга, М. А. Субботина

Виктор Шейнис

ВЛАСТЬ И ЗАКОН

Политика и конституции в России в XX—XXI веках

Владимир Малахов

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

Концепции и практики

Александр Оболонский

ЭТИКА ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

И РЕАЛИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Леонид Никитинский

АПОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

(в завтрашний номер: о правде и лжи)

Эмиль Паин, Сергей Федюнин

НАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Перспективы управления культурным разнообразием

Эмиль ПАИН, Сергей ФЕДЮНИН

НАЦИЯ *и* ДЕМОКРАТИЯ

Перспективы управления культурным
разнообразием

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 323.1
ББК 66.3,5
П12

Комитет гражданских инициатив

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Книга написана на основе исследования, проведенного в рамках научной работы по гранту Российского научного фонда (РНФ) № 15-18-00064

Рецензенты:

доктор философских наук *Л. Д. Гудков*,
доктор философских наук *А. А. Кара-Мурза*

Паин, Э.А.

П12 **Нация и демократия : перспективы управления культурным разнообразием /** Эмиль Паин, Сергей Федюнин. — Москва : Мысль, 2017. — 266 с.

ISBN 978-5-244-01197-5

На протяжении всего XX и в начале XXI в. происходило тестирование идеи нации. Неоднократно ставился вопрос: нужна ли нация ныне? Многие интеллектуалы провозгласили наступление «постнационального мира», а национальную организацию общества — окончательно устаревшим принципом. Не соглашаясь с этой позицией, авторы настоящей книги подчеркивают, что синтез либерализма и демократии невозможен без связующего их звена — гражданской нации. Последняя понимается как согражданство и воплощение принципа народного суверенитета, т.е. как общество, овладевшее государством для реализации общественных и в этом смысле национальных интересов.

Сегодня мы видим, что в раздробленных по этническому и племенному признаку странах Азии и Африки демократия не приживается. В России, где становление политической нации осложняется воспроизводством имперского синдрома, а национальное единство имитируется, демократические институты весьма неустойчивы и фрагментарны. В странах Евросоюза и США проявившийся на рубеже тысячелетий кризис национально-гражданской идентичности («восстание элит» и «популизм масс») тесно связан с эрозией демократических принципов, усиливающей политические позиции неопопулистов. Авторы предлагают сравнительный анализ особенностей национально-политических тенденций в России и Европе перед лицом общих вызовов, прежде всего роста культурного разнообразия и миграции.

Книга может представлять интерес как для ученых в области социальных наук и лиц, принимающих решения, так и для широкой публики.

УДК 323.1
ББК 66.3,5

ISBN 978-5-244-01197-5

© Мысль, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Гражданская нация как условие соединения идей свободы и демократии	9
--	---

ЧАСТЬ 1. ЛИБЕРАЛИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ И БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Глава 1. Нации и либеральные идеи	25
<i>Об упрощенном понимании либерализма и национализма . . . . .</i>	25
<i>О сложном взгляде на нации и национализм . . . . .</i>	29
<i>Нация и либеральная демократия . . . . .</i>	36
<i>Гражданская нация и гражданское общество . . . . .</i>	45
<i>Либерализм и национализм в России: трудности взаимопонимания . . . . .</i>	49
Глава 2. Нация: критика и реабилитация одной идеи	55
<i>Интеллектуальная критика нации . . . . .</i>	58
<i>Социально-политическая критика нации . . . . .</i>	60
<i>Моральная критика нации . . . . .</i>	64
<i>Нация между космополитизмом и коммунитаризмом . . . . .</i>	67
<i>Нация как проводник в глобальный мир . . . . .</i>	73
<i>Нация перед лицом вызова культурного разнообразия . . . . .</i>	79
<i>Идея нации как противовес государственному патернализму . . . . .</i>	82
<i>Искушение национал-популизмом . . . . .</i>	88

ЧАСТЬ 2. УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Глава 3. Управление культурным разнообразием в современном мире: контуры концепции	97
<i>Смена подходов к пониманию разнообразия . . . . .</i>	98
<i>О «притязаниях культуры» . . . . .</i>	100

<i>Основные проблемы управления культурным разнообразием</i>	105
<i>О новых тенденциях в сфере управления культурным разнообразием</i>	110
Глава 4. Европейский миграционный кризис:	
<i>между проблемой и решением</i>	117
<i>Европа перед вызовом глобальных миграций</i>	118
<i>Иллюзия «интеграции мигрантов»</i>	123
<i>Идеологическая перезагрузка</i>	128
Глава 5. Национальная политика	
<i>в России и современность</i>	132
<i>(Нео)советская концепция</i>	134
<i>Каково место идеи гражданской нации в национальной политике?</i>	139
<i>О теоретических и концептуальных противоречиях концепции</i>	145
<i>Национальная политика и проблема исторической преемственности</i>	151

ЧАСТЬ 3. Трудный путь СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В РОССИИ: ПОДАВЛЕНИЕ НАЦИИ ИМПЕРИЕЙ

Глава 6. Эволюция идеи нации в России	
<i>и трансформации русского национализма</i>	159
<i>Инверсия идеи нации в Российской империи:</i>	
<i>от декабристов к черносотенцам</i>	159
<i>Государственный и самодеятельный национализм советского и постсоветского времени</i>	165
<i>Короткая жизнь русского «национал-демократического» течения</i>	176
Глава 7. Имперский синдром взамен	
<i>национального самосознания</i>	185
<i>Инерционные факторы, подавляющие национально-гражданское самосознание</i>	185
<i>Возвращение к имперской политике в России</i>	191
<i>Целенаправленная реконструкция имперского сознания: этапы и механизмы</i>	199
<i>Тоска по гражданской нации</i>	205

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИДЕЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКЛЕКТИКИ	208
<i>Россия между этническим национализмом и имитацией гражданской нации</i>	209
<i>Охранительный конструктивизм</i>	214
<i>Империя и нация: как определить различия?</i>	218
<i>Мнимая неизбывность империи и реальный кризис постимперской ситуации</i>	222
<i>Национальный раскол в странах Запада: восстание элит и предательство демократии</i>	230
<i>Популизм – обратная сторона элитизма</i>	234
<i>Единая Европа и национальная идентичность</i>	244
<i>Внимание к идентичности, отказ от иллюзий и возврат к гражданской нации</i>	254
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	259

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Эмиль Абрамович Паин — политолог и этнограф, один из зачинателей этнополитологии в России. Доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. В 1996—1999 гг. — советник Президента России по проблемам межнациональных отношений. Автор и редактор 16 книг по проблемам этнополитических процессов, в том числе «Этнополитический маятник», «Между империей и нацией», «Распутица. Poleмические размышления о предопределенности пути России».

В 2004 г. награжден золотой медалью международного фонда «Толерантность». Многолетний член жюри премии им. М. ван дер Стула при Верховном комиссаре ОБСЕ по делам меньшинств.

Сергей Юрьевич Федюнин — выпускник НИУ «Высшая школа экономики», магистр политологии, докторант Центра европейских и евразийских исследований (Centre de recherches Europes-Eurasie, CREE) Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO), Париж, Франция.

ВЕДЕНИЕ

ГРАЖДАНСКАЯ НАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ СОЕДИНЕНИЯ ИДЕЙ СВОБОДЫ И ДЕМОКРАТИИ

Нации не вечны. Они имели начало, будут иметь и конец. Вероятно, их заменит конфедерация европейских стран. Но не таков закон настоящего века. В настоящее время существование наций хорошо, даже необходимо. <...> Существование нации — это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума — вечное утверждение жизни.

Эрнест Ренан

На протяжении всего XX и в начале XXI века происходило тестирование идеи нации как «великой солидарности граждан» (Э. Ренан). Неоднократно ставился вопрос: нужна ли нация настоящему веку, является ли она и сегодня условием «повседневного плебисцита»? Эти испытания шли в условиях почти непрерывных экспериментов радикального конструктивизма.

Первым в 1917 году был запущен большевистский эксперимент, который оказался разрушительным по отношению к идее гражданской нации с двух сторон: с внутренней, противопоставляя принципу гражданской солидарности классовую, пролетарскую солидарность, и с внешней — со стороны утопии мировой революции, которая должна была привести человечество к миру без государств и без наций, чтобы, как писал В. Маяковский, «без России, без Латвии, жить единым человеческим общежитием». Несколько позже был опробован другой тоталитарный проект — «всемирного рейха» с глобальным доминированием «арийской расы». Понятно, что оба эти проекта во всем противостояли идее гражданской нации, а вместе с ней идеалам свободы и демократии. Поразительно другое: иная, либеральная утопия «конца истории» и всемирной победы либерально-демократического режима

в качестве конечной точки культурной эволюции человечества, как выяснилось, не только приводит к вытеснению идеи нации доктриной «постнационального мира», но и оказывается разрушительной по отношению к демократии.

Книга Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек» (1992) была лишь вершиной айсберга и представляла собой полемически заостренное обобщение идей о победе либерально-демократического «учения», высказанных виднейшими представителями либеральной мысли (Р. Ароном, Д. Беллом, С. Липсетом и др.) во второй половине XX века. Радикальность этого манифеста оказалась опасной, а в чем-то и разрушительной для синтеза либерализма и демократии, прежде всего тем, что манифест «конца истории» проводил жесткий водораздел между старым и новым: между накопленным культурным капиталом, требующим дальнейшего освоения и весьма бережного развития, с одной стороны, и условиями новейшего времени, требующими перемен и обновления, — с другой.

Союз либерализма и демократии, как отмечали многие политические философы, — это весьма хрупкое историческое создание, сотканное из двух разных традиций: либеральной традиции Джона Локка, ориентированной на индивидуальные свободы, и демократической традиции Жан-Жака Руссо, исходящей из идеи верховенства коллективного народного суверенитета и гражданского равноправия¹. В этом союзе изначально заложено противоречие, которое может быть сглажено (так и состоялся феномен либеральной демократии), а может быть усилено, и тогда неизбежен разрыв между двумя составляющими. После Второй мировой войны исторические события стали развиваться в направлении если и не полного разрыва, то заметного осложнения взаимоотношений либерализма и демократии. На наш взгляд, можно выделить три основных

---

¹ См.: *Rawls J. Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 2005 [1993]. P. 4—5. См. подробнее на эту тему работы Кроуфорда Макферсона, в частности: *Макферсон К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии* / Пер. с англ. А. Кырлежева. М.: ИД Высшей школы экономики, 2011 [1977].

фактора растущего напряжения между ними: во-первых, радикализм общественной мысли, не опасавшейся задеть тонкие нити исторически сложившихся взаимоотношений и поэтому грешившей революционными экспериментами; во-вторых, объективное нарастание индивидуализма, которое все чаще вступало в противоречие с коллективизмом демократических институтов и национально-гражданским самосознанием как формой коллективной идентичности; в-третьих, рост культурного разнообразия обществ. Последнее обстоятельство оказалось самым серьезным вызовом как для демократии, так и для идеи нации.

Различие ценностей, множественность представлений об «общем благе» у носителей разных культур, казалось бы, ставит под сомнение базовые положения как классической теории демократии, так и гражданской теории нации. Прежде всего речь идет о размывании целостного образа «мы» и идеи «народа» как главного политического субъекта демократии (народовластия) и одновременно источника национального (народного) суверенитета. По мнению Шанталь Муфф, первым радикальное решение проблемы столкновения роста разнообразия с идеей демократии предложил Йозеф Шумпетер, утверждавший в своей книге «Капитализм, социализм и демократия» (1947), что «с развитием массовой демократии народный суверенитет в том виде, как он понимался классической моделью демократии, перестал отвечать требованиям времени»¹. Шумпетер предложил уделять меньше внимания коллективному субъекту и сосредоточиться на процедурной стороне демократии, обеспечении достоверности и надежности выборов, де-факто превращающих демократию из коллективного действия в соревнование групповых и индивидуальных интересов. Этим было положено начало новому научно-политическому направлению, получившему название «эмпирическая политическая теория». Развивая этот сугубо инструменталистский подход, Энтони Даунс, спустя десятилетие после упомянутой книги Шумпетера, выдвинул

---

¹ Цит. по: *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // *Логос*. 2004. № 2 (42). С. 181.

еще более радикальную идею о том, что плюрализм интересов и ценностей важнее, чем сама идея «народа»¹. При этом предлагалось отказаться еще от одной идеи, базовой как для классической теории демократии, так и для теории гражданской нации, а именно идеи поощрения участия граждан в принятии политических решений, поскольку, по мнению Даунса и других сторонников «эмпирического» подхода к демократии, это может иметь лишь негативные последствия для работы государственной системы. Стабильность и порядок в государстве, таким образом, могут и должны обеспечиваться компромиссом между разными интересами, а не иллюзорным национальным консенсусом относительно общего блага².

В 1970–80-е годы история поставила эксперимент, позволяющий протестировать результаты полного отрыва либерализма от демократии при тотальном пренебрежении не только национальным консенсусом, но даже и малейшими проявлениями гражданского согласия. В сентябре 1973 года произошел военный переворот в Чили, в ходе которого был убит всенародно избранный президент Сальвадор Альенде, а многие его сторонники и отказавшиеся участвовать в путче офицеры были без суда расстреляны. К власти пришел генерал Аугусто Пиночет, который начал проводить либеральные реформы в экономике, опираясь на военную диктатуру в политике. Этот режим просуществовал 17 лет. Несмотря на то, что «авторитарный либерализм» до сих пор имеет некоторых приверженцев в кругах людей, называющих себя либералами (особенно среди их российской когорты), сам этот эксперимент отчетливо показал недопустимость отрыва либерализма как от демократии, так и от национального согласия. Уничтожая демократию, авторитарный экономический либерализм, как частный случай «авторитарной модернизации», не дает ни малейших гарантий и для реализации важнейшей либеральной ценности — обеспечения свободы

---

¹ См.: *Downs A. An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Brothers, 1957.

² См.: *Муфф III*. К агонистической модели демократии.

и прав человека. Известный писатель и либеральный интеллектуал Марио Варгас Льюса указал на то, что попытки опереться на силу, террор и ограничение прав граждан для достижения благих целей в экономике прямо противоречат либеральному мировоззрению: «Мы, либералы, не считаем, что прекращение экономического популизма или обуздание инфляции представляет собой малейший прогресс для общества, если, несмотря на либерализацию цен, сокращение государственного финансирования и приватизацию государственной собственности, государство заставляет своих граждан жить в страхе. Нельзя во имя прогресса попирать права граждан. <...> Согласно либеральной доктрине, прогресс должен происходить одновременно в экономической, политической и культурной сфере»¹.

XX век, помимо отрыва «узкого», экономического либерализма от демократии, демонстрировал и различные проявления демократии без признаков либерализма. Примером могут служить вкрапленные в современность патриархально-общинные и религиозные (типа исламских джамаатов) формы демократии, а также современные вариации архаичных родоплеменных демократий.

Уже в конце 1980-х годов в политической науке сформировалось стойкое отрицание сугубо инструменталистского подхода к демократии и утвердилось понимание того, что она, во-первых, не сводится к процедуре выборов, а во-вторых, неразрывно связана с идеями индивидуальных (либеральных) свобод, народного суверенитета и национального согласия. Для понимания важности последнего обстоятельства достаточно вспомнить, что сразу же после проведения выборов возникает важнейшая проблема признания легитимности их результата, которая требует именно национального консенсуса, поскольку какие-то группы интересов неминуемо оказываются в проигрыше. Значение такого консенсуса, предусматривающего готовность подчиниться невыгодному для тех или иных групп результату, особенно велико в тех случаях,

---

¹ *Варгас Льюса М.* Либерализм в новом тысячелетии // InLiberty. 2000. (URL: <http://www.inliberty.ru/library/109-liberalizm-vnbnspnovom-tysyacheletii->).

когда общество после выборов раскалывается примерно на равные части, как это случилось после президентских выборов 2016 года в США. Повседневное функционирование демократической власти также нуждается в национальном согласии, прежде всего в таком элементе единства, как общегражданское (или по крайней мере преобладающее в обществе) доверие к демократическим институтам, без которого неизбежно развивается кризис легитимности власти. Эмпирические исследования, да и практический опыт, показывают, что доверие к институтам лучше всего формируется в обществах, поощряющих такие атрибуты гражданской нации, как политическое участие граждан и гражданский контроль за деятельностью властей.

Как отмечает Ш. Муфф, к концу XX века идею соединения либерализма и демократии на основе признания народного суверенитета поддерживали как либеральные обществоведы, так и большинство левых интеллектуалов из числа постмарксистов. Эта идея нашла отражение в так называемой концепции делиберативной демократии. Характеризуя теоретиков этого направления, Муфф заявляет, что «они не стремятся отказаться от либерализма, а хотят вернуть ему моральную составляющую и установить тесную связь между либеральными ценностями и демократией. <...> Они предлагают заново сформулировать демократический принцип народного суверенитета таким образом, чтобы устранить опасность, которую он мог бы представлять для либеральных ценностей»¹. В этой формуле «вернуть либерализму моральную составляющую», предполагающей преодоление элитарности либеральных концепций в политической науке и их твердую ориентацию на приоритет народовластия, отражен пафос и нашего исследования.

В нашей книге мы хотим подчеркнуть, что *синтез либерализма и демократии невозможен без третьего, связующего их, звена — гражданской нации*, понимаемой как согражданство, которое воплощает идею народного суверенитета, то есть общества «народа, овладевшего государством» для реализации

---

¹ Муфф Ш. К агонистической модели демократии. С. 182.

общественных и в этом смысле национальных интересов¹. Эта идея не нова, она продолжает заметную традицию в развитии либеральной политической мысли. Тот же Фукуяма после 11 сентября 2001 года в своих публикациях с нарастающей интенсивностью подчеркивает важную роль национального государства в современном мире и национальной же гражданской культуры, необходимой «как посредник для коммуникации — как способ общения людей, живущих в неоднородных, сложных по своей природе обществах. Успешное общество немислимо без какого-либо национального строительства и национальной идентичности»². Кстати, данная мысль отражает перемены во взглядах этого известного политического мыслителя, который в своей книге 1992 года о «конце истории» называл национальные государства «временными перевалочными пунктами» на пути к мировому господству либеральной демократии. В начале нулевых годов взгляды Фукуямы претерпели системные изменения не только в вопросе о нации — они в целом стали менее радикальными. Философ последовательно уходит от жесткого индивидуализма к пониманию роли коллективности. Наконец, в своей политической деятельности он отказался от поддержки неоконсервативных сил, перейдя на сторону Демократической партии.

Мы привели пример движения справа к либерально-демократическому синтезу, предполагающего фактическое признание роли нации, но не менее показательное движение в этом же направлении со стороны левых политиков и политических теоретиков, например такого выдающегося философа современности, как Юрген Хабермас. Этот политический мыслитель последовательно левых убеждений, которые порой (в 1960-е годы) заносили его на крайне левый фланг, был одно время открытым противником либерализма. Тем не менее с 1990-х годов он безусловно поддерживает необходимость синтеза демократии и либерализма, утверждая, что

---

¹ См.: *Deutsch K. W.* Nationalism and Its Alternatives. New York: Alfred A. Knopf, 1969.

² Фукуяма Ф. Проблемы европейской идентичности // Gefter. 17.06.2013 (URL: <http://gefeter.ru/archive/9047>).

«народный суверенитет и права человека идут рука об руку, а следовательно, обнаруживают родственность гражданской и личной независимости»¹. Это известное и часто цитируемое его высказывание мы трактуем как косвенную поддержку идеи гражданской нации, по крайней мере ее базового элемента — народного суверенитета, хотя в своих публичных выступлениях Хабермас не раз высказывал негативное отношение к идее нации, понимая ее (весьма «по-немецки») как преимущественно этнокультурный феномен. Впрочем, такая трактовка нации ныне скорее норма, чем исключение.

В начале XXI века в западных и российских интеллектуальных кругах пока господствует критическое отношение к идее нации. И в России, и в Европе многие интеллектуалы все еще считают нации устаревшими институтами, а национализм и вовсе используется лишь в качестве бранного слова. Тем не менее причины недоверия или фактического отказа от национальной формы самоорганизации в двух случаях различны.

Россия, где политическая нация не сложилась, все в большей мере «впадает в историческое детство». Российская элита мысленно погружается то ли в эпоху классических империй и «политики канонеров», то ли в эпоху сталинской империи с ее агрессивным подавлением инакомыслия, тогда как население самоустраивается от гражданской активности и уклоняется от взаимодействия с государством («гаражная экономика», недоверие к институтам власти, непротivление коррупции). Политическая архаизация в России, как и во многих других странах постсоветского мира, особенно зримо проявляется в воскрешении феномена вождизма. В ряде стран вождь официально получает статус пожизненного лидера и «отца народа» («туркменбаши» в Туркменистане, «елбасы» в Казахстане, «бабка» в Белоруссии) либо де-факто представляет собой вождя-патриарха. Обращенность России к прошлому выражается и в том, что у российской элиты нет образа будущего, равно как и нет непротivоречивого

---

¹ *Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: 1996. P. 127.*

национального проекта: в официальном дискурсе сосуществуют различные, порой взаимоисключающие, культурные образы нации, а ее гражданско-политическая составляющая, как мы покажем, чрезвычайно слаба и выглядит крайне неопределенно. В условиях нарастания нестабильности и стремления власти отгородиться от общества либеральные ценности, которые доминировали в конце 1980-х и на протяжении 1990-х годов, теперь подаются в России как западные и подвергаются тотальной диффамации.

В это же время Европа все чаще опьяняется «грезами постмодернистского будущего» — без наций, без границ, без социального контроля. Начиная с 1970-х годов идея нации здесь подвергается интеллектуальной, социально-политической и моральной критике, которая до последнего времени носила резкий и порой радикальный характер. Но в результате к началу нового тысячелетия в европейских странах стало очевидным наличие глубокого непонимания между космополитическими элитами и населением, опасющимся утратить собственную идентичность и привычный образ жизни. На фоне размывания образа европейских наций и роста патернализма государства в экономике растет дезинтеграция, усиливается влияние архаичных форм самоорганизации (типа исламистских общин). В ответ на это подняла голову национал-популистская реакция, получившая небывалую социальную поддержку. Эти тенденции в совокупности привели к ослаблению либеральных ценностей, оспариваемых как справа (новыми консерваторами и правыми популистами), так и слева (радикальными левыми популистами). Брексит, победа Трампа, череда кризисов, сотрясающих Евросоюз изнутри, начиная с провала проекта европейской конституции и кризиса еврозоны и заканчивая наплывом мигрантов и актуализацией угрозы терроризма... События этого ряда, взятые по отдельности или рассматриваемые как элементы более общих тенденций (подъема национал-популизма на Западе и провала проекта «постнациональной» Европы), вызывают сильные эмоции, варьирующиеся в диапазоне от негодования до злорадства, от уныния до нескрываемого энтузиазма. Данное обстоятельство делает взвешенный анализ

указанных явлений и процессов особенно важным. Отказ от скоропалительных оценок — первичное условие такого анализа. В нашей книге мы старались придерживаться именно этой методологической позиции.

Разумеется, «донациональная» Россия значительно отличается от кажущихся «постнациональными» стран Европы, которые и сами немало различаются между собой. А потому и наблюдаемые в двух контекстах процессы имеют разную степень масштабности, опасности и корректируемости. Эти различия трактуются по-разному. В российских кругах, охваченных «посткрымской эйфорией», преобладают оценки то ли в логике басни о лисице и винограде, то ли в стилистике сатирика Михаила Задорнова, потешающего имперскую публику байками про «глупый» Запад, живущий иллюзиями, и «мудрую» Россию, которая отказывается от «евроцентризма» и тем самым имеет, в отличие от декадентской Европы, шансы занять достойное место в многополярном мире¹. У нас же другая точка зрения. Тогда как в России демократия и национальное единство откровенно имитируются, в европейских странах принцип народного суверенитета, центральный для практики демократии и концепции гражданской нации, как таковой под сомнение не ставится. И все же последствия отказа от национальной формы организации в обоих случаях парадоксальным образом совпадают. И в России, и в Европе элиты отрываются от реальности, и именно это порождает иллюзии. И там и там происходит в той или иной форме атомизация общества, а его роль в политических системах своих стран ослабевает. В то же время институты демократии сталкиваются с недостатком легитимности и все чаще дают сбой. Наконец, в обоих случаях очевиден кризис либеральных, универсальных ценностей.

---

¹ См., напр.: *Karaganov S. Russia's Victory, New Concert of Nations* // *Frontiere*. 17.03.2017. (URL: <http://www.frontiere.eu/russias-victory-new-concert-of-nations>). Представление о «высоком стиле» этого жанра можно получить, ознакомившись с докладом: *Миллер А., Лукьянов Ф.* Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // *Россия в глобальной политике*. 2016. № 6. (URL: <http://globalaffairs.ru/number/Otstranennost-vmesto-konfrontatscii--18477>).

Все это заставляет вновь задуматься о связи либерализма, демократии и национальной организации общества в современном мире. Мы полагаем, что в науке и политике наступило время вернуться к идее нации, переосмыслить ее в свете вызовов нового столетия. Анализу этого тезиса посвящена наша книга.

Еще несколько слов о методологии. В сравнении России и Европы мы опираемся на дескриптивный подход в противоположность наиболее распространенному (особенно в кругу российских либерально ориентированных исследователей) нормативному подходу, при котором Европа и Запад в целом рассматриваются только как образец для подражания, «град на холме». По отношению к такой оптике наш подход имеет ряд преимуществ. Во-первых, он позволяет увидеть некоторые общие тенденции, в том числе и кризисного характера, которые проявляются в России, на Западе и в других частях мира, по-разному преломляясь в зависимости от исторической динамики и специфического культурного контекста. Во-вторых, данный подход встраивается в общую концепцию «множественной современности», разработанную Шмуэлем Айзенштадтом и подхваченную другими учеными. Эта концепция является базовой для исследования, результаты которого отражены в данной книге. В-третьих, именно дескриптивная и компаративная оптика позволяет нам анализировать влияние современных вызовов, преодолевающих государственные и культурные границы, на процессы в разных странах, включая Россию и европейские общества. Речь прежде всего идет об усложнении и фрагментации социумов, росте культурного разнообразия и вызове миграции. Нас, в частности, интересует поиск ответов на следующие вопросы: как эти вызовы меняют концепции государственного управления? какое влияние они оказывают на динамику гражданских связей и институты социального контроля? как они сказываются на трансформации национальной и иных форм коллективной идентичности? Наконец, в-четвертых, данный подход, наряду с отказом от идеализированного образа западных обществ, противопоставит и другому, этноцентристскому славянофильскому мифу

о России как уникальной цивилизации, развивающейся по своим особым законам.

Структура книги построена следующим образом. В первой, теоретической, части мы обращаемся к академическим и общественно-политическим дискуссиям с двойной целью: во-первых, показать необходимость сложного взгляда на идею нации и феномен национализма (глава 1), а во-вторых, разобрать основные аргументы, выдвигаемые противниками и критиками нации, чтобы затем обосновать сохраняющуюся ценность этой ключевой идеи в современном нам мире (глава 2).

Вторая часть книги посвящена изучению трансформации современных обществ в условиях нарастающего культурного разнообразия, их социального усложнения и символической фрагментации. В главе 3 мы предпринимаем попытку обрисовать контуры новой концепции, именуемой «управление культурным разнообразием». Эта теоретическая концепция, которую мы, в частности, противопоставляем традиционной в постсоветской России парадигме «национальной политики», призвана снабдить исследователей аналитическими оптиками, позволяющими «схватить» указанные социальные изменения. В четвертой главе на примере миграционного кризиса 2015–2016 годов в странах Европы мы поговорим о новых моделях управления, которые вытекают из смены парадигмы восприятия культурного разнообразия и связаны в первую очередь с поддержкой гражданской кооперации и инклюзивной национальной идентичности, с более внимательным учетом социально-экономических последствий миграции и усилением координации между различными «отраслевыми» политиками: этнической, конфессиональной, миграционной, интеграционной, культурно-образовательной. В главе 5 на основе подробного изучения текста Стратегии государственной национальной политики 2012 года мы анализируем господствующий в современной России взгляд на «национальную тему» и ее связь с феноменом культурного плюрализма. Наш тезис состоит в том, что концепция «национальной политики» исходит из устаревших воззрений, является тематически узкой и внутренне противоречивой,

и поэтому она не может считаться адекватной современным политическим реалиям и научным теориям.

Наконец, в третьей части книги речь пойдет о трудностях становления гражданской нации в России. В главе 6 мы кратко проследим эволюцию восприятия идеи нации в нашей стране за последние 200 лет, уделяя особое внимание тому, как она, изначально будучи категорией общества, использовалась авторитарным государством в собственных целях. О трудностях нового освоения идеи нации в ее гражданском смысле, связанном с демократией и либеральными свободами, мы поговорим на примере взлета и падения русского «национал-демократического» течения. В последней, седьмой, главе мы обратимся к анализу используемых российским правящим слоем механизмов воспроизводства имперского синдрома. Именно этот синдром (пока) препятствует тому, чтобы российское общество наконец овладело государством. В полемическом заключении мы вновь обратимся к этой теме, но через призму двух разных типов проблем, связанных с развитием гражданской нации в мире: ее имитации (на примере России) и национального раскола (на примере некоторых стран Запада).

Авторы выражают благодарность Российскому научному фонду за поддержку исследования, положенного в основу данной книги, и фонду «Либеральная Миссия» за ее публикацию в рамках поддерживаемой фондом серии «Свобода и Право» издательства «Мысль». Мы благодарны рецензентам работы, Льву Дмитриевичу Гудкову и Алексею Алексеевичу Кара-Мурзе, за их ценные советы и замечания, а также редакторам и другим сотрудникам издательства «Мысль». Мы также признательны слушателям общеуниверситетского факультатива в НИУ ВШЭ «Этнополитология: проблемы наций и национализма, этнических и религиозных конфликтов, управления культурным разнообразием», которые в 2015/16 и 2016/17 учебных годах стали первыми участниками обсуждения некоторых разделов этой книги.

Разумеется, за все возможные ошибки и неточности, от которых, увы, никто не застрахован, авторы берут ответственность на себя.

Часть 1

ЛИБЕРАЛИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ И БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

ГЛАВА 1. НАЦИИ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ

Об упрощенном понимании либерализма и национализма

Взаимоотношения между либерализмом и национализмом нельзя назвать гладкими и очевидными: они варьировались от эпохи к эпохе, от страны к стране¹. Это и неудивительно, ведь смысловое наполнение как либеральной, так и национальной картины мира менялось вместе со становлением современных обществ. Очевидно, что либерализм европейского Нового времени или даже шире — идея свободы, присутствовавшая уже в древних учениях и религиях, особенно в христианстве, нетождественны современному пониманию свободы. Было бы неверным интерпретировать либерализм наших дней, исходя из представлений прошлого или позапрошлого века. Например, если классический либерализм XIX века противился демократизации, видя в этом процессе опасность наступления охлократии², то современный либерализм практически немыслим без идеи равенства в правах вне зависимости от этнического и социального происхождения, пола или религиозных взглядов. Феномен либерализма сложен и в силу своей многогранности — это одновременно мировоззрение, этическая позиция, интеллектуальная традиция, экономическая концепция и политическое движение.

---

¹ См.: *Мухарямов Н.* В очередной раз о национализме и либерализме // *Ab Imperio*. 2000. № 3—4. С. 223—244.

² О том, как американские отцы-основатели и крупнейшие европейские мыслители XIX столетия использовали эту опасность в качестве аргумента против расширения избирательного права и «излишней» партийной конкуренции, способных, по их мнению, разрушить не только демократический элемент представительства, но и сами основы современной цивилизации, см.: *Хиришман А.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / Пер. с англ. Д. Узланера. М.: ИД Высшей школы экономики, 2010 [1991].

Но то же самое можно сказать и про национализм. Сегодня уже никто не сводит феномен нации к семейному родству или группе чужеземцев, что подразумевало это слово у древних римлян; не имеет смысла трактовать нацию и как социально-профессиональную корпорацию по типу средневековых цехов и университетских землячеств-«наций». Аналогичным образом было бы ошибкой попытаться примерить к нынешним реалиям — как на Западе, так и в остальном мире — трактовки этого концепта, господствовавшие в XIX и часто в XX веке, согласно которым «человечество было изначально разделено на национальные единицы, каждая из которых обладала своим происхождением, территорией, языком, национальным характером и душой, составляющими нацию как бы изнутри»¹. Как и в случае с идеей свободы и либерализмом, важно не забывать о поливалентности идеи нации и многогранности феномена национализма. Единого понимания последнего не существует именно потому, что его можно определить как идеологию, как массовое движение, как социальную программу и политическую теорию; наконец, как научную методологию и психологический феномен (коллективное сознание). И каждое из таких определений национализма по-своему верно. Несмотря на это, в науке и в интеллектуальных кругах и в России, и в Европе по-прежнему встречается черно-белая оптика его рассмотрения.

Советская эпоха с ее идеологическим господством «единственно верной» доктрины марксизма-ленинизма, очевидно, наложила сильный отпечаток на состояние социальной науки в постсоветской России, в том числе в отношении исследований этнополитических процессов, теории наций и национализма. Концептуальная путаница, отраженная, в частности, в современной концепции национальной политики, — явное подтверждение продолжающегося воспроизводства советско-марксистской терминологии в российском академическом и экспертном сообществе.

---

¹ *Ben-Israel H. The Nation-State: Durability Through Change // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2011. Vol. 24, N 1—2. P. 66.*

С одной стороны, «национальное» продолжает толковаться через понятие «этничности», а с другой — «нация» ассоциируется с авторитарным государством, а не с сообществом лично свободных и политически автономных граждан¹. Но и в западной науке марксизм, который никогда не выступал в роли навязываемой властью идеологии, имел очень влиятельные позиции: на Западе он традиционно ассоциировался с мощной критической теорией общества. Интеллектуалы, испытавшие сильное влияние марксизма, такие как Эрик Хобсбаум, никогда не скрывали своего резко негативного отношения к национализму². Ведь национализм противоречил не только идеалу социалистического Интернационала, взывавшему к превосходству классовых (то есть более узких групповых) интересов над интересами национальными, но и другой догме марксизма — приоритету экономики над политикой, в частности в условиях индустриального общества. Отсюда стремление западных ученых-марксистов показать, что нация есть не более чем придумка, идеологический конструкт, навязанный людям господствующими группами. Ради сохранения своих высокостатусных позиций последние старательно культивируют чувство превосходства своей нации над остальными, иными словами — пропагандируют шовинизм. Примерно такую же функцию затуманивания классового сознания, согласно марксизму, выполняет и либерализм. Только в отличие от национализма он не предлагает альтернативный проект групповой лояльности, а насаждает индивидуалистическое мировоззрение, эгоизм и идеологию консюмеризма.

Однако не только социалистическая, но и либеральная картина мира склонна представлять национализм односторонне, как негативное явление, вызванное трудностями модернизации или чувством resentimenta по отношению к другим народам. Если марксисты проклинали национализм как буржуазный провинциализм, то многие либералы

---

¹ К этому мы вернемся в главе 5.

² См.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998 [1990].

традиционно отвергали его за коллективизм — подавление индивидуальности посредством навязывания людям духовной и физической связи с определенным сообществом «своих». Так, Исайя Берлин, другой крупнейший мыслитель прошлого столетия, рассматривал национализм как органицистскую доктрину, взывающую к коллективным, чуть ли не стадным чувствам человека¹. Справедливо критикуя эссенциалистские — социально-биологические и историко-романтические — концепции нации, Берлин фактически отождествлял их с самим феноменом национализма. Настаивая на том, что «современный национализм действительно зародился на немецкой почве»², Берлин сводил происхождение национализма к немецкому романтизму, а его суть — к антииндивидуалистическому, а значит, и антилиберальному иррационализму (наиболее «концентрированным» выражением которого, очевидно, выступает нацизм). Таким образом, отношения между либерализмом и национализмом могут быть описаны как игра с нулевой суммой: чем больше национализма, тем меньше индивидуальной свободы и наоборот — для того чтобы расцвела свобода, необходимо подавлять национальные (националистические) чувства.

На наш взгляд, как один, так и другой взгляд обусловлен однобокими и часто карикатурными, а потому неадекватными оценками идеи нации и роли национализма в современном мире. Из этого вытекает и упрощенное понимание их взаимосвязи с либерализмом (в первом случае со знаком плюс, как близнецы-братья, а во втором — со знаком минус, как полные антиподы). Иной, более умеренный и одновременно более сложный взгляд на нации и национализм, необходимый сам по себе, позволяет по-другому взглянуть и на природу этой взаимосвязи.

---

¹ См.: Берлин И. Национализм: Вчерашнее упущение и сегодняшняя сила // Он же. Философия свободы. Европа. 2-е изд. / Предисл. А. Эткин-да. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 333—365. Особенно с. 345—348.

² Там же. С. 362.

О сложном взгляде на нации и национализм

Прежде всего, вопреки марксистской и, шире, радикально-конструктивистской позиции нации, будучи воображаемыми сообществами¹, не являются «искусственными» образованиями. С одной стороны, воображение, лежащее в основе всякого имперсонального социального отношения (начиная от «большой семьи» кровных родственников и профессиональных, этнических и других групп и заканчивая нацией и человечеством), является неотъемлемой частью социальной реальности. Поскольку социальные отношения всегда символически опосредованы², то и результаты воображения нации — национальные символы, образы, мифы — оказывают непосредственное влияние на поведение людей и их чувства³. С другой стороны, исторический взгляд на образование наций позволяет заключить, что они никогда не являются чистыми конструктами, но всегда опираются на реальные исторические условия и предпосылки. Как отмечает Майкл Уолцер, «нации — это воображаемые сообщества, конструируемые на основе предшествующих воображаемых сообществ». Комментируя знаменитую фразу идейного лидера движения Рисорджименто (Объединение Италии) Массимо д'Адзельо: «Мы сотворили Италию, теперь мы должны создать итальянцев», Уолцер отмечает, что «Италию было куда легче создать из неаполитанцев, римлян и миланцев, чем из ливийцев и эфиопов». Действительно, необходимым условием появления итальянской гражданской нации было существование более-менее единых представлений о прошлом у жителей Апеннинского полуострова, равно как и их культурная, этническая и языковая близость друг другу. Более того, наличие этих «связей с прошлым... позволяет объяснить,

¹ См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001 [1991].

² См.: *Гири К.* Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004 [1973].

³ См.: *Bouchard G.* Raison et déraison du mythe. Au cœur des imaginaires collectifs. Montréal: Éditions du Boréal, 2014.

почему мы склонны рассматривать ее (итальянскую нацию. — Э. П., С. Ф.) как легитимное политическое образование, тогда как попытки сделать итальянцев из ливийцев или французов из алжирцев были нелегитимными»¹.

Во-вторых, принадлежность к нации, самоидентификация с ней не являются результатом *исключительно* внешнего принуждения. Разумеется, политическая составляющая нации, особенно в процессе национального строительства, несет в себе элемент насилия. Однако это насилие, как правило, является следствием того, что идея нации в любом обществе неизбежно натывается на сопротивление сил социальной традиции, хотя формы и мера этого сопротивления на практике различаются. Так, во Франции, где идея гражданской нации была сформулирована еще в конце XVIII века, процесс национально-гражданской консолидации не был полностью завершён и к началу XX столетия. Юджин Вебер в своем историческом исследовании, ставшем классическим, показал, сколь длительным и трудным был процесс «превращения крестьян во французов»². Крестьяне Франции долгое время осознавали себя частью локальных и региональных сообществ (Бретань, Нормандия, Прованс и др.), а вовсе не членами французской нации и гражданами Республики. В 1789 году более половины населения Франции вообще не владело литературным французским языком³. Еще более культурно раздробленной была упомянутая выше Италия. К моменту ее объединения в Итальянское королевство, завершившегося лишь в 1870 году (одновременно с объединением Германии) после присоединения к нему Рима, не более 2–3% населения этой страны говорили дома на литературном итальянском языке, а остальные использовали различные

¹ *Walzer M.* Book Review of “Nations and Nationalism Since 1780” by E. J. Hobsbawm // *Social Contract Journal*. Winter 1990—1991. Vol. 1, N. 2. (URL: http://www.thesocialcontract.com/artman2/publish/tsc0102/article_12.shtml).

² *Weber E.* *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870—1914*. Stanford, California: Stanford University Press, 1976.

³ См.: *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // *Логос*. 2005. № 4 (49). С. 51.

диалекты, зачастую труднопонидаемые при общении представителей разных регионов Италии¹. Региональное, раздираемое социально-классовыми противоречиями самосознание итальянцев подавляло развитие единого гражданского сознания. Именно это имел в виду маркиз д'Адзельо.

В то же время государственные усилия по культивированию гражданско-национального сознания у населения никогда не привели бы к успеху и столь широкому (и продолжающемуся по сей день) распространению национализма в мире, если бы не существовало «самого обычного человеческого желания жить в привычном мире со знакомыми тебе людьми»². Бернад Як, опираясь на современные теории социальной психологии, опровергает тезис о национализме как проявлении иррационального коллективизма. Солидарность с национальным сообществом — это скорее проявление потребности людей в «социальной дружбе», а сама нация, как воображаемое сообщество, есть средоточие моральных отношений между индивидами³. Более того, в отличие от других видов сообществ нация представляет собой особое «межпоколенное сообщество (an intergenerational community), члены которого связаны друг с другом чувствами взаимной заботы (mutual concern) и лояльности тем, с кем они делят общее наследие культурных символов и нарративов»⁴.

В-третьих, национализм не может быть сведен ко «все-му плохому», что свойственно обществу и самой человеческой природе. Как отмечает Пьер-Андре Тагиефф, «негативизация» идеи нации и феномена национализма является следствием идеологических игр их противников с этими важнейшими понятиями: антинационалисты всех мастей создают амальгаму смыслов, в которой национализм выступает (в зависимости от ситуации и идеологических предпочтений) синонимом ксенофобии, этноцентризма, расизма,

¹ См.: *Hobsbawm Э.* Все ли языки равны?

² *Walzer M.* Book Review of “Nations and Nationalism Since 1780” by E. J. Hobsbawm.

³ См.: *Yack B.* Nationalism and the Moral Psychology of Community. Chicago: University of Chicago Press, 2012.

⁴ *Ibid.* P. 4.

империализма и в конечном счете олицетворяет собой политическое насилие¹. «Национализм — это война!» — именно этой фразой, встреченной бурными аплодисментами, закончил свое выступление перед депутатами Европарламента французский президент Франсуа Миттеран в январе 1995 года². Резко негативный образ национализма был положен в основу мифа основания Евросоюза (EU's foundational myth), воспроизводимого в дискурсе его официальных представителей и структур. Согласно этому политическому мифу, «ЕС возник на пепелище [Второй мировой] войны для того, чтобы отвергнуть национализм как принцип, лежащий в основе системы власти (governing) и отношений между государствами», поскольку именно национализм к середине XX века «довел [Европейский] континент до состояния полного разорения»³. Понятно, что подобные смысловые амальгамы в какой-то мере «нормальны» для практической политики, поскольку они являются элементом идеологической борьбы. Не стоит забывать, что национализм — это категория не только социального анализа, но и политической практики. Однако задача исследователя как раз в том и состоит, чтобы разделять их между собой.

Уже само различение между «национализмом» и другими перечисленными выше понятиями, существующее в нашем языке, подсказывает, что речь идет о разных, хотя и в чем-то пересекающихся феноменах. В действительности национализм любого вида может эксплуатироваться государством, однако по преимуществу является категорией общества, а не государства. Этот социетальный подход к оценке национализма преобладает в современных академических кругах по сравнению с более узкой парадигмой, отождествляющей национализм с этатизмом, «державностью», господством

¹ См.: *Taguieff P.-A. La revanche du nationalisme: Néopopulistes et xénophobes à l'assaut de l'Europe.* Paris: Presses universitaires de France, 2015. P. 17, 20.

² François Mitterrand: «Le nationalisme, c'est la guerre!» // Institut national de l'audiovisuel. 17.01.1995. (URL: <http://fresques.ina.fr/mitterrand/fiche-media/Mitter00129/le-nationalisme-c-est-la-guerre.html>).

³ *Sala V. Della. Europe's Odyssey?: Political Myth and the European Union // Nations and Nationalism.* 2016. Vol. 22, N 3. P. 532.

над территориями и подчиненными народами. Для характеристики этатизма, как правило, используется другой термин — «шовинизм». В середине XIX века этот термин был заимствован из французского большинством европейских языков и трактовался в толковых словарях как «бурное патриотическое настроение воинственного характера»¹. Во всех случаях толкования речь шла о психологически форсированном подчеркивании превосходства своей страны (и следовательно, своей нации) над другими странами. Шовинизм нетождествен национализму, потому что отражает иной тип ценностей, а именно ценности этатизма, подчинения интересов личности и групп, включая этнические сообщества, государству, тогда как национализм базируется на ценностях социетальных, относящихся к обществу и идее социальной вовлеченности.

Наконец, в-четвертых, современный взгляд на национализм акцентирует внимание на его непосредственной связи с идеей народного суверенитета, то есть с основой современного политического порядка. Политическая, гражданская составляющая нации не менее, а с усложнением структуры общества *все более важна*, нежели культурный, языковой и этнический ее компоненты.

В классических теориях было принято противопоставлять «западный» и «восточный», «гражданский» и «этнический» типы национализма. За этими концептуальными различиями скрываются и более глубинные споры, в частности между примордиалистами и конструктивистами, сторонниками социального холизма и методологического индивидуализма, а позднее «либералами» и «коммунитаристами», дискуссии между которыми, первоначально разразившиеся в США в 1970-е годы, оказали известное влияние на социальную теорию и политическую философию². В современной науке радикальное разделение на «гражданский» и «этнический» национализм было (на наш взгляд, вполне справедливо)

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. (URL: <http://www.vehi.net/brokgauz>).

² См.: *Yack B.* Nationalism and the Moral Psychology of Community.

поставлено под сомнение¹. С этим соглашаются и некоторые интеллектуалы, изначально скептически настроенные в отношении культурного компонента национализма. Среди них немецкий философ Юрген Хабермас, видящий в демократическом процессе («конституционном патриотизме») фактически единственный фактор социальной интеграции индивидов, в том числе за пределами национального государства. Тем не менее в исторической ретроспективе он признает: «Только национальное сознание, кристаллизирующееся вокруг ощущения общности происхождения, языка и истории, только осознание принадлежности к “одному и тому же” народу делает подданных гражданами одного политического целого, его членами, которые могут чувствовать себя ответственными друг за друга»².

И все-таки важность обоих компонентов национального сознания — культурно-этнического и гражданско-политического — и их комплементарность отнюдь не отменяют того факта, что политическая нация, то есть сообщество граждан, совместно участвующих в жизни суверенного государства, — исторически молодое явление, ставшее реальностью только в эпоху модерна. Собственно, демократизация государства через принцип народного суверенитета позволила впервые создать политическую систему, участие в функционировании которой открыто для любого гражданина, в отличие от взгляда на нацию как преимущественно этническое сообщество, что подразумевает более закрытую систему, доступную лишь представителям определенной этнической общности³. Некоторые авторы указывали на появление этой новой концепции в Европе XVII века (совместно с развитием

¹ См. подробнее: *Брубейкер Р.* «Гражданский» и «этнический» национализм // Он же. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: ИД Высшей школы экономики, 2012 [2004]. С. 239—265; *Як Б.* Миф гражданской нации // Прогнозис. 2006. № 2 (6). С. 156—171.

² *Хабермас Ю.* Есть ли будущее у национального государства? // Он же. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю. С. Медведева под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2001 [1996]. С. 208.

³ См.: *Rosel J.* Nationalism and Ethnicity: Ethnic Nationalism and the Regulation of Ethnic Conflict // *War and Ethnicity: Global Connections and Local Violence* / D. Turton (ed.). San Marino: Boydell Press, 1997. P. 145—162.

идей конституционализма и разделения властей)¹, однако большинство исследователей относят ее появление, а значит, и рождение национализма в полном смысле слова к концу XVIII — началу XIX века и чаще всего связывают его с Великой французской революцией, с «борьбой третьего сословия против монархического правления за общенародное представительство»².

Несмотря на то что в современном значении идея нации и содержание понятия «национализм» подразумевают в качестве *обязательного* элемент индивидуализма и гражданственности, свободного выбора и принципа ответственного участия в общественных делах (*res publica*), многие современные нам критики отвергают их именно в борьбе с примордиалистскими и историцистскими трактовками нации. Однако это означает примерно то же, что отвергать идею демократии, если трактовать таковую как правление несведущей толпы. Несмотря на легитимность критики демократии с точки зрения обличения неизменно присущих ей массовости и охлократического элемента, было бы неверно сводить ее к этим феноменам. Также и нацию невозможно свести к одержимости мифом общего происхождения и стремлению отгородиться от внешнего мира. Особенно в современном мире высокой мобильности и массовых коммуникаций, где «национальное достояние (*national heritage*) больше не может рассматриваться как запечатанная сокровищница, которую следует передавать в неизменном виде [новым поколениям]»³.

¹ См.: *Seton-Watson H. Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1977. P. 1—13.

² Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова и В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 4.

³ *Ben-Israel H. The Nation-State: Durability Through Change // International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2011. Vol. 24, N 1—2. P. 67. Современный мир, условно после 1989 года (падение Берлинской стены), по словам французского историка Франсуа Артога, теперь живет в новом «режиме историчности», сконцентрированном на настоящем, а не будущем, как это было в XIX и XX веках. Это сказывается и на способах публичного воображения нации, которая отныне мыслится не столько в терминах мессианства и протяженности во времени, сколько «из нынешнего момента» и в терминах культуры, наследия и коммеморации.

Субъективная привязанность к сообществу, не будучи, как мы показали выше, чем-то «ущербным» и противным человеческой природе, в конечном счете не противоречит созданию широкой, инклюзивной гражданской идентичности.

Нация и либеральная демократия

В попытке понять, почему никто из великих мыслителей XIX века не сумел предвидеть подъем национализма «немецкого типа» в веке двадцатом, И. Берлин парадоксальным образом упустил из виду то обстоятельство, что «романтическому бунтарству» предшествовал и впоследствии успешно конкурировал с ним собственно просвещенческий, республиканский национализм, рожденный в пафосе французского революционаризма. Это интеллектуальное упущение очевидным образом вписывается в общее негативное восприятие не то что даже явления, но и самого слова «национализм» в Европе того времени: после 1945 года, и особенно в первые послевоенные десятилетия, за ним непременно маячила тень нацизма. Даже столь откровенный сторонник принципа национального суверенитета (и кстати, столь же непримиримый борец с нацизмом), как генерал де Голль, будучи президентом Франции в 1960-е годы, остерегался называть себя националистом. Не отказываясь от своих убеждений, он предпочитал противопоставлять «хороший» патриотизм, то есть преданность своему отечеству, «плохому» национализму, понимаемому как неприятие других наций¹. Но, вероятно, дело еще и в том, что действительно выдающийся мыслитель, каким был Берлин, стремился вывести формулу «чистого» национализма, отделив его от других тенденций — прежде всего идейных движений — в той или иной стране. Так, чисто гипотетически Германию можно было представить в образе страны с «преобладанием»

См.: *Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expérience du temps.* Paris: Seuil, 2003.

¹ См.: *Taguieff P.-A. La revanche du nationalisme: Néopopulistes et xénophobes à l'assaut de l'Europe.* P. 18 ff.

националистического фактора в своем развитии, Францию — страной республиканизма с демократическим уклоном, а Британию — обществом, основанном на смеси либерализма с чопорным аристократизмом. Но все дело в том, что такие формулы, будучи в некотором отношении интеллектуально привлекательными и важными с концептуальной и мировоззренческой точки зрения, в исторической перспективе совершенно искусственны и бесплодны. Даже порой противостоя друг другу, либерализм, демократия и национализм были (и, вероятно, будут в дальнейшем) тесно друг с другом связаны, притом что каждый из них а priori не противоречит остальным.

Исторически либерализм и национализм гражданского толка чаще всего выступали как естественные союзники, а не враги. Объединяет национализм и либерализм их совместный вклад в создание новой формы социальной организации, основанной на идее (или, если угодно, базовом политическом мифе) народного суверенитета, которая была последовательно разработана европейской философией XVII и XVIII веков. По словам Б. Яка, «национализм и либеральная демократия развиваются во взаимной связи по двум причинам: либеральное понимание политической легитимности способствует, хотя и непреднамеренно, подъему национализма; а лояльность национальному сообществу (*national loyalties*) позволяет либералам укрепить тот принцип легитимности, который обеспечивает достижение их политических целей»¹. Иными словами, в условиях секулярного и урбанизированного общества сочетание либеральных принципов и национальной организации в форме государства-нации «решило две проблемы: на основе нового способа легитимации сделало возможной новую, более абстрактную форму социальной интеграции»². На смену религиозной и местнической лояльности и традиционной легитимации власти пришли национальное самосознание и гражданско-правовой, или, если воспользоваться термином Макса Вебера, легально-рациональный тип политического господства.

¹ *Yack B. Nationalism and the Moral Psychology of Community. P. 7.*

² *Хабермас Ю. Есть ли будущее у национального государства? С. 206.*

Идеал либерализма заключается в построении общества, где индивидуальная свобода является высшей ценностью и где четко определены «пределы власти, которую общество вправе осуществлять над личностью»¹. Национализм, в свою очередь, постулирует в качестве высшего принципа лояльность, преданность национальному сообществу. Различие целей в теории оборачивается возможностью взаимовыгодного симбиоза на практике. Национальная «рамка» позволяет сформировать ответственное сообщество граждан, реализующих свободу путем коллективного усилия по отношению к власти как объекту своего действия. Иными словами, национализм «поставляет» либерализму институциональные, идеологические и психологические инструменты, позволяющие «обуздать» государство и сделать его орудием реализации интересов общества. Высшей целью «заботы» о нации в таком случае становится защита свободы ее членов, в том числе посредством выработки общих ценностей, законов и норм поведения, позволяющих поддерживать общественный консенсус. Нация является *условием и залогом существования демократии* потому, что без национально-гражданской идентичности режим институционализированной свободы существовать не может. К такому заключению мы придем, если обратимся к богатому историческому опыту самых разных стран мира и доказавшим свою состоятельность концепциям политической теории.

Тезис о том, что национальное единство (*national unity*) является единственным предварительным условием демократизации, был высказан и обоснован известным политологом Данквартом Растроу еще в 1970 году². Он подчеркивал, что национальное единство является «предварительным условием демократизации в том смысле, что оно должно предшествовать всем другим стадиям процесса»³. Имеется в виду процесс становления демократических институтов в государ-

¹ *Милль Дж.* О свободе [1859] / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10.

² См.: *Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. Apr. 1970. Vol. 2, N 3. P. 337–363.

³ *Ibid.* P. 351.

стве и демократического сознания в обществе. Демократия, народное самоуправление, означающее в условиях сложных современных обществ учреждение режима представительного правления¹, возможно лишь после того, как сформируется его субъект — народ, нация, то есть граждане, осознающие как свою принадлежность к определенному сообществу со своей политической системой, так и свое место в этой системе в качестве суверена — источника власти. Важно подчеркнуть, что Д. Растоу использует понятие «национальное единство» весьма рационально, очищая его от мистического налета «типа плоти и крови (*Blut und Boden*) и ежедневных обетов верности им, или личной тождественности в психоаналитическом смысле, или же некой великой политической миссии всех граждан в целом»². Ссылаясь на исследования Карла Дойча, Растоу утверждает, что национальное единство есть «плод не столько разделяемых всеми установок и убеждений, сколько небезучастности (*responsiveness*) и взаимодополненности (*complementarity*)». Далее он разъясняет, что «предварительное условие [перехода к демократии] полнее всего реализуется тогда, когда национальное единство признается на бессознательном уровне, когда оно молчаливо принимается как нечто само собой разумеющееся»³.

Из сказанного вытекает вывод о том, что национальное единство есть не только необходимое условие перехода к демократии, но и в значительной мере его следствие. Какие-то навыки общественной взаимопомощи проявляются и в условиях политических режимов, предшествующих демократии, однако для того, чтобы вызрела гражданская культура, главным содержанием которой является участие граждан в общественной жизни⁴, в том числе в управлении государством, да еще и стала бессознательной привычкой,

¹ См.: Манен Б. Принципы представительного правления / Пер. с англ. Е. Н. Рошина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008 [1995].

² *Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model.* P. 350.

³ *Ibid.* P. 351.

⁴ См.: *Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* Princeton: Princeton University Press, 1963.

само собой разумеющимся явлением, нужен исторически длительный опыт общественной самореализации. Другими словами, необходима институциональная среда демократии, не только позволяющая гражданам проявлять такое участие, но и стимулирующая его.

Итак, достижение национально-гражданского единства и становление демократии тесно взаимосвязаны, не будучи при этом четко лимитированными по времени. На это указывал и сам Д. Растоу, отмечавший, что процессы становления демократии в Англии были заметны уже к 1640 году, но не были завершены и в 1918 году, почти три века спустя¹, тогда как в других случаях (например, в Швеции конца XIX — начала XX века и в Турции после 1945 года) эти процессы были более «сжатыми» во времени. Но точно так же и национально-гражданское единство постоянно находится в состоянии становления. Оно не менее хрупкий конструкт, чем демократия. Еще Эрнест Ренан говорил о нации как о «духовном принципе», культурном единстве, которое достигается и проверяется в процессе «повседневного плебисцита»². Особенно выделяя веру в героическое прошлое и культ предков, с одной стороны, и согласие жить вместе, стремясь к совершению великих дел в будущем на основе этой веры, — с другой³,

¹ См.: *Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model*. P. 347.

² Ренан Э. Что такое нация? [1882] // Хронос. (URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php). Демократическая компонента, являющаяся ключевой в концепции Ренана, была, как известно, разработана ученым в контексте «проблемы Эльзаса — Лотарингии», аннексированных Германией по результатам Франко-прусской войны 1870—1871 годов. Эльзас, согласно ренановской теории нации, «не является ни французским, ни немецким по своей природе, но является французским потому, что эльзасцы хотят быть французами». Цит. по: *Tenzler N. Double nation ou nation impossible? // Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? Paris: Éditions Mille et une nuits, 1997. P. 40.*

³ Собственно, историцистское представление о *длящемся во времени* сообществе — «мы» в прошлом («наши предки»), настоящем («мы сами») и будущем («наши потомки») — лежит в основе национальной картины мира и национального нарратива истории. В этом смысле всякая нация в лице ее теоретиков, глашатаев и простых граждан должна ответить на следующие вопросы: в какой степени прошлое определяет настоящее? какое прошлое должно помнить, а какое — предать забвению? какие моменты стоит считать поворотными в истории нации? См. увлекательные

Ренан настаивал на наличии прямой причинной связи между идеями нации и свободы. «Моральное сознание, называемое нацией», утверждал он, неразрывно связано с состоянием гражданственности, создающим пространство добровольного участия, в котором «человек — не раб ни расы, ни языка, ни религии, ни течения рек, ни направления горных цепей»¹.

В основе гражданского состояния людей, собственно и образующих общество посредством воображения социальной реальности и связанного с ним особого рода коллективного усилия (иными словами — демократического участия), лежит идея народного суверенитета по отношению к инстанциям власти. То самое «мы», которое наполняют практическим смыслом сами граждане. Притом каждый гражданин реализует себя как такового, участвуя в «повседневном плебисците», поскольку ощущает, что от его мнения, от его активной позиции — не только в процессе участия в выборах и погруженности в политические дебаты, но и в принятии низовых решений, кооперации на местном уровне — зависит *нечто*, что мы со времен древних греков называем общим благом. Еще Платон и Аристотель не соглашались между собой в определении цели государства (для первого это была справедливость, для второго — счастье каждого), но все же сходились в главном: человек является свободным *только в обществе*, будучи жителем полиса, то есть именно как гражданин, не зависящий в своих суждениях и действиях от внешней воли (свободный от рабства). В этом смысле идея нации, одна из ключевых для эпохи модерна, во многом является выражением данного морального принципа, открытого в Древней Греции² и переосмысленного в современную эпоху с позиций эгалитаризма и либерализма. Без гражданского участия невозможна

размышления на эту тему: Зерубавель Э. Переломные моменты истории // Неприкосновенный запас. 2015. № 2 (100). (URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6347>).

¹ Ренан Э. Что такое нация?

² Об аристотелевской этике добродетели, реализация которой возможна только в полисе, то есть в условиях гражданской дружбы и при наличии чувства сопричастности, см.: Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000 [1981]. Особенно с. 199—223.

и собственно частная, или «негативная», свобода, которую со страстью (столь дорогой греческим философам добродетелью) защищали такие выдающиеся либеральные мыслители, как Бенжамен Констан в XIX и Исайя Берлин в XX веке. Как показывает история разных стран мира, практически вне зависимости от географии и культуры поддержание прав и свобод личности реализуется в непосредственной связи и при помощи установления режима народного (представительного) самоуправления, а именно путем создания собственно *гражданского* общества, в котором индивиды становятся активными субъектами социальности.

Вспомним Декларацию прав человека и гражданина, провозглашенную во Франции в 1789 году. Естественные права человека — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению — в ней фактически отождествляются с правами гражданина¹. Именно потому, что не может быть прав человека *самих по себе*, без гражданского общества и политического, национального союза, провозглашающего своей целью защиту этих прав (статья 2) и создающего для этого необходимые условия (через участие и общественный контроль над институтами государства). На это указывала еще Ханна Арендт в своем исследовании истоков тоталитаризма, рассуждая о беженцах, «людях без государства», лишившихся правовой защиты в результате исключенности из национальных государств по итогам Первой мировой войны². Об этом же пишет итальянский философ Джорджио Агамбен,

¹ Тогда, в конце XVIII века, гражданами считались только мужчины, платившие налоги, но в результате процесса демократизации последних двух столетий гражданским статусом было наделено все взрослое население страны.

² См.: *Аренд Х. Упадок национального государства и конец прав человека* // Она же. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. под ред. М. С. Ковалевой и Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996 [1966]. С. 361—404. В частности, Арендт писала: «Гражданские права (т.е. изменчивые права граждан в различных странах) были задуманы как воплощение и выражение в форме дееспособных законов вечных прав человека, которые сами по себе предполагались независимыми от гражданства и национальности. Все человеческие существа были гражданами какого-то политического сообщества. Если законы страны не отвечали требованиям прав человека, ожидалось, что люди способны изменить эти законы, в демократических странах — путем законодательства, в деспотиях — революционными действиями» (Там же. С. 392).

констатирующий наличие «разрыва между гуманитарным и политическим» в наши дни, и это несмотря на рост влияния универсалистского дискурса прав человека после 1945 года¹.

Для российского читателя важным свидетельством неразрывной связи между гражданственностью и индивидуальными правами, прежде всего личной свободой, является пример истории нашей страны в прошлом столетии. Советский тоталитаризм в самом точном смысле слова был реализацией антигражданского состояния. Об этом в своих лекциях много размышлял Мераб Мамардашвили. Доказывая, что гражданское общество как особое символическое пространство, без которого невозможно само осознание прав человека и которое, следовательно, «является просто условием возможных осмысленных терминов постановки социальных, исторических и политических задач», Мамардашвили утверждал, что «в 1917 году [в России] произошло коллективное самоубийство общества и государственности»². Потому что советский проект с самого начала был нацелен на уничтожение фигуры самостоятельного гражданина, субъекта народного суверенитета, и собственно публичного пространства демократии, существование которого и делает возможным плюрализм мнений. В этой связи один из основателей эмпирической социологии в СССР, Владимир Шляпентох, в 2015 году признавал, что советские идеологи «в каком-то смысле понимали природу тоталитарного государства и его влияние на сознание его граждан гораздо лучше, чем мы» (то есть ученые, пытавшиеся изучать мнения советских людей). В тоталитарных и жестких авторитарных режимах, «без серьезной оппозиции и реального выбора между различными политическими силами... независимое от власти, общественное мнение невозможно»³. Уничтожение пространства, где различные

¹ См.: *Агамбен Дж.* Права человека и биополитика // Он же. *Номо sacer.* Суверенная власть и голая жизнь / Пер. с итал. под ред. Д. Новикова. М.: Европа, 2011 [2005]. С. 161—172.

² *Мамардашвили М. К.* О гражданском обществе // Он же. *Опыт физической метафизики.* М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 233, 242—243.

³ Владимир Эмманиулович Шляпентох об изучении общественного мнения // Санкт-Петербургская ассоциация социологов. 28.03.2015. (URL:

мнения могут высказываться и «конденсироваться» в коллективные действия, партии, движения, позволило большевикам создать систему абсолютной в своем произволе власти. Поскольку гражданского общества нет и ее действию ничто не могло сопротивляться, власть становилась непредсказуемой и потенциально вездесущей, подобно природной катастрофе или самой случайности, судьбе, которая, по словам Макиавелли, являет «свое всеисилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений»¹. Зачатки гражданского состояния в России, формировавшиеся между 1861 и 1917 годами, были главным и последним препятствием на пути установления собственно тоталитарной (а не классической) диктатуры в СССР. После их уничтожения не оставалось ни малейшего шанса на возможность личной свободы советских людей. Фактически лишённые гражданских прав, они не имели прав и «просто как люди».

Наконец, важно отметить еще одно обстоятельство. Новейшие исследования становления общественных институтов современной эпохи показывают, что в центре этого процесса, вернее совокупности сложных процессов, было переосмысление элитами и населением своего положения друг по отношению к другу. Элиты осознавали (часто под угрозой революции) свою зависимость от населения и потому создавали условия для выражения публичного плюрализма и социального включения (*social inclusion*), тем самым закладывая основы нового социально-политического порядка, впервые сформировавшегося в Западной Европе и США к началу XIX века. В современной институциональной литературе он получил название «порядка открытого доступа»² и системы «инклюзивных» политических и экономических

---

http://www.sociologists.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=654:2015-03-28-14-51-26&catid=1:latest-news&Itemid=50.

¹ *Макиавелли Н.* Государь / Пер. с итал. М.: Планета, 1990. С. 74.

² *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера и др. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011 [2009].

институтов¹ (в противоположность соответственно «естественному государству» и «эксклюзивным» институтам). Иными словами, ориентированная на игру по четким правилам и зависящая от воли граждан элита заинтересована в создании и поддержании демократических институтов, социальной мобильности и экономического благополучия. Поддерживая выводы данных исследований, мы должны отметить один важный момент. Поразительно то, что обе группы авторов вообще обходятся без упоминания нациестроительства последних двух столетий, и это притом, что именно в рамках и в тесной связи с формированием национальных сообществ происходило вызревание эмансипирующих институтов. Стоит ли говорить, что переосмысление ролей и отношений между управляющими элитами и управляемыми слоями не было бы возможно без идеи нации, понимаемой как горизонтальное сообщество равных в правах граждан, воля которых признается в качестве единственного источника любой законной и легитимной государственной власти.

Так или иначе, если в ведущих странах Запада связь между гражданским национализмом и либеральной демократией была концептуализирована интеллектуальной элитой и воплощена на практике на протяжении последних двухсот лет, то ее осознание для России и многих других стран мира, оказавшихся в исторической ловушке на пути к политической модернизации², по-прежнему является актуальной задачей первейшей важности.

Гражданская нация и гражданское общество

Выше мы не раз обращались к понятиям гражданской нации и гражданского общества. Поскольку их часто путают, нам

¹ См.: *Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Publishing Group, 2012.*

² См. подробнее: *Паун Э. А. Будущее постимперских обществ. Нации, гражданский национализм и демократия // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. (URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-postimperskikh-obshchestv-XXI-veka--16008>).*

представляется важным кратко остановиться на их определении. Являются ли эти понятия взаимозаменяемыми? И не стоит ли в таком случае использовать вместо столь часто критикуемого термина «гражданская нация» куда более популярное и даже модное выражение «гражданское общество»? На оба вопроса мы склонны дать отрицательный ответ. Безусловно, в определенных контекстах оба эти ключевые понятия имеют близкое, если не сказать родственное, значение. Однако их семантические ядра отнюдь не совпадают, но лишь частично пересекаются.

Экспоненциальный рост литературы о гражданском обществе за последние три десятилетия породил огромное количество определений этого феномена. Тем не менее с тех пор сформировался некоторый доминирующий подход к его пониманию. Как отмечает философ Борис Капустин, «общим знаменателем самых расхожих ныне определений гражданского общества будет то, что оно считается сферой автономной (читай: негосударственной) социальной жизни, образованной добровольными (читай: построенными на принципах свободы и солидарности) ассоциациями»¹. Таким образом, гражданское общество чаще всего понимается как совокупность отношений между людьми и группами, которые по преимуществу (но далеко не всегда²) избегают политической активности, но при этом ведут открытую (публичную) и, как предполагается, взаимовыгодную деятельность, непосредственно не ориентированную на получение прибыли и осуществляемую как на территории того или иного государства, так и за его пределами³. В этом смысле гражданское общество чаще всего ассоциируют с «третичным сектором», который дистанцируется как от политики, так и от рынка (что,

¹ Капустин Б. Г. Что такое «гражданское общество»? // Он же. Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010. С. 28.

² См. о двух подходах — «объективистском» и «активистском» — к определению гражданского общества: Яковсон Л. И. Будущее гражданского общества: исследование и проектирование // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 2—7.

³ В последнем случае говорят о «глобальном гражданском обществе» (global civil society).

впрочем, не исключает следования участников отношений в рамках «гражданского общества» определенным политическим и экономическим правилам).

Исходя из этого определения гражданского общества, можно говорить о его пересечениях с понятием гражданской нации. Прежде всего, их роднит указание на нетождественность описываемых ими феноменов и структур власти, их автономность от государства. Как «гражданская нация», так и «гражданское общество» выражают способность общества контролировать и направлять государство, формируя и артикулируя собственно национальные, общественные интересы. Иначе говоря, речь идет об определенном *состоянии* общества, или, если воспользоваться словами Эрнеста Геллнера, о «типе социальной организации», соотносимом с эпохой современности и исключающем одновременно «и удушливый коммунизм, и централизованный авторитаризм» (то есть те модели организации, что свойственны традиционным обществам)¹.

Во-вторых, оба понятия выражают сущность гражданской культуры, связанной как с реализацией индивидуальных прав, так и с коллективными усилиями и действиями в публичном пространстве. Именно в данном значении выше говорилось о «гражданственности». В таком ключе о гражданском обществе рассуждал М. Мамардашвили. На выражение этих же черт «гражданского общества» нацелено нормативное определение Б. Капустина, который предлагает понимать под последним «форму практики... объединяющую частных лиц в деле, направленном на общее благо, и преобразующую их *обычное* “мнимое” гражданство в реальное, т.е. в деятельное участие в определении общего блага, борьбе за его осуществление или защите его»². То же самое можно было бы сказать и о гражданской нации. Однако дальше начинаются различия в смыслах, присущих двум понятиям.

Гражданское общество выступает в качестве публичного, но принципиально неполитизированного пространства

---

¹ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: МШПИ, 2004 [1994]. С. 21.

² Капустин Б. Г. Что такое «гражданское общество»? С. 35.

действий и интересов, в котором не ставится вопрос о статусе суверенной власти и политическом правлении. Хотя гражданское общество и институциональная демократия тесно связаны между собой (без самоорганизации граждан не возникают и не могут существовать демократические институты и наоборот¹), «перспективу развития гражданского общества некорректно определять на языке политики»; «исходным пунктом определения [этой] перспективы может и должна выступать оценка имеющегося потенциала альтруистической самоорганизации» граждан². Понятие гражданской нации, напротив, кристаллизует в себе идею народовластия в той мере, в какой оно апеллирует к базовому политическому мифу о «народе... обладающем неограниченной властью в учреждении органов правительства (*unlimited in its power to constitute governments*), но при этом неспособном осуществлять конституируемую им власть»³. Гражданская нация, таким образом, находится в ядре политической системы современной демократии (представительного правления), устанавливая необходимую связь между гражданами и государственной властью.

Другое важнейшее различие между двумя концептами состоит в том, что понятие «гражданское общество» подчеркивает юридическое измерение гражданства (гражданин как носитель прав, гарантированных государством), тогда как понятие гражданской нации подчеркивает в первую очередь его морально-политическое измерение. Поскольку «гражданин — это индивид, привязанный к политическому целому не только правовыми, но и моральными узами, обладающий гражданской идентичностью»⁴, понятие гражданской нации, в отличие от термина «гражданское общество», связано с системой разделяемых гражданами культурных символов

¹ См.: *Якобсон Л. И.* Будущее гражданского общества: исследование и проектирование // *Гражданское общество в России и за рубежом.* 2011. № 1. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ *Hearn J., Kukathas Ch., Miller D., Yack B.* Debate on Bernard Yack's book "Nationalism and the Moral Psychology of Community" // *Nations and Nationalism.* 2014. Vol. 20, N 3. P. 413.

⁴ *Малахов В. С.* Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Капустин Б. Г. *Гражданство и гражданское общество.* М.: ИД Высшей школы экономики, 2011. С. 32.

и общим для них историческим сознанием. Именно поэтому понятие гражданской нации позволяет очертить географические и символические границы общества (что невозможно сделать при помощи термина «гражданское общество»).

Наконец, членство в нации определяется моральной и политической лояльностью своему национальному сообществу, единой гражданской идентичностью и разделением с остальными его членами общего культурного наследия, а потому оно куда шире, чем сообщество акторов гражданского общества.

Если попытаться дать позитивное определение гражданской нации, то оно могло бы выглядеть следующим образом: *это политическое сообщество граждан, наделенных равными и универсальными правами на всей территории государства; сообщество, которое выступает конституирующим по отношению к государственной власти и образует, как правило на протяжении многих поколений, общее культурное пространство с едиными символами и нарративами, выходящими за пределы отдельных этнических культур.* Следовательно, говоря о (гражданском) национализме, мы подразумеваем интеллектуальный и политический проект по построению такого рода гражданской нации.

Либерализм и национализм в России: трудности взаимопонимания

Пока же в российском обществе господствуют иные представления как о национализме, так и о его отношении к идеям свободы. Либеральная часть общества, основная опора проекта политической модернизации, во многом демонстрирует стереотипное, весьма примитивное понимание национализма, сводя его либо к идеологии всевозможных «державников», пропагандистов империи, либо к ксенофобии, страху перед другими народами и межэтнической нетерпимости. В этом отношении показательны споры начала 2010-х годов относительно лозунга «Хватит кормить Кавказ», в очередной раз расколовшие российских либералов.

Осенью 2011 года, несколько месяцев спустя после выступления на Манежной площади (декабрь 2010-го) и накануне очередного Русского марша, который русские националисты с 2005 года проводят в День народного единства 4 ноября, Алексей Навальный¹ и Владимир Милов² высказались за сотрудничество с «адекватным» русским национализмом. А именно на основе борьбы с «кормлением Кавказа» как с наиболее очевидным проявлением коррумпированности российской власти³. Отвечая на это, либеральный экономист Сергей Алексахенко тут же указал на опасность распространения «вируса национализма в нашей стране», уподобив его «бочке с дерьмом, стоящей на Красной площади»⁴. С таких же позиций выступил и член федерального политкомитета партии «Яблоко» Борис Вишневский, заявивший, что для его партии «борьба против национализма — это самая патриотическая позиция и идеология», добавив, что «националисты и “мягкие”, и “жесткие” — это люди, которые ведут к неминуемому развалу России»⁵. Очевидно, что стороны заявили противоположные друг другу позиции. Но в главном они

¹ См.: Актуален ли лозунг «Хватит кормить Кавказ»? // Эхо Москвы. 22.10.2011. (URL: <http://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/822833-echo>).

² См.: *Милов В.* Ответ Сергею Алексахенко по вопросу национализма // LiveJournal. 23.10.2011. (URL: <http://v-milov.livejournal.com/361263.html>).

³ Сигнал был услышан некоторыми интеллектуалами националистического толка. Один из наиболее ярких среди них, Валерий Соловей, заговорил о необходимости поддержать Навального как «мужественного человека», продвигающего в том числе и националистическую повестку. См.: *Соловей В.* Почему важно поддерживать Алексея Навального // Агентство политических новостей. 05.01.2012. (URL: <http://www.apn.ru/publications/print25675.htm>). Впоследствии А. Навальный и В. Милов, а также другие лидеры либерального движения выступали на митингах протеста зимой 2011/12 года совместно с лидерами «национал-демократов», включая К. Крылова и В. Тора. См. более подробный анализ в: *Паун Э. А.* Российское идеологическое безвременье в зеркале Рунета // Вестник Института Кеннана в России. 2013. Вып. 24. С. 62—73; *Laruelle M.* Alexei Navalny and Challenges in Reconciling “Nationalism” and “Liberalism” // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30, N 4. P. 276—297.

⁴ *Алексахенко С.* Хватит кормить! Кого? // LiveJournal. 22.10.2011. (URL: <http://saleksashenko.livejournal.com/129956.html>).

⁵ *Вишневский Б.* Евгению Гонтмахеру: все было — и «зига», и «Слава России!» // Эхо Москвы. 22.08.2013. (URL: http://www.echo.msk.ru/blog/boris_vis/1141290-echo).

все же совпадали: как одни, так и другие трактовали национализм *исключительно* как риторику разделения и идеологию, непременно несущую в себе элемент ненависти по отношению к каким-то этнокультурным группам (в частности, к жителям Кавказа)¹. Если одни сторонники либеральных преобразований рассматривают национализм как инструмент защиты интересов этнического большинства от «паразитирующих» на нем других этносов, поддержанных корумпированной властью в стране, то для других он — в силу тех же причин — неприемлем. Однако, отвергая этнический национализм, действительно чреватый ростом напряженности и распространением конфликтов на культурной почве, последние отвергают национализм *вообще*, главным образом как форму надэтнической и надконфессиональной консолидации общества. Примечательно, что выступивший на волне массовых протестов 2011–2012 годов с идеей иного взгляда на национализм и на его связь с либерализмом Михаил Ходорковский (тогда находившийся в заключении) не нашел широкой поддержки ни среди отечественных либералов, ни среди националистов².

Идея гражданской нации в российской либеральной среде малопонятна, а в значительной мере просто забыта. Между тем, по словам историка Алексея Кара-Мурзы, дореволюционный опыт русского либерализма показывает, что «в России возможно плодотворное сочетание либерально-мировоззрения и глубокого патриотического чувства»³.

¹ Хотя Навальный и другие либеральные сторонники сближения с русским национализмом не называли ксенофобию мотивом этого сближения, они никогда не отрицали своего стремления заручиться поддержкой большей части россиян, поддерживающей другой лозунг — «Россия для русских». См. подробнее аргументацию Навального: Актуален ли лозунг «Хватит кормить Кавказ»? // Эхо Москвы. 22.10.2011. (URL: <http://echo.msk.ru/programs/gazvorot-morning/822833-echo>). Позднее, во время избирательной кампании на пост мэра Москвы в 2013 году, Навальный стал активно продвигать идею введения Россией визового режима со странами Центральной Азии.

² См.: Ходорковский М. Между империей и национальным государством. Национализм и социальный либерализм // Новая газета. 14.06.2012. (URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/53088.html>).

³ Миссия либерала: какова она? // Мир России. 2011. Т. XX. № 2. С. 77.

Отечественные либералы конца XIX — начала XX века, выступая за конституционализм и постепенные политические преобразования, опирались на городские, образованные слои — на тех самых граждан, которые формировали национальное сознание в преимущественно крестьянской полиэтнической империи¹. Современные российские либералы, так же как их исторические предшественники, внимательно относятся к идеям правового государства, независимого суда и политической конкуренции, но плохо понимают, что их реализация невозможна без осознания базовой идеи — принципа народного суверенитета, гражданского сознания и чувства лояльности национальному сообществу. В условиях маргинализации либерального дискурса и диффамации либеральных ценностей со стороны власти либералы еще больше склоняются в сторону антироссийской риторики («дурной народ»), по сути говоря — к социальному расизму². И все же в последнее время со стороны лидеров либерального общественного мнения в России заметны попытки освоения идеи нации как политического сообщества граждан³. Несмотря на ошибки в деталях и непонимание ими роли гражданской культуры в процессе становления демократии и распространения либеральных идей, общий тренд кажется нам положительным.

¹ Обобщая взгляды выдающихся российских либералов-правоведов на рубеже XIX и XX столетий на государственное устройство России того времени, социолог Андрей Медушевский пишет: «Национальное и государственное единство страны согласно либеральной программе конституционализма есть безусловный приоритет и должно быть обеспечено не внешним принуждением, но созданием социального и национального консенсуса в обществе (то, что мы назвали бы сейчас гражданской нацией)» (*Медушевский А.Н.* Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX — начала XX века. М.: Новый хронограф, 2010. С. 441).

² См. подробнее: *Федюнин С. Ю.* Либералы 2.0: осажденное меньшинство // Интернет и идеологические движения в России: Коллективная монография / Сост. Г. Никопорец-Такигава, Э. Паин. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 186—251.

³ См.: Алексей Навальный: «Татары гордятся тем, что они татары, давайте их расцелуем за это!» // Бизнес Online. 09.03.2017. (URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/339269>); *Ходорковский М.* Русские европейцы. Наша цель — российская гражданская нация // Ходорковский. 01.03.2017. (URL: https://khodorkovsky.ru/mbh/statements/russian_europeans/?from=mobile).

Однако пока что в России по преимуществу антинациональный либерализм противостоит повсеместно господствующему антилиберальному национализму имперского толка¹. Своеобразный неоимперский консенсус, образовавшийся после присоединения Крыма Россией в марте 2014 года, разделяют самые разные силы: провластные конформисты, консерваторы-традиционалисты, левые популисты и основная масса русских националистов². Еще с середины 2000-х годов российская власть взялась активно инвестировать в понятие нации, подобно тому как имперский режим после подавления восстания декабристов (1825) принялся вытеснять из этого ключевого понятия гражданский дух (декабристы трактовали нацию как представительное правление) и подменять его верноподданничеством короне. Так же как в старой России 1830-х годов оформился гибрид имперского, или, как выразился Б. Андерсон, «официального национализма», так и в новой, постсоветской России появился его аналог, новодел. В начале XXI века российская власть последовательно пропагандирует идеи «суверенной демократии», «особого пути» России и «уникальной цивилизации», под прикрытием которых консолидировался авторитарный режим и мифологизировалось массовое сознание россиян. Эта риторика «уникальной» России не чужда подавляющему большинству левых, поддерживающих левопатриотические силы (типа КПРФ), и имперским националистам. Но если у сторонников неосоветской идеологии «охранительство» очевидным

¹ См. подробнее: Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Россия в плену имперского синдрома: о природе политической инерции // Интернет и идеологические движения в России. С. 387—447.

² О различных идеологических движениях в России начала 2010-х годов см. указанную коллективную монографию. В 2000-е годы наблюдалась несколько иная, но в целом похожая картина. Уже тогда было очевидно доминирование, во-первых, имперских и цивилизационных, а во-вторых, этнических и этнорасовых схем в интерпретации понятия «нация» и феномена национализма. Так, Марлен Ларюэль выделила несколько типов национализма в России 2000-х: оппозиционный национализм (НБП, скинхеды и т.д.), популистский национализм (КПРФ, ЛДПР, партия «Родина» и др.), консервативный национализм («Единая Россия» и официальный дискурс власти). См.: Laruelle M. In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

образом проистекает из антизападной и антикапиталистической риторики, то у большинства русских националистов другая мотивация поддержки власти — убежденность в необходимости мощного государства, управляемого русским православным царем, чья «сильная рука» необходима для сохранения этнически разнородного пространства на обширных территориях. Левые и националистические «охранители», полностью не разделяющие представлений об «особом пути» и «уникальной цивилизации» России, но пораженные многочисленными фобиями по отношению к разрушению российского государства, становятся опорой для дискурса официального режима. Неоимперская идея, способная, таким образом, сплотить конгломерат различных по своим идеологическим платформам сил, наглядно демонстрирует, что «вопрос отношения к империи остается для [современной] России архиважным»¹.

Очевидно, что как в России, так и в мире различные силы («прогрессивные» и «реакционные») пытаются присвоить себе символический капитал понятия «нация», играющего «ключевую и весьма многоплановую роль в политическом мышлении модерна»², и монополизировать дискурс о национализме, являющийся мощным инструментом политической мобилизации. Но если в Европе, где национал-либеральный синтез состоялся, сегодня национализм фактически «приватизирован» крайне правыми силами, то в России этот идейный синтез всячески блокируется, а вместо дискурса современного, гражданского национализма господствует державничество, культ государства, насаждаемый противниками либерализма и демократии. На наш взгляд, эффективно противостоять последнему можно только с позиций либерального национализма. Проблема заключается в том, что до последнего времени для его зарождения в России были неблагоприятными не только внутренние, но и внешние для страны условия...

---

¹ *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2007 [2002]. С. 43.

² *Миллер А. И.* История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (46). (URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii>).

ГЛАВА 2. НАЦИЯ: КРИТИКА И РЕАБИЛИТАЦИЯ ОДНОЙ ИДЕИ

Райнхарт Козеллек, основатель оригинального исследовательского направления по истории понятий (*Begriffsgeschichte*), полагал, что концепты, используемые в социальной науке, философии и обыденной жизни, являются самостоятельными факторами исторического развития общества в эпоху «ускоренного времени» модерна. На протяжении двух последних столетий именно в понятии «нация» отразились полные противоречий процессы становления современных обществ, государств и институтов. Именем нации провозглашались войны и заключались мирные договоры. Во имя геополитического могущества нации создавали империи, тогда как империи, на своих окраинах и в колониях, в центре и в метрополиях, способствовали формированию наций¹. Воображение нации и ее воплощение в реальности меняли отношение ко времени и пространству. Через призму воображения границ национального сообщества — как территориально-географических (где находится территория нации?), так и политико-символических (кто составляет нацию?) — становилось возможным ментально закрепить определенные пространства за той или иной нацией, а также сформировать собственно национальную повестку дня. Иными словами, составить некий список больших проблем и вызовов, на которые коллективная воля и усилие должны дать вразумительные ответы, притом что от этих ответов зависит выживание нации, ее мощь и влияние.

Но главное все же состоит в том, что национальный принцип — как чувство лояльности национальному

---

¹ См. важную с точки зрения переосмысления подходов к изучению империи и национализма книгу: *Nationalizing Empires* / Berger S., Miller A. (eds.). Budapest: Central European University Press, 2015. Авторы настаивают на том, что логика строительства и укрепления империи в современную эпоху не только не противоречила национальному строительству, но и шла с ним рука об руку.

сообществу и как концепция народного суверенитета — изменил господствующие представления о публичной власти и ее организации. Став моделью для воплощения, а чаще для подражания со стороны стран, добившихся независимости после 1918 года, национальная демократия получила международное признание в лице Лиги наций, на смену которой после Второй мировой войны пришла ООН. Таким образом, понятие «нация» выступает в качестве средства не только познания и восприятия мира, но и его изменения; оно было и остается инструментом активного конструирования социальной реальности.

Разумеется, с течением времени картина значительно менялась. Весь «долгий XIX век», если воспользоваться устоявшейся формулой Эрика Хобсбаума, прошел в тени постепенного распространения идеи нации. По сути, это был век национализма, затронувший собой все, практически без исключения, части планеты — национализм был спутником и даже в какой-то мере союзником империализма¹. Доминировавшие в это время империи существовали как бы на двух скоростях: метрополии шли по пути строительства национального порядка, создавая и переформатируя имперскую структуру в качестве рамки, «надстройки», которая обеспечивала геополитическое и геоэкономическое могущество европейских наций. Нация для себя, империя для колоний — вот формула, которая описывает державы-метрополии европейского типа в их зрелом виде на протяжении XIX — начала XX века. Да и большая часть последнего столетия прошла под знаменами строительства и утверждения могущества национального порядка, на этот раз в странах, освободившихся от колониальной зависимости, но прежде, конечно,

---

¹ Констатируя наличие связи «между национализмом и такими явлениями, как колониализм, империализм и деколонизация», Эрнест Геллнер подчеркивал, что завоевание европейцами обширных пространств остального мира, «за исключением раннего завоевания Латинской Америки», «не было запланировано и явилось результатом не военной ориентации, а экономического и технологического превосходства» Европы (Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердниковой и М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991 [1983]. С. 101—102).

осознавших колониализм как систему угнетения в терминах национальной картины мира: независимости, суверенитета, самоуправления (self-governance). По мере этого территориальная экспансия уступала место экономическому и культурному влиянию, а территория утрачивала ценность как таковая¹. С некоторыми оговорками США после Второй мировой войны можно считать крупнейшей нацией, осуществляющей империалистическую внешнюю политику, а Евросоюз — коллективной имперской структурой, созданной европейскими нациями, окончательно распутившими свои заморские империи к 1975 году². В этом же смысле провал «интернационалистского» проекта СССР может рассматриваться как акт (возможно, еще не последний) деколонизации бывшей «одной шестой части суши».

Так или иначе, до относительно недавнего времени национальный принцип не ставился под сомнение на Западе ни как естественная историческая форма организации мира, ни как способ восприятия реальности. Переломными в этом отношении стали 1970-е годы. Именно тогда идея нации, вместе со всем символическим и историческим багажом значений, скрывающимся за ней, впервые стала восприниматься в негативном отношении. Идея нации и модель национального

---

¹ Анализируя перемены, произошедшие в международной торговле и экономике за последние 100—150 лет, Владислав Иноземцев приходит к выводу, что в мире начала XXI века «большие пространства прекращают быть ценностью и становятся обузой». Это мир, который «требует новой геополитики — геополитики эффективности» (*Иноземцев В. Л. Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. 2014. № 6. С. 80*).

² Германия и Италия лишились своих колоний по итогам Второй мировой войны. Великобритания оставила Индию в 1947 году, а к 1968 году все британские колонии в Африке, за исключением Южной Родезии, обрели независимость. Франция в 1954 году потеряла Индокитай, в 1960 году признала независимость своих западноафриканских колоний, а еще через два года ушла из Алжира. В 1975 году, в результате падения диктатуры, Португалия распустила свою колониальную администрацию. После этой даты, несмотря на сохранение некоторых заморских территорий, включенных в состав европейских национальных территорий (бывших метрополий) либо находящихся под их протекторатом, можно почти безошибочно говорить о наступлении постколониальной эпохи.

государства были практически одновременно подвергнуты интеллектуальной, социальной и моральной критике.

Интеллектуальная критика нации

В западных странах сменилась интеллектуальная мода. В философии 1970-е годы стали триумфом постструктурализма, бросившего вызов индивидуализму и структурализму одновременно. В искусстве и умонастроениях публичных интеллектуалов после студенческих демонстраций в Париже в мае 1968 года воцарились эклектика и постмодернизм. Не осталась в стороне и социальная наука, из которой стремительно изгонялись «большие теории» и макроподходы. На смену им пришла новая доминирующая идея: *small is beautiful*.

Новая интеллектуальная и эстетическая мода, с тех пор распространившаяся с Запада на весь остальной мир (подобно идее нации в прежнюю эпоху), была основана на недоверии к тому, что Жан-Франсуа Лиотар называл «метанарративами» (*métarécits*) модерна¹. К последним Лиотар относил, с одной стороны, представления о позитивной науке, абсолютной истине и разумном субъекте — современном человеке, а с другой — глобальное, «тотальное» понимание человеческой истории и прогресса цивилизации в духе гегелевского учения об универсальном духе. Это стало ударом по наукам о человеке и обществе, шире — по современному (модерному) мировоззрению, в основу которого были положены идеи свободного индивида, познаваемости мира, материального и интеллектуального прогресса², рационального

¹ См.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998 [1979].

² Отмечая деградацию идеи прогресса и даже вытеснения самого этого слова из обихода начиная с 1980-х, философ науки Этьен Кляйн констатирует: «Прежде непоколебимая вера в то, что технологический прогресс способствует материальному прогрессу, который вызывает прогресс моральный, а тот в свою очередь — прогресс политический, стоящий у истоков человеческого прогресса и, наконец, прогресса всей цивилизации, сегодня отжила свое» (Étienne Klein: «Le Progrès est en voie de disparition» // *Acteurs de l'économie — La Tribune*. 14.02.2017. URL: <http://acteursdeleconomie>).

действия и, конечно, идея нации как универсальной формы коллективной организации людей. Подъем постколониального сознания на Западе, проявившийся в небывалом росте интереса к так называемым *postcolonial studies* после публикации книги Эдварда Саида «Ориентализм»¹, в целом способствовал развитию комплекса вины перед остальным миром и, в частности, идеологическому неприятию модернизации, понимаемой как вестернизация². Отныне нация, среди других идей, стала рассматриваться как проявление доминирования Запада над Востоком посредством навязывания якобы исключительно «западных» дискурсивных практик. Идею нации стали все чаще воспринимать как типичное проявление репрессивной логики модерна: западная левая профессура, к которой присоединились критически настроенные интеллектуалы третьего мира (не забудем и советских идеологов, боровшихся на идейном фронте с «буржуазным национализмом»), принялась разоблачать национализм как инструмент (нео)колониального господства над целыми народами, как средство подавления меньшинств и самоизоляции от фигуры Другого³. «Культ [национального] происхождения (the cult of origins) есть лишь проявление ненависти, — пишет болгаро-французская философ и семиотик Юлия Кристева, — *ненависти в отношении тех*, чье происхождение отличается от моего». Отказавшись от национализма, полагает она, «мы должны опознать в себе самих [фигуру] бессознательного, изменчивого (altered) другого с тем, чтобы приблизиться

---

latribune.fr/debats/grands-entretiens/2017-02-15/etienne-klein-le-progres-est-en-voie-de-disparition.html).

¹ Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006 [1978].

² Об искаженности такого взгляда, изначально свойственного «классической» теории модернизации и по иронии взятого на вооружение силами неотрадиционализма, свидетельствуют многочисленные исследования, проведенные в рамках концепции множественной современности (multiple modernities). См., напр.: Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129, N 1. P. 1—29.

³ См. подробнее: Leonard Ph. *Nationality Between Poststructuralism and Postcolonial Theory: A New Cosmopolitanism*. New York: Palgrave Macmillan, 2005.

к пониманию всеобъемлющей инаковости чужестранцев, которыми являемся мы сами»¹.

Социально-политическая критика нации

1970-е годы стали переломными и в другом отношении. Это было время глубоких социальных трансформаций. Энергетический кризис 1973 года положил конец «счастливному тридцатилетию» (*Les Trente Glorieuses*), сделавшему развитые страны обществами потребления. Быстрое послевоенное восстановление, высокие темпы экономического роста, массовое создание рабочих мест, небывалый рост промышленных мощностей, демографический бум... К началу семидесятых все эти тенденции либо существенно замедлились, либо сошли на нет. С развитием новых технологий и глобализацией в богатых странах Запада началось постепенное сворачивание промышленных мощностей. В социально-экономическом отношении (и следом в риторике левых сил, окончательно расставшихся с марксизмом — еще одним «метанарративом») тема эксплуатации рабочих капиталистами сменилась вниманием к проблемам безработицы, непостоянной занятости и социальной исключенности (*social exclusion*), которые и по сей день остаются ключевыми для развитых экономик. Ответом государства на это стало его небывалое «распухание»: государственная роль в производстве, регулировании экономических отношений и перераспределении доходов постоянно росла. Наблюдая масштабную информатизацию и развитие сферы услуг, социологи впервые ввели в оборот понятие постиндустриального общества. Одновременно существенно изменились демографические тренды. На фоне начавшегося «старения» населения стран Западной Европы с конца 1960-х — начала 1970-х годов в них устремляется поток мигрантов-рабочих из неевропейских обществ. Многие из этих переселенцев никогда не вернутся в страны своего

---

¹ *Kristeva J. What of Tomorrow's Nation? // Idem. Nations Without Nationalism, trans. by Leon S. Roudiez. New York: Columbia University Press, 1993. P. 2, 21.*

рождения, а их дети рождаются или будут воспитаны в новой для их родителей стране.

Все эти важные процессы легли в основу социологической критики идеи нации. Если придерживаться отождествления нации с модернизацией, или, еще точнее, с индустриализацией (данная позиция ассоциируется прежде всего с именем Эрнеста Геллнера), то логично предположить, что в условиях постмодерна и постиндустриального общества нации должны отмереть¹. Действительно, если «программа» создания индустриального общества выполнена (пусть даже и не повсеместно), значит и национально-государственный панцирь, который прежде был необходимой функцией или инструментом, оказывается не столько даже тесным, сколько попросту ненужным². Как сегодня полагают многие, экономическая глобализация, рост международной мобильности, появление феномена транснационализма и диаспор, существующих благодаря современным средствам коммуникации в логике глобальности; наконец, формирование наднациональных образований по типу Евросоюза — все это должно в конечном счете разрушить или хотя бы существенно ослабить национальное государство. Так, говоря о «космополитическом повороте» в социальных науках, Ульрих Бек настойчиво призывал учитывать глобализацию рисков (финансовых, социально-экономических, политических, экологических и др.), происходящую «за фасадами национальных конструкций» и «вне зависимости от суверенных территорий и этикетов»³. В целом же социологи и политологи все чаще стали воспринимать нацию как нечто «одряхлевшее», утратившее значение

---

¹ Впрочем, сам ученый не особенно верил в реализацию такого сценария. См.: *Геллнер Э. Нации и национализм*. С. 230—253.

² Интересно и то, что первые пророчества о конце национальной эпохи были сформулированы уже на самой ее заре. Все пророчества такого рода, будь то у Канта, Спенсера или Маркса, в той или иной мере недооценивали политическую роль и интеллектуальное влияние национализма. См.: *Калхун К. Национализм* / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Территория будущего, 2006. С. 68—72.

³ *Бек У. Жизнь в обществе глобального риска — как с этим справиться: космополитический поворот* // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 60.

в современном мире, а национализм — как угрозу возвращения в прошлое и попираание универсальных ценностей¹.

Наряду с социальной трансформацией и глобализационными процессами источником социальной критики нации стал рост культурной фрагментации современных обществ и особенно *ощущение* такой фрагментации². Подъем региональных, этнорасовых, религиозных, феминистских, иммиграционных и других движений с конца 1960-х — начала 1970-х годов был (и в значительной мере остается) неотъемлемой частью политического ландшафта практически всех стран мира. Эти движения, выступавшие с требованиями как социально-экономического, так и культурно-лингвистического характера, и сочувствующие им исследователи (как правило, совмещавшие участие в такого рода движениях с изучением «меньшинств» и «идентичностей» в рамках академического сообщества) подвергли нацию социальной критике как нарратив, исключающий и дискриминирующий целые категории населения³. Национальной модели, отныне ассоциирующейся с культурной ассимиляцией и искоренением разнообразия⁴, была противопоставлена теоретическая и политическая модель мультикультурализма.

¹ См., напр.: *Sociologie des nationalismes* / Birnbaum P. (éd.). Paris: Presses universitaires de France, 1997.

² См.: *Une société fragmentée? Le multiculturalisme en débat* / Wiewiorka M. (éd.). Paris: La Découverte, 1997.

³ В этой связи показательны попытки социальных активистов и некоторых исследователей распространить понятие «нация» на этнические и территориальные группы, меньшинства. Так, в Канаде с конца 1960-х годов стали говорить о «первых нациях» (first nations) применительно к автохтонному индейскому населению страны, а в Европе — о «нациях» тех этнических и лингвистических групп, которые некогда имели (прото)государственность. Интересно, что в каком-то смысле эта концептуальная тенденция подразумевает возврат (разумеется, в новом контексте) к досовременным, дополитическим трактовкам нации как рода, землячества или сословия. В России подобная «инфляция» понятия «нация», парадоксальным образом перехватывающая советскую научную традицию, также имеет своих сторонников. Наиболее влиятельный из них — академик Валерий Тишков, предлагающий термин «нация наций». См.: *Тишков В. А. Единство в многообразии*. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2011. С. 174—178.

⁴ Данное мнение, вытекающее из геллнеровского определения национализма, разделяют многие исследователи. Такого же мнения придерживался

В странах Европы процессы фрагментации «снизу», принятые многими как свидетельство конца эпохи наций, были усилены европейской интеграцией. В какой-то момент одни — как правило, представители меньшинств — уверовали в идеал «Европы регионов», а другие, в основном проевропейские постмарксистские левые, провозгласили модель мультикультурной Европы, в которой национальные границы и различия должны сойти на нет (надо полагать, в пользу различий иного — группового — свойства¹). Так или иначе, вскоре после ухода поколения политиков типа де Голля и Аденауэра, новые космополитические элиты Европы и западного мира в целом пришли к выводу, что нации выполнили свою историческую миссию и уже можно обойтись без них. Французский географ Ив Лакост, один из немногих интеллектуалов, открыто выступивших в защиту идеи нации, в связи с этим отмечает: после двух столетий борьбы за смысл этого ключевого концепта «у левых и у правых, в интеллектуальных кругах и в бизнес-среде стало почитаться за хороший тон утверждать, что нация сегодня не более чем отжившая

Зигмунт Бауман, который предложил метафору «государства-садовника» (gardening state) для описания государств современной эпохи. См.: In the Court where Multi-Ethnic Polities Are on Trial the Jury is still out. Interview with Zygmunt Bauman // *Ab Imperio*. 2008. N 1. P. 19—34. Владимир Малахов также отмечает, что «современное государство потому и является “национальным государством”, что его правители озабочены тем, чтобы живущие на данной территории люди составляли “нацию”, то есть принадлежали к одной и только одной культуре». Эта единообразная, «национальная, культура, — продолжает ученый, — является результатом масштабных усилий государства по *ускорению культурного разнообразия*» (Малахов В. С. Культурные различия и политические границы: национальный, локальный и глобальный контексты // Он же. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. С. 11—12).

¹ Именно так, в чем-то небезосновательно, считает Пол Готфрид, один из интеллектуальных лидеров «альтернативной правой» (alt-right) в США. Он пишет о замещении коммунистической утопии у европейских левых компенсаторной идеологией терпимости, понимаемой «как восхваление всего антизападного и чужеземного». Эта «идеология» подразумевает расстворение наций в «хаосе, который есть Европа» (Готфрид П. Странная смерть марксизма / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2009 [2005]. С. 201—210).

свое идея (*une idée désormais dépassée*), притом как в экономическом, так и в политическом отношении»¹.

Моральная критика нации

Другая современная линия критики национального принципа, к которой в большей мере прибегают космополитичные интеллектуалы, нежели политики и представители экономических элит, имеет отчетливо выраженный моральный характер. В отличие от критики с позиций постмодернизма и социальной науки, моральная критика апеллирует к вневременным, трансцендентальным категориям. Идейная и ценностная открытость миру предполагает выход за рамки сконструированных и в конечном счете исторически случайных и морально произвольных границ, будь то границы (не столь важно, воображаемые или юридически признанные) нации, государства или социальной группы. Как выразился Джордж Монбио, ведущий британский журналист-космополит и один из лидеров левого общественного мнения, «я не являюсь ненавистником Британии и не стыжусь своей национальности, но я совершенно не понимаю, почему я должен любить эту страну больше, чем остальные»². Отсюда и основной этический постулат моральных критиков идеи нации, который можно сформулировать так: космополитизм (то есть лояльность истине, идеалам добра и справедливости, всему роду человеческому) в конечном счете предпочтительнее патриотизма (лояльности своей нации и ее интересам)³.

¹ *Lacoste Y.* Vive la nation. Destin d'une idée géopolitique. Paris: Fayard, 1997. P. 8.

² *Monbiot G.* The New Chauvinism // Monbiot. 09.08.2005. (URL: <http://www.monbiot.com/2005/08/09/the-new-chauvinism>).

³ Было бы ошибкой полагать, что космополитизм по определению противоречит национальной идентичности и патриотическому чувству. Эти формы идентичности на практике прекрасно совместимы. Так, космополитом в полном смысле слова является человек, небезразличный к проблемам общечеловеческого характера и даже ставящий идеалы человеческой свободы и справедливости превыше всего, но при этом осознающий свою национальную и культурную принадлежность. С другой стороны, космополитом можно считать и того, кто равнодушен к стране своего рождения

Философский космополитизм, разумеется, имеет древнюю историю. Философ Марта Нуссбаум видит его истоки в мысли древнеримских стоиков¹. Отстаивая «космополитическую концепцию» образования, она доказывает, что и в современном нам мире идеалы древних более чем актуальны. Позиция гражданина мира открывает универсальную сравнительную перспективу и порывает с этноцентризмом или даже расизмом (к которым лояльность национальному сообществу в конечном счете и приравнивается), позволяя тем самым лучше познать самих себя, решать проблемы глобального характера (глобальная бедность, неравенство, изменение климата и др.), признавать моральные обязательства перед остальным миром и, наконец, лучше понимать природу социальных (этнических, религиозных, классовых, гендерных и др.) различий². Широко известна фраза Мераба Мамардашвили, произнесенная им на одном из общественных собраний в Грузии как моральный ответ на политическое восхождение Звиада Гамсахурдия: «Истина превыше всего, превыше даже родины». Пожалуй, это и есть квинтэссенция морального космополитизма.

Вряд ли моральную критику нации с позиций философского космополитизма можно приравнять к утверждению о необходимости построить единое глобальное общество, управляемое «космополитическим» правительством. Хотя есть сторонники и этого подхода. Например, о чем-то подобном, пусть и в весьма неопределенных чертах, писал Андрей

или проживания и для кого национальные и культурные связи, включая язык, не играют сколько-нибудь значимой роли. Космополиты первого типа совсем не редкость; хотя их трудно сосчитать, они, вероятно, составляют значительную часть населения многих стран Запада, а где-то, возможно, и большинство. Второй тип значительно более редок; видимо, именно таких «радикалов» имел в виду Бенедикт Андерсон, когда говорил, что за всю жизнь встретил не более пяти космополитов. См.: Benedict Anderson: "I Like Nationalism's Utopian Elements" // University of Oslo. 2005. (URL: <https://www.uio.no/english/research/interfaculty-research-areas/culcom/news/2005/anderson.html>).

¹ См.: Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм // Логос. 2006. № 2 (53). С. 110—119.

² См.: Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм. С. 115—118.

Сахаров¹, выступавший с позиций теории конвергенции, а также Юрген Хабермас, отстаивающий идеал делиберативной демократии в европейском и мировом масштабе². Однако, как доказывает социолог Крэйг Калхун, практически все современные теоретики космополитизма в той или иной степени разрабатывают (и в этом заключается их отличие от античного космополитизма, выступавшего как проект «империй, торговли на большие расстояния и городов»³) доктрину «глобального гражданского общества», «космополитической демократии» и «мирового гражданства»⁴. Более того, именно общая доктрина и образ жизни «кочующих» интеллектуалов позволяют говорить о современных космополитах как особом классе в социологическом смысле данного термина⁵. Так или иначе, если в целом сторонники космополитического подхода и не отвергают саму идею нации, то относятся к ней с подозрением, воспринимая ее как преграду на пути познания Другого, реализации моральных добродетелей и особенно решения проблем глобального масштаба.

Мы же склонны полагать, что различные виды критики идеи нации и национализма были поспешными и во многом основывались на завышенных ожиданиях, порожденных разрывом между быстрыми изменениями и обгоняющим их стремлением оказаться в новом мире, перечеркнув при этом связь с недавним прошлым, особенно его трагическими страницами. Начиная с 1960-х годов, когда воспоминания о катастрофе Второй мировой существенно ослабли (хотя и не исчезли из коллективной памяти), развитие и рост

---

¹ См.: Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе [1968] // Сахаровский центр. (URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfconf2011/rarticles/1>).

² См.: Habermas J. The Postnational Constellation, trans. by M. Pensky. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.

³ Смирнов А. «Национализм» и публичная сфера // Калхун К. Национализм / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Территория будущего, 2006. С. 279.

⁴ Там же. С. 279. См. также: Calhoun C. "Belonging" in the Cosmopolitan Imaginary // Ethnicities. 2003. Vol. 3, N 4. P. 531–553.

⁵ См.: Calhoun C. The Class Consciousness of Frequent Travelers: Toward a Critique of Actually Existing Cosmopolitanism // South Atlantic Quarterly. 2002. Vol. 101, N 4. P. 869–897.

всеобщего благополучия стали восприниматься в западных странах как нечто постоянное, а давно провозглашенные либеральные ценности — как незыблемая данность, получившая универсальное признание в тексте Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Деколонизация и подъем движений за эмансипацию, пацификация жизни в Западной Европе, ставшей эпицентром двух самых разрушительных войн в истории человечества, и, наконец, распад мировой коммунистической системы породили представление об очередном «конце истории». Казалось, что либеральная демократия победила раз и навсегда: на смену национализму придет демократический универсализм, а лояльность нациям уступит место индивидуалистическому космополитизму. Как показывают международные сравнительные исследования, для этого в странах Запада были созданы не только материальные, но и ценностные предпосылки: в последние десятилетия здесь наблюдался стабильный переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, от ценностей выживания — к ценностям самовыражения¹. И все же в начале XXI столетия становится все яснее, что представления о постнациональном мире были не более чем иллюзией.

Нация между космополитизмом и коммунитаризмом

Исследователи процессов глобализации часто обращают внимание на интересный факт, можно даже сказать парадокс. С одной стороны, наблюдается определенная универсализация (и следом стандартизация) культур разных народов и стран, а с другой — нарастает культурная дифференциация и дезинтеграция, определяемые в науке как «рост культурного разнообразия» и зачастую проявляющиеся в форме

---

¹ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011 [2005].

«этнического и религиозного ренессанса»¹ или «этнизации мира»². По словам французского антрополога Жана-Лу Амселя, «борьба за признание этничности и расовой принадлежности является одной из основных проблем нашего времени»³. Закономерность между этими двумя тенденциями проявляется и на уровне отдельных стран. Там, где нации не сложились, растут тенденции к этнической и религиозной сегрегации, неотрадиционализму, а иногда и трайбализму; а в тех странах, где наблюдается ослабление национальной идентичности в пользу более широкой, глобальной лояльности и космополитической идентичности, одновременно происходит усиление лояльности к тем или иным группам. Эти процессы хорошо заметны в современной Европе начиная примерно с 1970-х годов.

Казалось бы, в развитой и богатой Европе ослабевающая национальная идентичность должна была уступить место идентичности общеевропейской. Как полагали прежде и по-прежнему считают многие политики, ученые и интеллектуалы, от национальных государств можно перейти к более глобальным формам коллективной организации, зажить «единым человеческим общежитием» (хотя бы для начала в границах — пусть даже нечетких и неопределенных — одного континента, Европы). Но этот проект продемонстрировал свою несостоятельность именно потому, что был изначально построен на иллюзии неоспоримой притягательности общеевропейской идентичности. В действительности же ее влияние в европейских странах (как политико-идеологического проекта) и в остальном мире (как бренда и «модели на экспорт») было сильно преувеличено: лояльность единой Европе оказалась несопоставимо слабее лояльности отдельным национальным сообществам. По крайней мере, по двум причинам. Во-первых, общеевропейская идентичность носит чрезвычайно абстрактный, универсалистский характер,

---

¹ См., напр.: *Комаровф Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах / Отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 35—70.

² *Amselle J.-L.* L'ethnisation de la France. Paris: Lignes, 2011.

³ *Ibid.* P. 57.

отсылающий к правам человека, демократии и толерантности как высшим ценностям. Со временем выяснилось, что эти ценности понимаются совсем не одинаково не только за пределами Европы, но и на континенте: тогда как канцлер ФРГ Ангела Меркель считает прием беженцев с Ближнего Востока «проявлением человечности» Германии¹, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан в ответ заявляет, что, хотя «право на человеческое достоинство и безопасность являются основными правами (basic rights)», «ни немецкий, ни венгерский образ жизни не является основным правом всех людей на Земле»². Во-вторых, на данный момент и в обозримой перспективе общеевропейская идентичность не может опереться на единую историю, общий язык и культуру, то есть на те самые принципы, которые лежат в основе «сжимающихся» национальных идентичностей и способны не декларативно, а реально способствовать социальной солидарности. Весной 2016 года Дональд Туск, бывший премьер-министр Польши, а ныне глава Европейского совета, признал, что «мечта о едином государстве Европа с одним общим интересом (one common interest), с единым видением мира... [наконец] с одной нацией была лишь иллюзией»³.

Возможно, сам по себе этот политический и идейный просчет был бы не так серьезен. В конце концов, ряд кризисов европейской интеграции в начале XXI века (конституционный,

¹ Merkel Defends Refugee Policy as Expression of “Humanity” // Yahoo. 12.10.2015. (URL: <https://www.yahoo.com/news/merkel-defends-refugee-policy-expression-humanity-095932812.html?ref=gs>).

² Refugees “Look like an Army”, Says Hungarian PM Viktor Orban // The Guardian. 23.10.2015. (URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/23/refugees-look-like-an-army-says-hungarian-pm-viktor-orban>).

³ EU Official Tusk: Idea of One European Nation Is “Illusion” // Daily Mail. 05.05.2016. (URL: <http://www.dailymail.co.uk/wires/ap/article-3575754/EU-official-Tusk-Idea-one-European-nation-illusion.html>). Подробнее о попытках, нацеленных на создание образа единого политического образования (polity) Евросоюз, в частности посредством конструирования политических мифов ЕС и европейской коллективной памяти, см.: *Sala V. Della. Europe’s Odyssey? Political Myth and the European Union // Nations and Nationalism. 2016. Vol. 22, N 3. P. 524—541; Gensburger S., Lavabre M.-C. D’une «mémoire» européenne à l’eupéanisation de la «mémoire» // Politique européenne. 2012. N 2 (37). P. 9—17.*

экономический, миграционный), очевидно, способствуют возврату от универсальных схем к национальным моделям. Сегодня это уже происходит на наших глазах. Так, политолог Федор Лукьянов констатирует, что «эпоха наднациональной “Большой Европы” уходит в прошлое», а на ее место приходит новый проект, лозунг которого — «вернуть контроль государству, нации, обществу»¹. Однако проблема заключается еще и в том, что наряду с наднациональными (общеевропейскими и космополитическими) формами лояльности на место деконструируемому национальному «метанарративу» непременно приходят и партикулярные, узкогрупповые идентичности. По сути дела, они призваны компенсировать идентификацию людей с нормами и правилами гражданского сообщества при помощи создания иных идентификаций, зачастую отличающихся «воинственностью» (в силу стремления подчеркнуть свое отличие от остальных) или вовсе реанимирующих архаичные формы поведения.

В одном случае речь идет о «съедании» нации «снизу» под лозунгом «Европа регионов». Ослабление общенациональной идентичности давно сложившихся европейских наций закономерным образом ведет к увеличению спроса на «спящие», исторически не реализованные национальные проекты. Речь идет о тех «потенциальных национализмах», о которых писал еще Э. Геллнер². В современной Европе они дают о себе знать в форме подъема сепаратистских настроений в регионах, обладающих (или обладавших в прошлом) культурной спецификой. Так, удивительным, казалось бы, образом во французских Бретани и Провансе начинается борьба за обязательное изучение давно забытых местными жителями бретонского и окситанского языков, а в Северной Ирландии и Шотландии — за равноправный статус гэльских языков наряду с английским. То же верно и в отношении Фландрии, Корсики, Каталонии, Страны Басков и др. Все они обладают

---

¹ Лукьянов Ф. Рассыпающаяся реальность. Теракт в Мюнхене как признак прощания со старой Европой // Россия в глобальной политике. 25.07.2016. (URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Rassypayuschayasya-realnost-18296>).

² См.: Геллнер Э. Нации и национализм. С. 103—116.

(пусть и в рамках разных государственно-административных моделей) довольно высоким уровнем автономии, культурной и экономической. Но на фоне ослабления соответственно бельгийской, французской или испанской идентичности у этих регионов появляются стимулы постоянно требовать больше самостоятельности в культурном отношении (разумеется, со ссылкой на европейское законодательство о защите культурных меньшинств и региональных языков). Возможность апеллировать напрямую к Евросоюзу, в свою очередь, активизирует закон возрастания экономических потребностей: как только появляются полномочия в рамках региона, через некоторое время возникает желание получить все полномочия и быть самостоятельными. Это позволяет региональным элитам с успехом шантажировать центральные правительства и давить на них, добываясь особых условий и привилегий, что по закону маятника вызывает недовольство других регионов и побуждает их к подобным действиям¹.

В другом же случае на место слабеющей национальной лояльности приходит лояльность общинам, то есть давление на нацию оказывается уже не «сверху» и не «снизу», а «изнутри». Ярким примером этих процессов является быстрое распространение «нетрадиционного», радикального ислама в современных странах Европы, главным образом в среде молодых потомков иммигрантов. Не имея сколько-нибудь значимой религиозной идентичности, они принимают ее как мощный инструмент протеста, как правило в связи с тем, что ощущают себя гражданами второго сорта, исключенными из общества. Другим симптомом социальной дезинтеграции является рост коммунитаризма, то есть переход к ситуации, когда единое государство и национальное сообщество раскалываются на множество общин, которые не могут договариваться друг с другом и даже ведут друг против друга войны (с реальными жертвами не только символического, но и физического

---

¹ Подробнее о процессах регионализации в странах Европы см. работы Майкла Китинга, в частности: Keating M. Europe as a Multilevel Federation // *Journal of European Public Policy*. 2017. Vol. 24, N 4. P. 615–632. Стоит отметить, что сам Китинг придерживается довольно оптимистического взгляда на вещи.

насилия). Это приводит страну к конфликту и огромному количеству проблем, главная из них — создание городских анклавов, социально-культурных гетто, жизнь в которых для многих является не результатом осознанного выбора, а «нормальной» с рождения, безальтернативной, по сути, средой. Вакуум, оставленный ослаблением гражданско-национальной солидарности, по большей части заполняют не абстрактные формы и постулаты, близкие экономическим элитам и интеллектуалам, действительно ощущающим себя (в силу своего морального статуса, опыта жизни, бизнес-интересов в разных странах и т.д.) европейцами и гражданами мира, а конкретные социальные связи — локально-территориальные, этнические, религиозные, клановые и проч. В характере этих связей мало что нового, за исключением разве что использования самых современных средств коммуникации, главным образом Интернета. По сути же они представляют собой формы догражданской солидарности и основываются не на идеале общего политического блага и подчиненности единому закону, а на преследовании групповых, часто противостоящих друг другу интересов.

Таким образом, на практике альтернативой идее нации часто является не только космополитизм, но и активизация сепаратистских форм национализма и коммунитаризм. Тот, кто считает, что вместо нации придет отдельный индивид, а его свобода будет процветать, глубоко заблуждается. После отказа от нации часто «падают» индивидуальные ценности и резко возрастают ценности групповые, подчас более архаичные. Отказ от нации может способствовать архаизации массового сознания, созданию замкнутых сообществ, ограничивающих свободу отдельных его членов — как свободу личной жизни и передвижения, так и «культурную свободу» выбора своей идентичности¹. Едва ли Ренан ошибался, когда говорил, что нация есть «гарантия свободы, которая исчезла бы, если бы у мира был только один закон, один

---

¹ О концепции культурной свободы см.: *Sen A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny (Issues of Our Time)*. New York: W. W. Norton and Company, 2006.

господин»¹. Идея нации в этом смысле по-прежнему представляет собой практически незаменимое средство, позволяющее, с одной стороны, не потеряться в «глобальной деревне», а с другой — противостоять опасностям «социально-культурного апартеида»: господству узкогрупповых лояльностей и коммунитаризму².

Нация как проводник в глобальный мир

Многочисленные примеры последних лет свидетельствуют о том, что реальной европейской альтернативы модели национального государства так и не сложилось. Это и провал проекта европейской конституции в 2005 году, который открыл бы перспективу отказа от принципа национального суверенитета в пользу суверенитета общеевропейского, и многочисленные конфликты между странами — членами ЕС, достигшие апогея во время так называемого кризиса беженцев 2015–2016 годов, и усиление крайне правой и ксенофобной риторики, и решение Великобритании покинуть объединенную Европу. Но если постнациональная жизнь не очень-то удастся в Европе, находящейся в мировом авангарде по показателям демократии, уважения к праву и человеческого развития, то что уж говорить об остальном мире, особенно той его части, где национальных государств в полном смысле слова никогда не существовало? Едва ли приходится сомневаться в том, что такие страны, как Россия и иные постсоветские республики, равно как и страны Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки, могли бы продвинуться на этом пути дальше, чем страны Старого Света.

Причина того, почему такие сомнения не возникают, на самом деле не так тривиальна, как могло бы показаться на первый взгляд. Мы утверждаем, что ни одна страна не может приблизиться к реальной открытости миру и воспринять

---

¹ Ренан Э. Что такое нация?

² См.: Lacoste Y. Vive la nation. Destin d'une idée géopolitique. P. 300—306.

глобальную повестку как действительно значимую, не пройдя до конца путь национально-гражданского строительства. Вот и страны Западной Европы смогли стать наиболее терпимыми к человеческим различиям самого разного свойства и наиболее открытыми миру *не вопреки, а в результате* построения в них национальных обществ. Исторически впервые укоренившись в странах Западной Европы и Америки, именно национальная модель обеспечила усвоение населением представлений о лояльности широкому сообществу людей, выходящему далеко за пределы узкого круга знакомых людей (родственников, друзей) и замкнутых этнических и территориальных сообществ. Процессы экономической модернизации, политической демократизации, научного прогресса и моральной индивидуализации протекали в условиях национального строительства и в непосредственной связи с гражданским воспитанием. Например, психолог Стивен Пинкер наглядно показал, что падение уровня социального насилия в западных обществах начиная с XVIII века напрямую связано с ростом эмпатии в результате распространения грамотности и способности вообразить себя на месте другого, в частности в роли жертвы насилия¹.

Генезис процессов, приведших к современному состоянию европейских обществ, стоит искать задолго до начала европейской интеграции, а именно в тенденциях, имевших место главным образом в позапрошлом столетии². Но и собственно европейская интеграция начиналась в первые послевоенные десятилетия не как демократический проект, а как проект национальных элит — вначале чисто экономический, а затем и политический. Элитным он во многом остается и по сей день: демократические институты ЕС являются не более чем надстройкой над национальными институтами. Это видно как по удельному весу принима-

¹ См.: *Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined.* New York: Viking Books, 2011.

² О «ключевых десятилетиях» рождения социальной структуры модерна см.: *Davies S. How the World Got Modern // Cato Unbound. 02.11.2009.* (URL: <http://www.cato-unbound.org/2009/11/02/stephen-davies/how-world-got-modern>); *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки.*

емых на общеевропейском уровне решений, существенно уступающему по объему национальным законодательствам стран — членов Евросоюза, так и по тому, что не существует европейского механизма, который мог бы предотвратить сползание к авторитаризму и отказ от либеральных ценностей в отдельных странах, включая Венгрию, Словакию и Польшу.

Как мы говорили выше, идею нации, особенно на Западе, часто подвергают критике с позиций морального космополитизма и социологической теории (в том числе от имени борьбы с «методологическим национализмом»). Однако в современной науке заметна тенденция к более сбалансированной оценке соотношения между национализмом и космополитизмом как в исторической ретроспективе, так и в современном глобальном мире. Как справедливо отмечает один исследователь, «национализм и космополитизм следует рассматривать как родственные явления, находящиеся во взаимном развитии (*cooriginal and in co-evolution*), а не как две противостоящие друг другу силы эпохи современности»¹.

Во-первых, все более очевидно, что, подобно критике, чье существование немыслимо без объекта, на который она направлена, и «космополитический разум» не существует сам по себе, но вырастает в конкретных исторических условиях, проявляется в качестве интеллектуальных традиций и школ мысли. Как отметил философ Хилари Патнэм, «без унаследованных образов жизни нечего и критиковать, точно так же, как без критического разума невозможно провести различие между тем, что следует сохранить (возможно, после пересмотра), а что выбросить за ненадобностью из наших различных традиций»². Совсем не случайно, что рождению первых космополитических концепций непосредственно предшествовали завоевания Александра Македонского, а также то, что школа стоицизма, создавшая

¹ *Chernilo D. Social Theory's Methodological Nationalism: Myth and Reality // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9, N 1. P. 16.*

² *Патнэм Х. Должны ли мы выбирать между патриотизмом и универсальным разумом? // Логос. 2006. № 2 (53). С. 124.*

целую философию космополитизма, была основана в Риме, в сердце великой античной империи. Идею гражданина мира у римских стоиков в каком-то смысле можно рассматривать и как попытку осмыслить разнообразие имперского пространства, и как сомнение в необходимости и устойчивости порядка, в основу которого было положено разделение на римских граждан и покоренные народы, лишённые равного с римлянами статуса.

Вот и современные концепции космополитизма расцветают в условиях быстрого витка глобализации, связанного, в частности, с развитием новых технологий коммуникации и достижением небывалого прежде уровня глобальных миграций из бедных стран в страны богатые. Однако было бы опасным упрощением рассматривать распространение ценностей самовыражения за счет так называемых традиционных ценностей как линейный процесс. Напротив, даже в благополучных западных странах современные сторонники глобализации и носители космополитического сознания, которые «выступают в поддержку широкой иммиграции и ограничения национального суверенитета», а также обвиняют сторонников национального принципа в «откровенном расизме»¹, не составляют большинство населения. Как правило, это более образованные социальные слои, жители крупнейших городов-«вавилонов» типа Берлина или Лондона. Вопрос заключается в том, имел бы смысл этот космополитизм в отсутствие тех, кто сегодня высказывает опасения за свою национальную идентичность, за ослабление чувства принадлежности к общему культурному пространству и эрозию модели открытого общества (построенного, в свою очередь, на принципах либерального национализма)? С нашей точки зрения, едва ли.

Во-вторых, критический взгляд на относительно недавнюю историю и современный мир позволяет понять, что космополитизм бывает разным. Наряду с универсализмом

---

¹ *Haidt J. When and Why Nationalism Beats Globalism // The American Interest. 10.07.2016. (URL: <http://www.the-american-interest.com/2016/07/10/when-and-why-nationalism-beats-globalism>).*

концепции прав человека и победившим в глобальном масштабе дискурсом (не путать с практикой!) демократии, которые многие воспринимают как единственный, «подлинный» космополитизм, бывают и иные его версии. Например, коммунизм и исламизм¹. Коммунистическая доктрина была основана на идее мирового Интернационала и любви к человечеству поверх государственных границ и культурных различий, а на практике повсеместно, где его адепты приходили к власти начиная с 1917 года, она становилась основой и орудием тоталитарных режимов, враждебных «буржуазному миру» и уничтожающих «внутренних классовых врагов». Идея всемирной исламской уммы хотя и не предполагает безусловной любви к человечеству, но от того не является менее космополитической². Объявляя войну

¹ На некоторое сходство между коммунистической идеологией и исламской теологией (в интерпретации того времени) указывал выдающийся востоковед Бернард Льюис еще в 1950-е годы. См.: *Lewis B. Communism and Islam // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). 1954. Vol. 30, N 1. P. 1—12.* В частности, он писал, что и коммунистические идеологи, и исламские духовные лидеры «проповедуют тоталитарную доктрину, дающую исчерпывающие и окончательные ответы на все вопросы на земле и на небе». Обе группы «даруют своим членам и последователям комфортное чувство принадлежности к сообществу верующих, которые всегда правы перед лицом внешнего мира всегда ошибающихся неверных», равно как и «волнующее чувство великой миссии, цели, вовлеченности в коллективный процесс, направленный на то, чтобы ускорить исторически неизбежную победу правой веры над неверными отступниками» (*Ibid.* P. 9). Шмуэль Айзенштадт объяснял сходство между фундаменталистскими движениями, в том числе исламизмом, и ранним коммунизмом их общим интеллектуальным происхождением от якобинства и тем самым их глубинной укорененностью в эпохе модерна (см.: *Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129, N 1. P. 19*). Ссылаясь на другого известного востоковеда, Роберта Ланду, Владимир Малахов отмечает: «Исламский радикализм, заявивший о себе на рубеже XX—XXI столетий, представляет собой своеобразный вариант левой идеи. Это гремящая смесь упрощенного представления о социальной справедливости и отдельных положений учения Пророка, получившая распространение на Ближнем Востоке, в Южной Азии и в ряде стран Африки» (*Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. С. 173*).

² См. подробнее: *Паин Э. А. Обсуждение лекции Ульриха Бека на семинаре в Горбачев-Фонде // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 70—73.*

либеральной демократии, казавшейся победившей утопией (хотя бы и в дискурсивно-символическом отношении), и олицетворяющему ее Западу, ислаимизм в борьбе с отступничеством от «истинной веры» не менее радикально настроен в отношении традиционного ислама в тех странах, где подавляющее большинство населения исторически являются мусульманами. Так же как и иные радикальные течения на религиозной и культурной почве (христианский и иудейский фундаментализм, радикальный индуизм и др.), ислаимизм не только отказывает демократии и либерализму в статусе универсальных идей вне зависимости от культуры и географии, но и *оспаривает саму необходимость и даже возможность* универсального пути в развитии человечества¹.

Итак, идея нации, которая, еще раз подчеркнем, за последние 200 лет подвергалась постоянному переосмыслению, не противоречит моральному и философскому космополитизму. Напротив, исторически идея нации является окном к космополитизму и проводником в глобальный мир. Она позволяет соблюсти баланс между универсальным идеалом открытого общества (либеральное, гражданское основание национальной идентичности) и одновременно выразить привязанность к культурному наследию, а также территории, языку, истории и символам своего сообщества (таким как национальный флаг в США или «галльский петух» во Франции). Таким образом, либеральный национализм позволяет не противопоставлять, но артикулировать, с одной стороны, универсальные ценности индивидуальной свободы, права собственности, терпимости, демократии, а с другой — партикулярные ценности, связанные с культурными и историческими особенностями.

---

¹ В этом смысле современная критика универсальных ценностей с позиций партикуляризма, культурного релятивизма и постколониализма наследует «классической» критике универсализма, которая опиралась, в частности, на идею защиты национального порядка и теорию расизма. См.: *Wieviorka M.* Doit-on et peut-on reformuler les valeurs universelles? // Canal-U.tv. 11.12.2013. (URL: https://www.canal-u.tv/video/fmsh/doit_on_et_peut_on_reformuler_les_valeurs_universelles.18813).

Нация перед лицом вызова культурного разнообразия

Национализм как лояльность своему политическому и культурному сообществу часто обвиняют в торпедировании конфликтов, подпитке взаимной ненависти, ксенофобии и шовинизма. Мы уже говорили о том, что многое, если не все, зависит не только от понимания национализма, но и от воли тех, кто прибегает к нему как политическому и, шире, символическому ресурсу. Задача интеллектуально честного исследователя и дальновидного политика состоит, таким образом, в том, чтобы, во-первых, разделять различные формы национализма, а во-вторых, указывать на преимущества гражданской солидарности и национальной лояльности, предотвращая трансформацию национального чувства в поиск врагов и пренебрежительное отношение к другим народам. Однако это не решает всех эпистемологических проблем, связанных с изучением национализма. Концентрируясь на негативных проявлениях последнего, которые могут быть в определенных обстоятельствах обращены как «вовнутрь» (против определенных групп или меньшинств), так и «вовне» (против представителей других наций), исследователи часто упускают из виду те положительные факторы, которые становятся возможными благодаря национальной организации общества и чувству солидарности с национальным сообществом — патриотизму. Основываясь на эгалитаризме (равенство граждан перед законом) и демократизме (введение институтов контроля со стороны общества над политикой государства), идея нации — в самых разных странах — позволяет примирить людей разного происхождения, религиозной принадлежности, имущественного положения, социального статуса и политических взглядов. Другими словами, нация выступает в качестве своеобразной рамки социальной инклюзии и институционализации конфликтов (в том числе межкультурных) как путем их сглаживания или предотвращения, так и посредством создания своего рода «контекста равенства», площадки, «вмещающей» в себя разнообразные требования «снизу» и позволяющей их обсуждать в рамках заранее установленных процедур.

В отсутствие самоидентификации с национальным обществом и в условиях слабости гражданских связей, как правило, побеждают не космополитические идеалы добра, справедливости и мира между людьми на основе представления об общей принадлежности к роду человеческому, а конкурирующие проекты групповой солидарности. Как в западных, так и в незападных странах, в подавляющем большинстве случаев являющихся полиэтническими и поликультурными, на протяжении последних десятилетий происходит культурная фрагментация на уровне практик и воображения (главным образом в политических дебатах). В этих условиях, носящих в современном мире универсальный характер, символическая, а главное, институциональная рамка политической нации и единого гражданства становится фактором предотвращения групповых и в особенности межэтнических и межконфессиональных конфликтов. И напротив, ослабление или отсутствие национальной лояльности практически неминуемо означает нарастание конфликтности и дестабилизации общественного порядка.

В этом отношении интересно сравнить, например, современную Индию со странами Ближнего Востока. В динамично развивающейся Индии (где, конечно, далеко не все гладко и спокойно) наличие общегражданской идентичности позволяет относительно мирно сосуществовать множеству этнических, территориальных и религиозных сообществ, тогда как страны Ближнего Востока, население которых по большей части имеет единое этническое происхождение и общую религию — ислам, но не имеет сильных национальных идентификаций и не живет в условиях демократии, погружены в бесконечную череду междоусобных конфликтов. Авторитарные режимы в регионе долгое время правили от имени народа и под национальными знаменами, но на деле препятствовали процессу гражданско-политической консолидации, часто играя на межгрупповых противоречиях. В результате политизация аскриптивных идентичностей всякий раз оказывалась наиболее действенным и легкодоступным инструментом выражения недовольства и борьбы за власть. Последний пример — Сирия, где всплеск гражданской активности

против диктаторского режима в 2011 году быстро перерос в кровавое противостояние групп, выступающих как сунниты, шииты-алавиты, курды, друзы, христиане и др.

Другим негативным примером могут служить некоторые из так называемых (в научной литературе) *failed states*, несостоявшихся государств¹. Попытки управлять разрозненным конгломератом этносов, часто на основе узурпации власти со стороны представителей одного из них, приводят к коллапсу государства и гражданским (этническим) войнам², как это случалось в Нигерии, Ливане, Судане или Югославии. Как отмечает выдающийся экономист и специалист по Африке Пол Коллиер, главная проблема современных африканских стран заключается в том, что их элиты и правительства оказались неспособными создать единую национально-гражданскую идентичность, «перекрывающую» этнические идентификации и создающую условия для доверия к государству и перехода к заботе об общественных, а не узкогрупповых интересах. И наоборот, редкие истории успеха на континенте, например в случае Танзании, связаны с применением на практике национальной модели организации³.

Не менее опасным является фактическое отсутствие нации как институциональной рамки и в постсоветской России, где идее гражданской нации до сих пор в доминирующем политическом дискурсе противостоит, с одной стороны, этатизм, а с другой — цивилизационные и неоимперские схемы. Но особенно это отражается на практике: в дисфункции общественных и государственных институтов, в социальной атомизации и падении интереса граждан к политической жизни («дегражданзация»). В этих условиях гражданская идентичность — россияне — является не более чем пустым

¹ См.: *Bates R. H. State Failure // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 1—12.*

² См.: *Cederman L.-E., Wimmer A., Min B. Why Do Ethnic Groups Rebel? New Data and Analysis // World Politics. 2010. Vol. 62, N 1. P. 87—119.*

³ См.: *Collier P. Exodus: Immigration and Multiculturalism in the 21st Century. London: Penguin Books, 2014. P. 239—240.* См. также: *Eriksen T. H. The Problem of African Nationhood // Nations and Nationalism. 2016. Vol. 22, N 2. P. 222—231.*

означающим, которое не опирается на реальные механизмы «заземления» конфликтов, возникающих на почве культурных различий или их инструментализации. Вкупе с вертикальным типом принятия решений, сверхцентрализацией, это создает опасность социальной дезинтеграции и дестабилизации в настоящем. Но еще больше это опасность на будущее, если учитывать, что мы живем в мире, где логика глобальных процессов все чаще преодолевает государственные границы.

Идея нации как противовес государственному патернализму

Нараставшая с 1970-х годов интеллектуальная критика идеи нации, особенно со стороны новых левых на Западе, выступавших с позиций постколониализма и постмодернизма, шла рука об руку с усилением государственного вмешательства в жизнь общества. На этот раз государству вменялось в обязанность не только сглаживание экономического неравенства, но и поддержка и спонсирование различий, а также борьба с новыми «социальными болезнями» постиндустриального общества. Парадоксальным образом символическая политика мультикультурализма и укрепление государственного патернализма только способствовали обострению этих противоречий. Более того, усиление позиций государства было осуществлено за счет серьезного ограничения экономической свободы граждан.

1970-е годы были переломными и в том смысле, что именно тогда модель государства всеобщего благоденствия (welfare state) обрела невиданный прежде размах (в развитых странах) и уровень престижа (в остальном мире)¹. Хотя это была

---

¹ Вместе с тем, как отмечает Мартин ван Кревельд, именно в эти годы впервые стало понятно, что модель государства всеобщего благоденствия не является панацеей и в конечном счете обречена на провал. С этим, в частности, связаны радикальные изменения в экономической политике правительств развитых и посткоммунистических стран (см.: *Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства* / Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова

не новая, а очередная — за XIX и особенно XX век — волна роста государственного вмешательства в сферу компетенции общества, в процессы его саморегуляции, она оказалась мощнее предыдущих. Накопленные за послевоенные десятилетия экономического роста ресурсы общества были пущены на беспрецедентное по своим масштабам перераспределение: в медицине, образовании, градостроительстве, в сфере социального (резкое увеличение уровня и количества всевозможных пособий) и пенсионного страхования. И разумеется, на содержание растущей бюрократии. С конца 1960-х годов в странах Европы постоянно росла доля государственных расходов (*public expenditure*), достигнув в 2015 году среднего для 28 стран — членов ЕС значения в 47,4% от ВВП (в условиях экономического кризиса, в 2009 году, этот показатель достиг 50,3%)¹. В частности, росли государственные расходы на социальные нужды: в среднем по Европе за это время они выросли примерно в 2,5 раза, с 10% в 1960 году до 25% к началу 2010-х годов (в среднем по странам ОЭСР эти показатели составляют соответственно 8% и 22%)². В странах с наиболее высоким уровнем государственного участия в экономике, таких как Франция, Финляндия и Бельгия, социальные расходы государства, по данным на 2014 год, достигли трети ВВП³. Рост государственного перераспределения ресурсов, естественно, сопровождался колоссальным ростом прямых и косвенных налогов (прежде всего в виде обязательных социальных отчислений и НДС). Так, уровень финансовых

и А. Макеева. М.; Челябинск: ИРИСЭН; Социум, 2016 [1999]. С. 435—462). Однако, несмотря на делегитимизацию модели в глазах экономической теории, отказ от значительного вмешательства государства в экономику и по сей день не повлек за собой ухода государства из «социальной сферы» жизни общества. Во многом ввиду «отсутствия альтернативы, которая выглядела бы привлекательной для избирателя» (Там же. С. 462).

¹ См.: Total General Government Expenditure // Eurostat. (URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tec00023&language=en>).

² См.: Social Expenditure Update, Directorate for Employment, Labour and Social Affairs, OECD, November 2014. (URL: <https://www.oecd.org/els/soc/OECD2014-Social-Expenditure-Update-Nov2014-8pages.pdf>).

³ Social Expenditure Update, Directorate for Employment, Labour and Social Affairs, OECD, November 2014.

поступлений в бюджет от налогов и социальных отчислений в 2014 году достиг значения в 40% от ВВП в среднем по Евросоюзу¹. Во Франции, Дании, Австрии и некоторых других странах этот показатель и вовсе стабильно превышает отметку в 50%. На этом фоне регулирование на рынке труда способствовало росту безработицы² и снижению предпринимательской активности, а также породило проблему недоинвестирования, в том числе в наиболее перспективные области науки и в создание новых технологий, что в конечном счете замедляет экономическое развитие.

Экономико-политическое наступление, подавляющее свободу граждан, было предпринято при активной поддержке идейного наступления на либеральные принципы. У очередного расширения государственного регулирования и участия в экономике нашлись влиятельные сторонники как среди левых, так и среди правых, консервативных сил, образовавших своего рода социал-демократический консенсус. В результате в сознании не только защитников «большого правительства», но и широких масс патерналистское государство ассоциируется с демократией, с самим политическим порядком³, безальтернативной нормой. Это означает, что самые невинные попытки избавиться от лишней бюрократии или сократить

---

¹ См.: Tax Revenue Statistics // Eurostat. (URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Tax_revenue_statistics#Database).

² В странах Европы за последние десятилетия уровень безработицы постоянно рос, особенно в странах с наибольшей долей государства в экономике, составив в среднем в районе 9%, по данным на 2015—2016 годы. Притом что после кризиса 2008 года в США безработица упала до 5%, а в Японии — до 3%. См.: Unemployment statistics // Eurostat. (URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unemployment_statistics).

³ Данная концептуальная связка опирается на некоторую философскую традицию. Так, Томас Х. Маршалл, автор известной концепции трех волн гражданства, напрямую связывал институты социального обеспечения с гражданством как правовым статусом и тем самым концепцию социального государства с демократией и шире — современным политическим порядком. По предложенной Маршаллом схеме, речь идет (на примере Великобритании) о поступательном расширении собственно гражданских прав (XVIII век), затем политических (XIX век) и, наконец, прав социальных (XX век). См.: *Маршалл Т. Х. Гражданство и социальный класс* [1950] // Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. С. 145—223.

бремя на предпринимателей, роль которых в создании рабочих мест и стимулировании экономического роста (на практике, а не в риторике) по-прежнему остается недооцененной, натываются на жесткое сопротивление «финансовому капиталу» и «неолиберальной политике». За этими этикетками, как правило, скрывается не более чем непонимание рыночных механизмов вкупе со страхом потерять имеющиеся социальные гарантии, заставляющим отказываться от чего-то потенциально большего. Социал-демократический консенсус, по сути, символически ограничивает публичную дискуссию: он оставляет слишком узкое пространство для дебатов (в частности, по экономическим вопросам) и сокращает до минимума «меню» решений, имеющих шанс на широкую общественную поддержку. Парадоксальным образом именно то, в чем обвиняют бизнесменов и транснациональные корпорации¹, на самом деле является сутью социального государства: перераспределение изымаемых у граждан средств на создание и поддержание множества так называемых общественных благ осуществляется в процессе лоббирования интересов одних отраслей в ущерб интересам других. Более полутора веков назад Фредерик Бастиа метафорически назвал государство «громадной фикцией, посредством которой все пытаются жить за счет других». Пожалуй, еще никогда это определение не было так актуально, как сегодня.

---

¹ Например, британский социолог Колин Крауч, предложивший в начале 2000-х годов новый термин — «постдемократия», говорит о пагубном влиянии современных ТНК, которые создают лобби, группы давления и тем самым определяют политику демократических правительств. См.: Крауч К. Постдемократия / Пер. с англ. Н. В. Эдельмана. М.: ИД Высшей школы экономики, 2010 [2005]. Особенно с. 49—73. Юрген Хабермас, в свою очередь, еще с 1970-х годов патетично пишет о том, что глобальный капитализм принципиально несовместим с демократической легитимацией. Как европейского интеллектуала, Хабермаса особенно возмущают «безудержный напор рынков» (the frenzy of the markets) и та же «постдемократия», состоящая, по его мнению, в том, что самые важные вопросы в единой Европе решаются не Еврокомиссией, а главами Германии и Франции под неусыпным присмотром со стороны крупнейших бизнес-корпораций. См.: Diez G. Habermas, the Last European: A Philosopher's Mission to Save the EU // Spiegel. 25.11.2011. (URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/habermas-the-last-european-a-philosopher-s-mission-to-save-the-eu-a-799237.html>).

В этих условиях идея нации могла бы сыграть ключевую роль защитника либеральных ценностей. Вопреки тому что от имени нации часто проводилась политика масштабного государственного вмешательства в экономику (об этом свидетельствует термин «национализация», фактически означающий огосударствление), данный подход отнюдь не является безальтернативным. Еще в XIX веке нация мыслилась как сила, не равная государству, а напротив, использующая его как орудие реализации своих интересов. В этом смысле государство-нация является не тождеством, а синтезом двух неравнозначных элементов: нация одновременно выступает и в роли заказчика, и как противовес государству, не позволяющий ему стать недобросовестным исполнителем (при реализации функции защиты, поставки некоторых услуг и др.) и тем более паразитом, живущим за счет нации и подчиняющим интересы граждан интересам бюрократии и правящего класса. Вместе с тем самоидентификация граждан с нацией — потенциально наиболее сильная из всех идентичностей — позволяет противостоять и другой, противоположной по смыслу, но не менее опасной тенденции, а именно атомизации, кризису доверия к окружающим и институтам. Эти тенденции выражаются, в частности, в бегстве от взаимодействия с государством, как это происходит в России и во многих других странах с догражданской социальной организацией¹.

---

¹ Исследователи теневой экономики и параллельного (легальному) мира институтов кооперации указывают на то, что причины этих явлений кроются как в централизации, коррумпированности и избыточности существующих в данном обществе правовых институтов, так и в отсутствии доверия к ним и к государству в целом. Вместо упрощения законодательства и создания четких гарантий прав собственности правительства стремятся расширить государственную экспансию в экономику, еще больше подрывая доверие к легальным институтам и побуждая людей оставаться в тени. Это, в свою очередь, ведет к росту налогов в официальном секторе экономики, к ухудшению качества публичных услуг и, наконец, замедлению экономического развития. На примере своей родной страны, Перу, эти процессы были впервые всесторонне описаны экономистом Эрнандо де Сото, которому удалось предложить и реализовать план эффективных действий, направленных на создание открытого рынка прав собственности. См.: *Де Сото Э.* Иной путь: Невидимая революция в третьем мире / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy, 1995 [1989]; *Сото Э. де.* Иной путь:

Лояльность нации и наличие инструментов гражданского контроля, напротив, легитимируют работу государственных институтов, позволяя тем самым сделать ее эффективнее. Благодаря существованию доверия «по горизонтали» и «по вертикали» люди воспринимают налоги не как выплату дани коррумпированным правителям, а как вложение своей доли в поддержание общественного порядка и благополучия¹.

Вернемся к роли нации как противовеса государству. Еще Алексис де Токвиль, сравнивавший североамериканское и европейские общества первой половины XIX века, писал о двух опасных тенденциях применительно к демократии. «На самом деле, — утверждал он, — равенство порождает две тенденции: первая ведет людей к независимости и может внезапно подтолкнуть их к анархии; вторая тенденция проявляется не столь быстро и не столь наглядно, но она значительно более целенаправленно ведет людей к закреплению». Если «анархия — это не основное, а наименьшее из зол, которых нужно опасаться в век демократии», то наибольшая опасность, по мысли Токвиля, состоит в том, что «равенство утверждает в людях идею централизованного, единого и сильного правительства». Государство берет на себя заботу о гражданах, опекая их во всем и тем самым «закрепляя в мелочах», поскольку это лишает их независимости и в конечном

Экономический ответ терроризму / Пер. с англ. Б. Пинскера. Челябинск: Социум, 2007 [2002]. Историк Юрий Пивоваров указывает на дореволюционные (передельная община), но главным образом советские корни «теневой реальности» в России. Ссылаясь на мнения других исследователей, он констатирует, что «теневые собственность, экономика, право образовывали всеобъемлющий общественный институт, альтернативный господствовавшему коммунизму, и подготовили всеобщий бунт (теневых) собственников» в постсоветское время (Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006. С. 51).

¹ См.: Collier P. Exodus: Immigration and Multiculturalism in the 21st Century. P. 234—241. «Совсем не случайно, — пишет Коллиер, — что французские революционеры, возвестившие о наступлении современности, увязывали братство со свободой и равенством: *братство — это то чувство, которое способно примирить свободу с равенством*. Только если мы рассматриваем других как членов того же сообщества, то соглашаемся с тем, что распределительное налогообложение, необходимое для обеспечения равных возможностей (equity), не ущемляет нашу свободу» (Ibid. P. 237).

счете свободы. Токвиль полагал, что к этому «мягкому», демократическому деспотизму государства приводит крайний индивидуализм, когда гражданин «существует лишь сам по себе и только для себя», а чувства «отечества у него нет»¹. Напротив, национальная идентичность в условиях демократии позволяет подвергнуть критике «распухшее» государство, поскольку сама идея автономной нации должна напоминать правительству о его подчиненном положении и изначальной обязанности защищать, а не ограничивать индивидуальную, и в частности экономическую, свободу граждан.

Таким образом, и в этом отношении гражданский национализм является естественным союзником либерализма, поскольку провозглашает, что интересы граждан — собственно национальные интересы — выше интересов государства, вернее интересов бюрократического класса и правящей верхушки. Без нации не может быть и национальных интересов, в противном случае государство присваивает себе право говорить от имени безропотного населения и создает монопольные привилегии для «своих»². По сути, это та модель организации централизованной власти, которую Д. Норт и соавторы назвали «порядком ограниченного доступа» и которая господствовала на протяжении практически всей истории человечества, да и до сих пор она еще является скорее правилом, чем исключением в большинстве стран мира, включая Россию.

Искушение национал-популизмом

В последние годы наблюдатели из разных стран констатируют рост поддержки популистских движений, выступающих с нелиберальных или откровенно антилиберальных позиций. Как отмечает политический теоретик Надя Урбинати, популизм

---

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с фр.; предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992 [1840]. С. 481, 485, 498, 497.

² См.: Косолапов Н. А. Общесистемные интересы вместо национальных. Классические понятия и российская специфика // Россия в глобальной политике. 2016. № 2. (URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obshchiesistemye-interesy-vmesto-natsionalnykh-18021>).

сегодня является одной из наиболее заметных и, что немало важно, транснациональных, общемировых тенденций «искажения демократии»¹. Так, на пороге XXI столетия по странам Латинской Америки прокатилась волна левого популизма². Пропаганда традиционалистских ценностей и их массовая поддержка стали символами политических процессов, разворачивающихся в Турции при Эрдогане и в России при Путине. В странах Центральной Европы, стремившихся вернуться в «европейскую семью» после десятилетий навязанного им извне социализма, сегодня также наблюдается откат, являющий себя как разочарование в демократии, в проекте европейской интеграции и как стремление к «закрытию» открытых обществ. Анализируя эти тенденции, польский прозаик Адам Загаевский вписывает их в контекст интеллектуальной борьбы внутри модерна, длящейся вот уже два столетия: борьбы между изменчивым настоящим и воображаемым прошлым, между рационалистической организацией политического порядка и теолого-философскими концепциями государства³. Но если в искусстве и литературе внутреннее напряжение рождало и продолжает рождать шедевры и новые направления, то при переходе в плоскость политического действия — идеологий, лозунгов и программ — это напряжение приобретает заведомо упрощенные и обезображенные формы консервативной реакции, страха и презрения к идеалу общечеловеческой свободы. Об этом же говорит замечательный литовский поэт Томас Венцлова: «Люди [в Литве] привыкли оперировать только национальными категориями, потеряли желание и способность признать, что есть и иные категории, иные ценности — иногда более важные. Верх взял примитивный, нерелефлирующий национализм — я бы

¹ Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016 [2014]. С. 247—320.

² См.: Варгас Льоса М. Почему Латинскую Америку преследуют неудачи? // InLiberty. 2003. (URL: <http://www.inliberty.ru/library/335-pochemu-latinskuyu-ameriku-presleduyut-neudachi>).

³ См.: Zagajewski A. The Closing of an Open Society // Eurozine. 01.03.2016. (URL: http://www.eurozine.com/articles/2016-03-01-zagajewski-en.html#_ftqPbriDZUw.facebook).

сказал, «стрепсиадский» культ своего дема, желание увековечить закрытость и провинциальность»¹.

Но теперь и в США, и в странах Западной Европы, считающихся наиболее устойчивыми и развитыми («старыми») демократиями, подняли голову национал-популисты. Недавно, в свете европейского миграционного кризиса, социолог Мишель Вивьерка заметил, что Франция оказалась фактически расколота надвое: на тех, кто за открытое общество для всех, и тех, кто выступает за идеал культурно «гомогенной» нации². Американские интеллектуалы и правозащитники также бьют тревогу: демагог и ксенофоб Дональд Трамп, избранный президентом США от Республиканской партии, «может быть лишь первым из множества Трампов в американской политике», а потому говорить приходится не иначе, как о появлении в Соединенных Штатах многочисленного движения сторонников авторитаризма³. Одновременно с этим опирающиеся на широкую общественную поддержку лидеры неопопулистских движений в разных странах Европы сбрасывают с себя одежды экстремизма, чтобы предстать в образе респектабельной, демократической, «народной» силы. Их «антисистемный» протест и лозунги в защиту национальной идентичности от угроз глобализации, иммиграции и евроинтеграции⁴ повсеместно подпитываются от социальных проблем, активности террористических сетей и «рассеянного» в обществе недовольства, которому национал-популисты дают «простые и понятные» имена: «коррупцированная элита», «чужаки», «ислам», «Брюссель», «Вашингтон», «глобальный капитализм» и т.д.

¹ Венцлова Т. Я задыхаюсь // Ru.delfi. 04.08.2010. (URL: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/tvenclova-ya-zadyhayus.d?id=35122871>).

² См.: Wiewiorka M. Réfugiés: les deux France aujourd'hui // Wiewiorka.hypotheses.org. 11.09.2015. (URL: <http://wiewiorka.hypotheses.org/602>).

³ См.: Taub A. 2016. The Rise of American Authoritarianism // Vox. 01.03.2016. (URL: <http://www.vox.com/2016/3/1/11127424/trump-authoritarianism#change>).

⁴ О различении двух типов политического популизма — протестного (populisme protestataire) и ориентированного на идентичность (populisme identitaire), — а также их смешении на практике см.: Taguieff P.-A. L'illusion populiste. Essai sur les démagogies de l'âge démocratique. Paris: Flammarion, 2007. P. 217—267.

Что же произошло? Ответ кажется очевидным: универсалистский либерально-демократический проект оказался в кризисе. Однако причины этого кризиса (заметим, не первого, но *очередного*, после испытания тоталитаризмом в XX веке¹) нам видятся отнюдь не в том, что либерализм якобы доказал свою несостоятельность. Дело в том, что в какой-то момент сторонники индивидуалистических, либеральных ценностей стали жестко противопоставлять эти ценности, как и собственный образ жизни, культурным традициям и национальным особенностям. На рубеже XX и XXI столетий произошло существенное ослабление, если не сказать разрыв, связи между либерализмом и национализмом, союз между которыми сыграл столь важную роль в истории Запада. Быть «либералом» отныне значит быть «антинационалистом» и выступать за максимальное ограничение национального суверенитета и преодоление модели национального государства; национализм, в свою очередь, стал ассоциироваться с ограничением свободы (на передвижение, на выбор идентичности и др.), насилием и нетерпимостью. Забвение нации в доминирующем западном дискурсе — под лозунгом борьбы с «метанарративами» — предсказуемым образом способствовало усилению спроса на ксенофобный и антиглобалистский национализм. В условиях массовой интеллектуальной, социально-политической и моральной критики идеи нации само это слово было во многом отдано на откуп реакционным силам. Только среди них преобладают уже не монархисты и фашисты, как прежде, а силы иного рода: правые популисты, выстраивающие свою программу на страхе перед фигурой Другого (мигранта)²

¹ О центральном значении переосмысления тоталитарного (фашистского и затем коммунистического) опыта в реформировании либеральной демократии после 1945 года см.: *Gauchet M. L'avènement de la démocratie, III. À l'épreuve des totalitarismes, 1914—1974. Paris: Gallimard, 2010.*

² В современной Европе в образе опасного Другого выступают прежде всего ислам и мусульмане. В символическом контексте, нагруженном геополитическими коннотациями начала XXI века, этот образ трансформируется в ощущение некой ползучей угрозы политической и культурной исламизации, то есть крушения демократии и либеральных ценностей под напором ислама. Разоблачение этой мнимой угрозы см. в: *Малахов В. С. Грозит ли*

и глобализацией¹; палеоконсерваторы, отрицающие свободу как общечеловеческий идеал; и, конечно, сепаратисты самого разного толка, использующие термин «нация» для легитимации своих претензий.

В результате сегодня мы наблюдаем своеобразные качели между двумя проявлениями радикализма — утопическим проектом «единого человеческого общежития» и «постнационального мира», воспеваемого левыми и либеральными силами, с одной стороны, и реакционной идеей «всем разбежаться по своим национальным квартирам» — с другой. Главная опасность данной ситуации заключается в том, что выигрывают от нее как раз нелиберальные националисты, укрепляющие свои позиции практически повсеместно в мире. Фактически это они, а не космополитически настроенные голоса, задают тон современной дискуссии. Именно они присваивают себе право трактовать понятие «нация» в собственных электоральных интересах, тем самым еще больше дискредитируя его в глазах наиболее просвещенных слоев и делая из него орудие манипуляции страхами обывателя. Так, в словах национал-популистов типа Дональда Трампа и Марин Ле Пен «нация» является уже не выражением позитивной солидарности и не синонимом сообщества свободных граждан, а трансгрессией людских фобий и инструментом негативной мобилизации, аккумуляции общественной агрессии *против кого-то* (истеблишмента, внешних сил, мигрантов и проч.).

В этой ситуации, новой как для Запада, так и для мира, становится ясно, что действительной, эффективной альтернативой концепции закрытой, или «гомогенной», нации

Европе исламизация? // Он же. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. С. 149—175.

¹ В своем выступлении после региональных выборов во Франции в декабре 2015 года лидер крупнейшей в Европе национал-популистской партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен заявила, что «отныне политический раскол проходит не между левыми и правыми, а между глобалистами и патриотами». См.: Régionales 2015: pour Marine Le Pen. «le clivage politique sépare désormais mondialistes et patriotes» // Le Monde. 13.12.2015. (URL: http://www.lemonde.fr/elections-regionales-2015/video/2015/12/13/marine-le-pen-le-clivage-n-est-plus-gauche-et-droite-mais-mondialistes-et-patriotes_4831014_4640869.html).

является не абстрактная идея «постнационального» общества, а модель открытой нации, основанной на общих ценностях и гражданском, инклюзивном взаимодействии. Эффективно противостоять национал-популизму и этническому национализму возможно только на том же идейном поле — посредством переосмысления понятия нации, в том числе в терминах культурного разнообразия¹. Сегодня особенно остро ощущается необходимость вернуться к обсуждению, не только политическому, но и теоретическому, содержания этого ключевого концепта, его значения и роли в общественно-политических преобразованиях. Это, в частности, позволило бы разрушить монополию политических радикалов и ксенофобов на интерпретацию национальных интересов в быстро меняющемся мире. Иными словами, сейчас эпоха, требующая не «забыть о нации» как о содержательной политической и аналитической категории², а как раз наоборот — вспомнить о ней.

---

¹ См.: *Kymlicka W. Defending Diversity in an Era of Populism: Multiculturalism and Interculturalism Compared // Multiculturalism and Interculturalism: Debating the Dividing Lines / N. Meer, T. Modood and R. Zapata-Barrero (eds.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 158—177.*

² См.: *Тишков В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3—26.*

Часть 2

**УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ
РАЗНООБРАЗИЕМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА**

ГЛАВА 3. УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КОНТУРЫ КОНЦЕПЦИИ

Разнообразие — пожалуй, одно из самых спорных понятий в социальных науках. Оно с трудом поддается однозначному определению и поэтому «само по себе не является объектом исследования» для ученых и специалистов¹. Вместе с тем нелегко найти замену этому понятию в целях осмысления ряда тенденций и проблем современного мира. Таким образом, концепт «культурное разнообразие» является своего рода призмой или углом зрения, позволяющими проследить те трансформации, которые претерпевают разные общества мира на протяжении своей истории, в том числе недавней. Через призму культурного разнообразия общественные трансформации можно рассматривать как процессы *создания и стирания, осмысления и переоценки социальных и культурных различий* — между мужчинами и женщинами, сообществами и народами, светскими и религиозными ценностями. В этом смысле культурное разнообразие — этническое, языковое, конфессиональное, идеологическое, гендерное и т.д. — является неотъемлемым свойством практически любого социума на разных стадиях его развития. Но это вовсе не означает, что разнообразию может быть приписана некоторая постоянная величина.

Напротив, совокупность значимых для членов социума различий предстает в разных сочетаниях, констелляциях в зависимости от места и времени, в которых те или иные различия приобретают более или менее важную роль в отношениях, с одной стороны, между индивидами и группами, а с другой — между обществом и публичной властью. Это делает разнообразие не только категорией социального анализа, но и категорией практики — объектом политического действия: от подавления (вплоть до изгнания и уничтожения культурных

---

¹ *Wieviorka M.* La Diversité, Rapport à la Ministre de l'Enseignement supérieur et de la Recherche. Paris: Robert Laffont, 2008. P. 96.

групп) и ассимиляции до поощрения разнообразия (например, в форме финансовой поддержки носителей определенной идентичности) и политики развития культурных сообществ.

Смена подходов к пониманию разнообразия

В социальных науках разнообразие довольно долго понималось исключительно как разнообразие «этносов» и «рас» со свойственными им биологическими, культурными и социальными различиями. Культуры же рассматривались как неотъемлемые сущностные признаки тех или иных групп, чей образ жизни и восприятие окружающего мира практически не меняются с течением времени. Такое понимание разнообразия позволяло, в частности, классифицировать культуры по уровню их общего уровня развития, размещая каждую из них на лестнице общественного прогресса. Этот взгляд был во многом продиктован духом эпохи индустриализации XIX — начала XX века, воплощенном в образе веберовской «стальной клетки современности» (*stahlhartes Gehäuse*). Было у данного подхода и иное основание — сам способ производства научного знания о культуре. Так, западные (как и российские) антропологи прошлого, часто вовлеченные в колониальные проекты и разделявшие идею «цивилизаторской миссии» (*mission civilisatrice*), как правило, считали объектом своего изучения замкнутые сообщества Азии, Океании и Африки. Исследуя образ жизни «примитивных обществ», они были склонны абсолютизировать идею культурной «инаковости», что только укрепляло их уверенность в превосходстве одних (западных) культур над другими (незападными).

С тех пор многое изменилось — и сама реальность современного мира, и концептуальные инструменты его описания (прежде всего в самой антропологии). В современном нам мире все более очевидно, что культурное разнообразие не может быть сведено к многообразию этнических культур. Оно проявляется и на уровне локальных сообществ, городов и агломераций, где живут «видимые» меньшинства (*visible minorities*), и в форме надэтнической — гражданской и политической — культуры,

создаваемой в процессе взаимодействия людей. Носителем культуры все чаще выступает не столько сообщество, сколько человек, а значит, речь может идти о многообразии «личных культур, каждая из которых представляет собой констелляцию субъективных смыслов, ценностей, установок и стереотипов»¹. Таким образом, сегодня культура понимается как подверженное изменениям *многомерное пространство межчеловеческих отношений*, в котором люди определяют себя не только через этническую принадлежность, но и через язык, класс, политические взгляды, гражданские роли и проч.² Исследователи отныне с большой осторожностью относятся к механизмам инструментализации идентичностей в политических целях и в целом к языку культурных различий, который в действительности может служить средством оправдания неравного социального положения тех или иных групп или сокрытия определенных общественных противоречий.

Этот новый взгляд на культуру был положен в основу фундаментального Доклада ООН о развитии человека 2004 года, посвященного вопросам культурного разнообразия и его связи с человеческим развитием, экономическим благосостоянием и демократией в современном мире³. «Необходимость научиться управлять, учитывая культурное многообразие, представляет собой одну из ключевых проблем нашего времени», — подчеркивают авторы доклада⁴. Действительно, осознание того, что разнообразие — важная часть политического процесса, требующая особого внимания, а не «вынужденной» реакции властей на угрозу «общественной гармонии», дается сегодня крайне нелегко даже наиболее демократическим странам. Более того, растущая культурная плюрализация

---

¹ Урнов М. Ю. Роль культуры в демократическом транзите // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6. С. 6. О концепции личной культуры см.: Valsiner J. *Personal Culture and Conduct of Value* // *Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology*. 2007. Vol. 1, N 2. P. 59—65.

² См.: Sen A. *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*. New York: W. W. Norton & Co., 2006. P. 160.

³ См. русский текст доклада: Доклад о развитии человека 2004: Культурная свобода в современном многообразном мире. М.: Весь мир, 2004. (URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2004-russian>).

⁴ Доклад о развитии человека 2004. С. 1.

обществ и трудности, связанные с поиском адекватных моделей интеграции и толерантности, только способствуют росту убежденности многих в том, что демократия находится в глубоком кризисе.

О «притязаниях культуры»¹

На протяжении наибольшей части истории человечества миграции были скорее исключением, чем правилом. Начиная со времени неолитической революции, ознаменовавшей эпоху аграрных обществ, подавляющее большинство живших на планете людей не перемещались за пределы родной деревни или города, а остракизм, то есть исключение из сообщества, был синонимом верной гибели. Даже кочевые народы, занимавшиеся скотоводством, либо перемещались в пределах относительно небольшой и хорошо известной им территории, будь то горы, степи или равнины, либо — уже в эпоху расцвета «кочевых империй» — находились в непосредственной зависимости от оседлых земледельческих обществ. В древних государствах и в более поздних империях миграции были жестко ограничены и часто носили принудительный характер (переселение целых групп), а добровольное перемещение было связано с большими рисками, в том числе с риском для жизни. Преобладающее направление перемещения людей — из столичных регионов на окраины, из метрополии в колонии и обратно. В этом смысле предложенная Александром Мотылем метафора, уподобляющая имперские политики «колесу без обода», весьма точно описывает тип географической мобильности и, шире, управления ресурсными потоками в обществах прошлого². Все изменилось в течение XX века.

Осмысление миграционных потоков в постколониальную эпоху — их направления, масштабов, роли и состава —

¹ Этот термин — *claims of culture* — был предложен Сейлой Бенхабиб. См.: Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003 [2002].

² См.: Мотыль А. Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: МШПИ, 2004 [2001]. С. 13.

является важнейшим фактором, который способствовал изменению господствующих представлений о культурном разнообразии. Глобальные миграции в современном мире устроены главным образом как приток людей из бедных стран глобального Юга в богатые страны глобального Севера. Та же структура повторяется и на уровне континентов и макрорегионов: люди перемещаются из относительно бедных стран в более богатые соседние страны (примером такого рода международных миграций является приток мигрантов из государств СНГ в Россию). Так или иначе, «массовые международные миграции являются ответом на глубокое глобальное неравенство», но отнюдь не могут считаться «постоянной характеристикой глобализации»¹: со снижением уровня неравенства между странами и развитием бедных обществ будут неизбежно сокращаться и миграционные потоки. Сегодня видно, как глобализация способствует сокращению экономических диспропорций в мире², уменьшает абсолютную бедность³ и улучшает объективные показатели благополучия (снижение младенческой смертности, рост продолжительности здоровой жизни, подъем уровня образования и т.д.)⁴ в развивающихся странах. Но вместе с тем внутри последних наблюдается устойчивый рост неравенства: сказывается слабость или отсутствие институтов, которые позволили бы бороться с тотальной коррупцией, удушающей местный бизнес, отпугивающей инвесторов и препятствующей справедливому распределению международной помощи⁵. Пока же в бедных странах стандарты жизни сильно отстают от уровня жизни в странах «золотого миллиарда», а потому в ближайшие годы и десятилетия не стоит ожидать серьезного сокращения международных миграционных потоков.

¹ Collier P. Exodus: Immigration and Multiculturalism in the 21st Century. P. 271.

² См.: Lassort M. Les chiffres tronqués du rapport Oxfam sur les riches // La Tribune. 28.01.2016. (URL: <http://www.latribune.fr/opinions/tribunes/les-chiffres-tronques-du-rapport-oxfam-sur-les-riches-546356.html>).

³ См.: Иванов Н. П., Монусова Г. А., Гоффе Н. В. Глобализация и бедность // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 29–42.

⁴ См.: Deaton A. The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality. Princeton: Princeton University Press, 2013.

⁵ См.: Иванов Н. П., Монусова Г. А., Гоффе Н. В. Глобализация и бедность.

В современных исследованиях процессов миграции все чаще можно встретить термин «сверхразнообразие» (*super-diversity*). При его помощи исследователи указывают не только на увеличение численности этнических групп в том или ином обществе, но и на изменение целого ряда параметров миграций и в целом на диверсификацию миграционных потоков. Так, речь идет о диверсификации каналов миграции (рабочие, студенты, беженцы, нелегалы, воссоединение семей и т.д.), легального статуса мигрантов, их демографических характеристик, человеческого капитала и др.¹ К этому добавляется рост транснациональных связей и возможность их поддержания при помощи современных средств связи, главным образом Интернета. Все эти факторы требуют гибких (а порой и новаторских) политических и управленческих решений, в частности в сфере правового регулирования иммиграции, защиты прав мигрантов, а также их адаптации (как временных мигрантов или потенциальных граждан принимающей страны) в новых социальных условиях — на рынке труда, в сфере образования, досуга и творчества и проч.

Помимо миграционного вызова, практически все страны мира сталкиваются с требованиями признания идентичности тех групп, которые давно живут на данной территории, будь то жители Тибета в составе Китая, венгерское меньшинство в Румынии или население индейского происхождения в Мексике. Эти требования тесным образом связаны с вопросами борьбы с расизмом и дискриминацией по этническому, религиозному, гендерному и иным признакам². Как отмечает Виталий Наумкин, «признание культурных различий весомым компонентом цивилизационной среды и обеспечение равных возможностей для всех групп в социально-политической жизни — задачи, от решения которых зависит успешное функционирование общества»³. Другими

¹ См.: *Meissner F., Vertovec S. Comparing Super-Diversity // Ethnic and Racial Studies. 2015. Vol. 38, N 4. P. 541—555.*

² См.: *Wieviorka M. La Diversité. P. 74.*

³ *Наумкин В. В. Культурное разнообразие, демократия и хорошее управление // Россия в глобальной политике. 2012. № 2. (URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kulturnoe-mnogoobrazie-demokratiya-i-khoroshee-upravlenie-15956>).*

словами, в наши дни под маркой «культурного разнообразия» ставятся вопросы об общем благе, справедливости, социальной интеграции и демократии¹.

Прежде всего, к их числу относится вопрос представительства — в законодательных собраниях и иных политических структурах, на руководящих постах в различных отраслях экономики, в медийном пространстве. Это означает перераспределение властных, экономических и символических ресурсов таким образом, чтобы оно учитывало интересы разных этнорасовых групп или религиозных сообществ и отражало структуру общества с точки зрения его разнообразия. Различные формы представительства культурного разнообразия позволяют объединениям индивидов «донести» свой голос, представить важный для себя вопрос в пространстве политических коммуникаций и повлиять на принятие решений, касающихся их частного и общественного блага². Для того чтобы понять, насколько разнообразие интересов и требований представлено в обществе, имеет смысл говорить не только о представительстве, но и об исключенности (exclusion) отдельных групп или категорий мужчин и женщин из участия и действия в публичном пространстве³.

Во-вторых, речь идет об обеспечении правового равенства, в частности посредством введения и применения антидискриминационного законодательства⁴, а также использования механизмов политико-правового плюрализма в культурно гетерогенных обществах (федерализм, автономии и др.). С этим

¹ Об этом постоянно напоминают авторы упомянутого Доклада ООН о развитии человека.

² О многообразии форм и концепций представительства — как политического, так и неэлекторального (new citizens forums, decision-making bodies, representative claims by civil society and advocacy groups и др.) — в современных демократиях см.: *Urbinali N., Warren M. E. The Concept of Representation in Contemporary Democratic Theory // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 387—412.*

³ См. подробнее: *Малахов В. С. О политическом употреблении культурных различий // Полит.ру. 19.08.2005. (URL: <http://polit.ru/article/2005/08/19/malahov>).*

⁴ Исчерпывающее рассмотрение данного вопроса см. в: *Осунгов А. Г. Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать? М.: Сова, 2012.*

связана разработка социально-экономических мер, направленных на исправление существующего неравенства, прямой и косвенной дискриминации в отношении этнотерриториальных групп, а в некоторых случаях — защита образа жизни «коренных народов». Другой важный вопрос — гарантия свободы совести и обеспечение условий для равноправного диалога религиозных сообществ между собой и с государством.

Наконец, это вопросы выработки приемлемых решений в проведении языковой политики. По сути, их можно свести к поиску баланса между лингвистическим разнообразием и эффективным функционированием общественно-политических институтов, между публичным использованием нескольких языков (в частности, в школах и университетах) и предотвращением «языковой балканизации» — сепаратизма и насильственного противостояния на этой почве¹.

Разрешение всех этих вопросов в том или ином обществе требует не только переформатирования работы государственных структур, в том числе при помощи привлечения знаний и опыта исследователей в социальных науках², но и создания институтов гражданского общества. Последние выполняют функцию медиаторов в конфликтных ситуациях, формируют толерантную атмосферу в обществе и позволяют людям отстаивать свои права и влиять на принятие государственных решений. В условиях современного глобального мира именно гражданское участие становится важнейшим условием интеграции и обеспечения мирного и эффективного

¹ См.: *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // *Логос.* 2005. № 4 (49). С. 58—59.

² См.: *Calhoun C., Wiewiorka M.* Manifeste pour les sciences sociales // *Socio.* 2013. N 1. P. 5—39. Интересным примером взаимодействия исследователей с государственными структурами является работа Консультационной комиссии по разработке практик адаптации в связи с культурными различиями в канадском Квебеке, которая получила неофициальное название Комиссии Бушара — Тэйлора по имени возглавивших ее социолога Жерара Бушара и политического философа Чарльза Тэйлора. См.: *Bouchard G., Taylor Ch.* Building the Future: A Time for Reconciliation, Report of the Consultation Commission on Accommodation Practices Related to Cultural Differences. Quebec: Government of Quebec, 2008. (URL: <https://www.mce.gouv.qc.ca/publications/CCPARDC/rapport-final-integral-en.pdf>).

взаимодействия людей с разным происхождением и культурными идентичностями, а значит, и залогом нормального развития сложных, многосоставных обществ.

Основные проблемы управления культурным разнообразием

Объясняя небывалый рост популярности литературы в жанре постапокалипсиса, писатель Фрэнк Берс отмечает: «Человеческий мир сегодня настолько сложен и при этом странным образом уязвим (*fragile*), что вообразить апокалипсис не представляет особого труда»¹. Действительно, сложность организации современного общества и ощущение человеческого бессилия повлиять на его изменчивую структуру вызывают переживание метафизической нестабильности, то есть *перманентного кризиса*: картины мира, социального и политического порядка, привычного образа жизни. Чувство тревоги является неотъемлемой чертой сознания современного человека² и встроено в структуру «общества риска»³, в повседневную жизнь людей. Эта тревога, не имеющая ни конкретного объекта, ни осознаваемой причины, «рассыпается» на множество страхов и их объектов — «козлов отпущения»: страх перед экономическим кризисом или экологической катастрофой, в которых «повинны» Уолл-стрит и атомная энергетика; страх остаться без работы из-за «финансового капитала» и «угрозы роботизации»; страх перед потеплением климата и генетически модифицированными продуктами, суть результатами «ненасытной индустриальной эксплуатации природы»⁴ и т.д.

¹ Bures F. 2016. Dispatches from the Ruins // Aeon. 02.02.1016. (URL: <https://aeon.co/essays/is-there-something-weird-about-our-taste-for-apocalypse-stories>).

² См.: Айзенберг Б. Кризис и критика. Идеи Рейнхарта Козеллека о происхождении современности // Gefter. 25.06.2012. (URL: <http://gefter.ru/archive/5128#up5>).

³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000 [1986].

⁴ «Скопление» такого рода страхов создает своего рода кумулятивный эффект: чем их больше, тем больше они подкрепляют друг друга и тем легче

Страх перед разнообразием — будь то опасение за сохранение черт «национальной культуры» или ужас перед лицом «наплыва мигрантов» — в этом ряду занимает особое место. После снятия повестки противостояния социальных классов именно он вновь смещает фокус внимания общественности с межгосударственных на внутригосударственные границы и конфликты: риторика борьбы с социальным неравенством все чаще уступает место риторике обеспечения «культурной безопасности».

В последние десятилетия во многих обществах мира тема разнообразия стала неотъемлемой частью политического дискурса и занимает одно из центральных мест в медийном пространстве. Общественные и политические дебаты в демократических странах наводнены обсуждениями национальных идентичностей, сосуществования религий в публичной сфере жизни, миграционных потоков и интеграции мигрантов, поддержки автохтонных меньшинств и защиты их права на традиционный образ жизни, борьбы с этнической дискриминацией. В супермаркетах на разных концах планеты появились отделы халяльной и кошерной пищи, а наиболее крупные бизнес-компании, включая транснациональные корпорации, больше не обходятся без программ и специальных структур по управлению разнообразием (*diversity management*), призванных учитывать различия в политике найма, в администрировании и производстве продукции, ориентированной на ту или иную группу потребителей¹.

С одной стороны, «видимость» и «осязаемость» культурного разнообразия в повседневной реальности и в медиа позволяют спекулировать на этих сюжетах самым разным силам: от национал-популистов и консерваторов до этнических активистов и региональных сепаратистов. С другой стороны, появляется ощущение, что данные тенденции создают совершенно особую реальность, в которой рост разнообразия

найти им правдоподобные «подтверждения». В частности, это проявляется в распространении и конвергенции различных теорий заговора в условиях свободного распространения информации в современных демократиях. См.: *Bronner G.* La Démocratie des crédules. Paris: PUF, 2013.

¹ См.: *Wiewiorka M.* La Diversité. P. 117—148.

на индивидуальном и групповом уровнях представляется чуть ли не стихией, а все разговоры об интеграции — самым (и опасным) «консервативным анахронизмом»¹. Все это, в новом контексте, ставит перед ответственными политическими силами вопрос об управлении разнообразием: они должны одновременно как противостоять спекуляциям, так и создавать эффективные институты, правила взаимодействия. Этот вопрос можно сформулировать следующим образом: *как примирить культурное разнообразие, которое неизбежно возрастает, с необходимостью для любой страны добиваться единообразия правовых норм?*

Данная проблема стояла тысячелетиями в многоэтнических государствах и по-разному решалась в разные эпохи и разных странах. Как отмечает политолог Святослав Каспэ, «успешная внешняя экспансия» древнейших империй «практически неизбежно стави[ла] тесно связанные вопросы о методах интеграции инокультурного населения присоединенных территорий в состав государственного организма, а также о методах эффективного ими управления»². В Новое время, и в особенности в конце XIX — середине XX века, политика ассимиляции и искоренения разнообразия³ часто соседствовала с поддержанием и даже поощрением культурной обособленности отдельных групп (в этом отношении Советский Союз с его политикой «коренизации» и в целом институционализации этничности во многом был предвестником идеи мультикультурализма). Опыт последних десятилетий в ведущих странах Запада показал, что и в них были допущены значительные политические просчеты, которые, по заявлениям лидеров таких стран, как Германия, Франция,

¹ Филиппова Е. И. Дискурс об интеграции — консервативный анахронизм эпохи транснационализма // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности / Под ред. В. С. Малахова и М. Е. Симона. М.: Дело, 2016. С. 305—321.

² Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 40.

³ См.: Мюллер Дж. Мы и они // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. (URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_10943); Mylonas H. The Politics of Nation-Building: Making Co-Nationals, Refugees, and Minorities. New York: Cambridge University Press, 2012.

Великобритания, Австралия, поставили национальные государства перед угрозой дезинтеграции, раскола на множество этнических и религиозных общин¹. Но в этих же странах оказалось и легче найти выход из указанных проблем, поскольку здесь сохранился базовый принцип политической нации, в рамках которой гражданские права и права человека имеют приоритет над групповыми, а гражданская идентичность — над этнической, расовой или религиозной. И эти принципы остаются общими для таких культурно разных стран, как США и Канада, Германия и Бразилия, Великобритания и Индия.

Проблема совмещения универсальных норм с партикулярными идентичностями тесно связана с другой не менее важной проблемой, долгое время не попадавшей в поле зрения исследователей и до сих пор часто воспринимаемой как своего рода моральное табу. А именно проблемой всесторонней оценки культурного разнообразия. Дело в том, что в либеральной интеллектуальной среде и в рамках политкорректного дискурса культурное и социальное разнообразие принято считать ценностью и благом само по себе. Как сказано в статье 1 Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятой в 2001 году, разнообразие является «источником обменов, новаторства и творчества»². Поэтому, как, например, считает теоретик либерального мультикультурализма Уилл Кимлика, за разнообразие необходимо бороться, в особенности в свете растущего влияния национал-популизма. Понимая мультикультурализм как признание и «поддержку властями культурного разнообразия в публичном пространстве»³, он и многие другие полагают, что разнообразие в странах с (либерально-)демократическим режимом должно являться объектом защиты со стороны государства⁴.

¹ См. подробнее: Паун Э. А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму // Вестник Института Кеннана в России. 2011. Вып. 20. С. 78—85.

² Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии // ООН. (URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml).

³ Малахов В. С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия»; Мысль, 2015. С. 208.

⁴ См.: Kymlicka W. Defending Diversity in an Era of Populism...

Однако, на наш взгляд, данная позиция фактически вводит ложную альтернативу: либо признание разнообразия как неоспоримой ценности (и, соответственно, его всяческое поощрение), либо солидаризация с ксенофобами и сторонниками идеала «гомогенной» нации. Очевидно, необходим более взвешенный взгляд на культурное разнообразие — не только как на ценность, но и как на фактор трансформации общества, необязательно связанный с позитивными изменениями.

Разумеется, трудно спорить с тем, что разнообразие — важнейшее условие общественного прогресса и экономического развития, особенно в условиях современной «экономики знаний». Нельзя отрицать и того, что представители меньшинств часто находятся в наиболее уязвимом положении и потому особенно нуждаются в защите своих прав. Однако не стоит забывать, что культурное разнообразие, в том числе проистекающее из миграции, может быть причиной продолжительных конфликтов (на основе оспаривания идентичностей), источником социального неблагополучия и экономических проблем. Как отмечает Пол Коллиер в своей вдумчивой книге о миграциях в мире XXI столетия, всегда существует «соотношение (trade-off) издержек и выгод от разнообразия»¹. Растущий вследствие иммиграции из бедных стран в богатые уровень разнообразия несет в себе целый ряд опасностей: падение доверия и готовности людей к перераспределению доходов и созданию общественных благ²; перенос плохих социальных и экономических институтов в страны с «порядком открытого доступа»; сегрегированность представителей определенных групп в городском пространстве и формирование неабсорбируемых обществом диаспор (в особенности если культурная дистанция между мигрантами и местным сообществом велика, как в случае многих стран Европы); образование замкнутых социокультурных анклавов, где иноэтническое происхождение накладывается на социальные болезни (низкое качество образования, бедность, безработица, чрезмерное распространение и потребление

---

¹ *Collier P. Exodus: Immigration and Multiculturalism in the 21st Century. P. 254.*

² *Ibid. P. 85.*

наркотиков). Перед странами — донорами международной миграции, в свою очередь, встает угроза потери своих наиболее образованных членов. Их систематический отток резко снижает потенциал развития этих обществ, что делает прозрачной перспективу сокращения их отставания от развитых стран и ослабляет вероятность их демократизации.

Проблема, таким образом, состоит не в том, что одни общества используют политику поощрения разнообразия в большей мере или более последовательно, чем другие. Во многих случаях разнообразие не нуждается в защите — оно само себя защищает и воспроизводится, изменяясь, в новых контекстах и в разных обстоятельствах. Важнейшая проблема управления культурным разнообразием заключается в другом: *как найти оптимальный для данного конкретного общества уровень разнообразия*, чтобы, с одной стороны, использовать его капитал как благо, а с другой — предотвращать ситуации, когда разнообразие становится фактором эрозии общественных связей и тормозом развития.

О новых тенденциях в сфере управления культурным разнообразием

Переосмысление места и роли культурного разнообразия в современном мире, безусловно, является следствием тех общих социетальных тенденций, которые стали доминирующими в последние десятилетия как в западных странах, так и — во все большей мере — за пределами исторического Запада. Но вместе с тем смена парадигмы понимания культурного разнообразия во многом сама является мотором преобразований и фактором формирования новых политических и управленческих концепций. Нам представляется важным остановиться на некоторых из них.

1. Прежде всего это тот процесс, который можно условно обозначить как *переход от государствоцентричной к обществоцентричной парадигме управления*. Данный процесс связан с целым рядом тенденций, носящих, по всей видимости, универсальный характер; главные из них — постепенная

десакрализация публичной власти, эмансипация гражданина перед лицом государства и рост роли общества в политической системе¹. В отличие от прежних эпох современные концепции государственной службы подразумевают не столько контроль за населением, сколько ориентированность на предоставление ему услуг. Теперь государство подстраивается под человека и запросы общества, а не наоборот. Это верно и в отношении темы культурного разнообразия: его восприятие и обращение с ним должны рассматриваться не с точки зрения государства (то есть чиновников), а с точки зрения многочисленных социальных субъектов, автономных по отношению к институтам власти. Важно отметить, что данное видение радикально отличается от подходов с позиции социальной инженерии и мышления в духе государственного патернализма, характерных для советского и постсоветского контекста² (к этому мы еще вернемся ниже). Становление обществоцентричной системы управления имеет в данном отношении как минимум два важных следствия.

Во-первых, в разрешении вопросов, связанных с управлением культурным разнообразием, принимает участие не только центральная власть, но и группы, сообщества, граждане и их ассоциации. Другими словами, важны не только вертикальные, но и горизонтальные меры на уровне городов и местного самоуправления³, не только законодательство и административные решения (будь то вопросы въезда в страну, легализации статуса, уплаты налогов, получения гражданства, доступа к публичным институтам, борьбы с расизмом, ксенофобией и дискриминацией), но и общественная самоорганизация (интеграция мигрантов в принимающее сообщество,

---

¹ См.: *Оболонский А. В.* Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2011.

² См.: *Осинов А. Г.* Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать? С. 96—97.

³ Американский историк и урбанист Блэр Рубл на сравнительном материале приводит ряд интересных примеров того, как обустройство городского пространства может способствовать аккомодации культурных различий. См.: *Рубл Б.* Городское разнообразие в эпоху масштабных миграций // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 21. С. 36—44.

создание межкультурных «сетей доверия», поиск взаимных интересов и выработка механизмов разрешения конфликтов).

Во-вторых, подразумевается переформатирование государственной политики в отношении разнообразия в сторону выработки комплексных подходов этнической, миграционной, интеграционной, культурной и образовательной политики, отвечающей интересам общества. Таким образом, возникает проблема сочетания демократических механизмов и институционализации конфликтов в условиях культурного плюрализма. Ее разрешение, по всей видимости, состоит в выработке такого отношения к культурным различиям, которое позволяет, с одной стороны, поддерживать мир и общественный порядок, а с другой — публично обсуждать существующие разногласия и противоречия относительно многообразия ценностей на основе признания свободы их выбора и свободы слова за каждым. Политический философ Чандран Кукатас называет такую модель «классическим либеральным мультикультурализмом»¹. Дело здесь не только в том, что даже напряженные конфликты и дебаты лучше, чем кризисы и гражданские войны (для всякого нормально-го человека это, безусловно, так). Как показывает практика, именно либерально-демократическая система и развитая сеть гражданских институтов, снижающих издержки от медиации конфликтов, способны блокировать переход «ксенофобии сознания» в «ксенофобию действия»² посредством включения людей разного происхождения и с разными идентичностями в решение общих задач локального сообщества и нации.

2. Другое важное изменение состоит в том, что культурная плюрализация современных социумов меняет взгляд на само общество и проблему его интеграции. Статический взгляд на культурное разнообразие искажает реальность, для которой характерна не только возрастающая быстрота

¹ Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма // Полит.ру. 27.05.2007. (URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism>).

² Паин Э. А., Сулова М. Н. Способна ли демократия противостоять ксенофобии? // Россия в глобальной политике. 2012. № 5. (URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Sposobna-li-demokratiya-protivostoyat-ksenofobii-15723>).

изменений, но также известная пластичность и пересечение различных идентификаций (этнических, языковых, гражданских, политических) и культурных ценностей. Напротив, динамический подход позволяет избавиться от иллюзии полностью интегрированного, гомогенного общества, где нет места культурному разнообразию. *Конечного решения проблемы интеграции не существует* (если только не считать таким «решением» самоуничтожение человечества), а потому необходимо искать механизмы взаимодействия, которые окажутся: а) приемлемыми для самих субъектов отношений, б) действенными в тех или иных условиях. Не обязательно при этом изобретать велосипед, но и копировать рецепты из прошлого тоже не получится. В этом отношении в качестве иллюстрации полезно взглянуть на изменение смысла концепта «ассимиляция».

Раньше ассимиляцию понимали преимущественно как поглощение локальных культур доминирующей и как искоренение культурных различий (во всяком случае, их «изгнание» в сферу сугубо частной жизни). Как показал Юджин Вебер на примере Франции времен Третьей республики, ассимиляция была легитимной политикой в глазах ее современников, притом не столько даже в отношении рабочих-иммигрантов и их семей, сколько в отношении «социальных рас». Город и деревня рассматривались не иначе как две несовместимые «цивилизации», два мира с противоположными ценностями и образами жизни, один из которых (разумеется, буржуазный город) неизбежно должен был победить, колонизовать, эмансипировать провинцию¹. С этой холистической, прогрессистской и индустриальной точки зрения разнообразие в рамках границ одного государства не более чем помеха, состояние несовершенства, которое необходимо «исправить». (Не забудем при этом, что широко распространенное «представление о Франции как об однородном обществе с крайне самобытной, неповторимой культурой»² является не более

¹ См.: *Weber E. Peasants Into Frenchmen...* P. 3—22.

² *Уолцер М. О терпимости / Пер. с англ. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000 [1997]. С. 53.*

чем ретроспективной иллюзией. На самом деле и в XIX, и в XX веке иммигранты на протяжении нескольких поколений сохраняли свой образ жизни, обычаи и язык повседневного общения¹. И хотя в борьбе с региональными культурами французское государство добилось того, что патуа были практически вытеснены литературным французским языком, во Франции по сей день существуют большие региональные и локально-культурные различия.)

Сегодня возврата к ассимиляции в органическом, «жестком» смысле быть не может, прежде всего потому, что она входит в противоречие с концепцией прав человека в современной ее трактовке. Однако если рассматривать понятие ассимиляции в отвлеченном смысле слова², то окажется, что она востребована и приемлема в наши дни, особенно в развивающихся обществах. Речь идет о *праве на неразличение* (по-французски — *droit à l'indifférence*), то есть праве на равное, а не на особое отношение как к индивиду, имеющему «своеобразное» происхождение или «какую-то иную» религию; праве не только быть «другим» и не подвергаться за это стигматизации и преследованиям, но и быть прежде всего «как все» по части реализации своих прав именно как *прав человека и гражданина*. Таким образом, ассимиляция в отвлеченном смысле подразумевает устранение культурных различий не путем их уничтожения, а посредством «нейтрализации» их роли в некотором роде социальных отношений и перед лицом государства.

3. Переосмысление связи между культурным плюрализмом и политико-управленческими моделями в условиях глобального мира позволяет сделать вывод о *ведущей и все более возрастающей роли перекрывающей идентичности и единой политической культуры*. Мы уже говорили об этом в первой части книги. Здесь же имеет смысл остановиться на двух моментах.

¹ См.: Malik K. The Failure of Multiculturalism: Community versus Society in Europe // Foreign Affairs. March-April 2015. N 2. (URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/2015-03-01/failure-multiculturalism>).

² См. подробнее: Брубейкер Р. Возвращение ассимиляции? // Он же. Этничность без групп. С. 214–238.

Во-первых, необходимо отказаться от рассмотрения национального строительства через призму «классических» примеров — стран Западной Европы; в частности, важно развести понятия нации и государства. В прошлом и настоящем есть немало социумов, где государство не навязывало единые культурные стандарты, но оставляло право на автономное культурное развитие за исторически сложившимися сообществами. Для обозначения таких обществ Хуан Линц и соавторы предложили использовать термин «государство-нация» (state nation) вместо привычного «национальное государство» (nation state)¹. «В общем-то говоря, — пишут они, — идея нации в рамках национально-государственного подхода (“nation state” approach) подразумевает создание одной общей культуры внутри данного конкретного государства, тогда как идея нации в рамках государственно-национального подхода (“state nation” approach) может подразумевать существование нескольких важных с политической точки зрения (politically-salient) культур, но, в любом случае, требует уважения к общегосударственным институтам, а также к существующему социально-культурному разнообразию»². Данный подход представляется особенно важным в наши дни и для стран с традиционно высоким уровнем разнообразия, к каковым относятся крупнейшие государства — как демократические (типа Канады и Индии), так и с «дефицитом демократии» (вроде России и Китая). В таких обществах, где сохраняются ареалы компактного расселения многочисленных этнических групп, единство политической культуры — важнейшее условие мирной жизни и стабильного развития. В этом смысле для развивающихся стран современного мира важно создание (или поддержание) политической нации не в той

---

¹ Вернее будет сказать, что авторы заново ввели это концептуальное различие в научный оборот. Насколько нам известно, первой в этом отношении была следующая работа: *Rejai M., Enloe C. H. Nation-States and State-Nations // International Studies Quarterly. 1969. Vol. 13, N 2. P. 140—158.*

² *Linz J. J., Stepan A., Yadav Y. “Nation State” or “State Nation”? Conceptual Reflections and Some Spanish, Belgian and Indian Data // United Nations Development Programme, Humane Development Report Office. 2004. P. 8. (URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2004_alfred_stepan.pdf).*

последовательности, которая чаще всего наблюдалась в истории (а именно на основе мобилизации и консолидации какой-либо одной этнической общности), а в известном смысле наоборот: от гражданской консолидации представителей разных этнических и религиозных групп к формированию единого национального самосознания. Разумеется, в этом случае в рамках единого национально-гражданского сознания будут сохраняться разнообразные этнические и религиозные идентичности.

Во-вторых, выход за пределы языка культурных различий, который сам по себе склоняет к их акцентированию и даже абсолютизации, возможен благодаря не его игнорированию или запрету, но существованию «мощной» перекрывающей идентичности, по своей сути надэтнической и надрелигиозной. Такая идентичность не исключает терпимого отношения к различиям, но одновременно как бы оттеняет их, переключая внимания на то, что объединяет, а не разъединяет. Такую роль играла и продолжает играть идентификация с национальным сообществом, и сегодня ей трудно найти замену. Будь то в США, где гражданское патристическое чувство традиционно шло рука об руку с ростом гражданской активности¹, или в странах Латинской Америки, где смешению культур в своеобразную культуру *mixité* во многом способствовал миф об общем «индейском» происхождении наций на континенте². Иными словами, данные модели — и это становится сегодня все яснее — нуждаются не столько в критике, сколько в реабилитации (что, разумеется, не исключает, а напротив — предполагает их приведение в соответствие с новыми реалиями³).

¹ Как отмечал Сэмюэл Хантингтон, это проявлялось в создании малых и массовых, региональных и общенациональных филантропических, скаутских, иммигрантских, рабочих, религиозных и прочих общественных организаций. См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2004.

² См.: Caballero P. L. *Altérités intimes, altérités éloignées: la greffe du multiculturalisme en Amérique latine // Critique internationale*. 2011. N 2 (51). P. 129—149.

³ См., напр.: *Reinventing the Melting Pot: The New Immigrants and What It Means to Be American* / Jacoby T. (ed.). New York: Basic Books, 2004.

ГЛАВА 4. ЕВРОПЕЙСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС: МЕЖДУ ПРОБЛЕМОЙ И РЕШЕНИЕМ

Существуют две крайние точки зрения на проблему мигрантов в современной Европе. Первая состоит в том, что либеральные космополитические элиты «довели Европу до ручки», оставили ее беззащитной перед лицом нового великого переселения народов, грозящего закатом европейской цивилизации. Данный взгляд на проблему распространяется ультраконсервативными и национал-популистскими силами не только в самой Европе, но и за ее пределами — в частности, в российских государственных СМИ¹. Вторая точка зрения, представленная леволиберальным дискурсом, звучит следующим образом: масштабы проблемы в Европе сильно преувеличены, особенно в сравнении с менее благополучными регионами планеты².

Однако проблема действительно есть, только ее истоки лежат вовсе не в ценностях либерализма, а в отходе от них. В политическом отношении нынешний европейский миграционный кризис является одним из самых серьезных испытаний Евросоюза на прочность со времени подписания

---

¹ Характерный пример — интервью на одном из российских государственных телеканалов с депутатом Европарламента Эмериком Шопрадом, входящим в группу «независимых депутатов» (всего их 15 человек) наряду с представителями неонацистских партий, таких как Йоббик («За лучшую Венгрию») и греческая «Золотая заря». В интервью ведущая телеканала и сам Шопрад рассуждают в терминах геополитического противостояния и «столкновения цивилизаций» на просторах Европы. Когда речь заходит о факторе терроризма, эксперт с присущей ему откровенностью заявляет, что Исламское государство специально провоцирует миллионные потоки беженцев из Сирии и Ирака в страны Европы с целью внедрения в их ряды своих агентов — джихадистов. См.: Эмерик Шопрад: кризис с мигрантами в Европе несет в себе террористическую угрозу // Вести.ру. 16.09.2015. (URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2664613#>).

² Иллюстрацию данной точки зрения см. в: *Кэрл К.* Думаете, что в Европе кризис беженцев? Посмотрите получше // ИноСМИ.ру. 02.03.2016. (URL: <http://inosmi.ru/politic/20160302/235607991.html>).

Маастрихтского договора. Кризис мигрантов 2015—2016 годов, значительно превзошедший по своим масштабам всплеск вынужденных миграций вследствие войн и бедствий на территории бывшей Югославии в 1990-е, обнаружил кризис европейских институтов. Более того, проблема миграции для Европы носит долгосрочный характер, и поэтому даже на фоне обострения внутренних противоречий и планируемого выхода Великобритании из ЕС это испытание становится источником и стимулом для перемен. Европейским странам — как вместе, так и по отдельности — в XXI веке придется выработать новые подходы к интеграции мигрантов и управлению разнообразием в целом.

Европа перед вызовом глобальных миграций

Для лучшего понимания масштабов проблемы обратимся для начала к цифрам. По данным Евростата, в 2015 году на территории стран ЕС в общей сложности зарегистрировано более 1 млн 117 тыс. заявлений о предоставлении убежища¹. Это почти в два раза больше, чем в 2014-м (тогда об убежище попросили свыше 627 тыс. человек), и почти в три раза больше, чем в 2013-м (около 432 тыс.). В абсолютных значениях больше всего беженцев приняла Германия: в 2015 году здесь зарегистрировано свыше 476 тыс. прошений о предоставлении убежища, годом ранее — почти 203 тыс.² На конец 2016 года количество зарегистрированных в этой стране просителей убежища превысило цифру в 1 млн человек. Разумеется, в этих данных не учитываются беженцы, нелегально попадающие в Европу, а также мигранты, прибывающие в поисках работы.

Греция и Италия приняли удар на границе ЕС и одновременно Шенгенской зоны³. Именно в Грецию устремился ос-

¹ См.: Asylum and First Time Asylum Applicants // Eurostat. (URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tps00191&language=en>).

² Ibid.

³ См.: Migrant Crisis: Migration to Europe Explained in Seven Charts // BBC. 04.03.2016. (URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34131911>).

новый поток беженцев из стран Ближнего Востока, главным образом из Сирии, Ирака и Афганистана. К берегам Италии, в свою очередь, направляются беженцы из бедных и обьятых конфликтами стран Африки (Ливия, Нигерия, Эритрея). И там и там не хватает ни организационных возможностей, ни инфраструктуры и средств для временного размещения постоянно прибывающих людей. Напряженная ситуация сложилась и в Венгрии, где в 2015 году было зарегистрировано самое большое число просителей убежища на 100 тыс. жителей — почти 1800¹.

Когда же настало время распределять ответственность, появились трения. Неравномерная нагрузка вызвала к жизни национально-государственный эгоизм отдельных европейских стран. Венгерские власти поспешно ввели контроль на границе, а руководство Великобритании, не входящей в Шенгенскую зону, отказалось пускать на свою территорию беженцев, ожидающих переправы через Ламанш во Франции. В попытке найти общее решение проблемы, в марте 2016 года европейские власти заключили договор с Турцией о распределении беженцев. Между тем о подобном механизме внутри самого Евросоюза речи (пока) не идет: властям государств-членов удалось договориться только о квотах на размещение беженцев из Греции и Италии², но не о схеме размещения людей из общего миграционного потока. Тем не менее такие попытки предпринимаются³. Пока же промедление

¹ См.: Migrant Crisis: Migration to Europe Explained in Seven Charts.

² При этом наибольшее число беженцев согласились принять Германия (свыше 25 тыс. человек) и Франция (почти 20 тыс.), тогда как страны Центральной и Восточной Европы, за исключением Польши (6 тыс.), согласились на квоты, не превышающие 4 тыс. человек.

³ Примером может служить дорожная карта по решению кризиса беженцев, представленная фракцией «Альянс либералов и демократов за Европу» в Европарламенте в начале 2016 года (Roadmap to Get a Grip on the Refugee Crisis // Apply.eu. 02.02.2016. URL: <https://www.apply.eu/Docs/ALDERoadmapRefugeeCrisis-2feb2016.pdf>). Среди предложенных мер значатся следующие: создание общеевропейских сил быстрого реагирования по делам беженцев (European Rapid Refugee Emergency Force), преобразование агентства ЕС по безопасности внешних границ (Frontex) в полноценную службу охраны береговых и наземных границ (European Coast and Border Guard), разработка единой процедуры предоставления убежища для всех

и нерешительность могут дорого обойтись проекту европейской интеграции, ведь существует своеобразный парадокс, который заключается в следующем: чем слабее Европа как коллективный актор, тем больше оснований у так называемых евроскептиков (внутри ЕС и за его пределами) говорить о том, что единая Европа — это иллюзорный проект, обман, навязываемый элитами жителям европейских стран.

Нынешний миграционный кризис в Европе показал не только слабость координации на общеевропейском уровне, но и зависимость стран континента от глобальных процессов, будь то мировое экономическое неравенство или социально-политические катаклизмы на Ближнем Востоке и в Африке. То, что происходит за пределами географической Европы, меняет ее экономически, политически, но также (и притом во все большей мере) в этнокультурном и социально-демографическом отношении. Статистико-демографические исследования позволяют сделать некоторые выводы о том, как в будущем будут меняться численность и состав населения стран современного Евросоюза. Согласно оценкам Евростата, население 28 стран ЕС (включая Великобританию) в 2015 году составило чуть более 508 млн человек, к 2040 году оно превысит 523,5 млн человек и затем стабилизируется примерно на этой отметке (2050 год — 525,5 млн, 2060 год — 523 млн)¹. В то же время мировое население — главным образом за счет стран бывшего третьего мира — будет расти куда более уверенными темпами. Увеличившись за прошлое столетие в четыре раза, к середине XXI века население Земли составит примерно 9,6 млрд человек (против 7,2 млрд в 2013 году), а к 2100 году цифра приблизится к 11 млрд человек². Лишь тогда демографы ожидают стабилизацию численности мировой популяции в связи со сменой демографического режима: глобальной

стран — членов ЕС вместо Дублинского акта и различных национальных процедур, а также выработка понятной схемы справедливого распределения просителей убежища между странами Евросоюза.

¹ См.: Population Projections // Eurostat. (URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00002&plugin=1>).

² См.: *Щербакова Е.* Рост населения мира продолжается // Демоскоп Weekly. 2013. № 561—562. (URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0561/barom02.hp>).

урбанизацией, распространением достижений цивилизации в области борьбы со смертностью (в том числе детской), продления жизни и ее содержательного наполнения (расширение пространства выбора деятельности, досуга и т.д.). Так или иначе, доля европейцев, как и жителей всех развитых стран, в мировом населении будет уменьшаться.

Специальное исследование Евростата, нацеленное на прогнозирование процессов изменения состава населения европейских стран до 2060 года (*Convergence 2008—2060*), показывает, что медианный возраст европейца с 40,4 лет в 2008 году через полвека вырастет до 47,9 лет, а в ряде стран, включая Германию, Италию и Польшу, превысит 50 лет¹. Наряду со старением неизбежные изменения коснутся и этнокультурного состава европейского населения. В основе этих изменений будут лежать главным образом настоящие и будущие процессы миграции, поскольку многие европейские страны будут нуждаться в притоке молодых людей из других частей света. По прогнозам, к 2061 году доля людей иностранного (неевропейского) происхождения в составе населения стран нынешнего Евросоюза составит от 26,5 до 34,6% (при показателях для 2011 года — 10,4 и 14,8%)². Иными словами, от четверти до трети европейцев — в зависимости от статистической модели — будут рождены за пределами европейского континента или на территории современного ЕС от родителей-мигрантов. При этом доля выходцев из недавней иммиграции будет расти наивысшими темпами среди наиболее молодых, а значит и социально активных поколений: в возрастной категории 0—14 лет их доля составит к 2061 году до 42,8%,

¹ См.: Median Age of the Total Population for the EU Member States, Norway and Switzerland — 2008, 2060 // Eurostat (URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Median_age_of_the_total_population_for_the_EU_Member_States,_Norway_and_Switzerland_-_2008,_2060.PNG). Данные расчеты произведены для 27 стран ЕС на 1 июля 2013 года, до вхождения Хорватии в состав Евросоюза и до решения Соединенного Королевства его покинуть.

² См.: *Lanzieri G.* Fewer, Older and Multicultural? Projections of the EU Populations by Foreign/National Background // Eurostat, European Commission, Methodologies and Working Papers. 2011. (URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3888793/5850217/KS-RA-11-019-EN.PDF>).

а в категории 15—39 лет — до 39,9%. Однако изменение этнокультурного состава населения коснется Европы неравномерно: средиземноморские страны и страны Западной и Северной Европы увидят относительно резкое и существенное увеличение доли населения иностранного происхождения, тогда как страны Центральной Европы и Балтии испытают наименьшее влияние данного фактора. Так, если в Бельгии к 2061 году значения для указанных выше возрастных категорий могут вырасти до 65,6 и 56,5% соответственно, в Германии — до 58 и 53,7%, в Италии — до 55,5 и 48,2%, то в Польше они едва ли достигнут 9,5 и 8,8%, а в Латвии — 12 и 11,2%.

Разумеется, эти данные носят гипотетический характер и основываются на методологии, ориентированной на наиболее полный учет миграционной составляющей в моделируемой демографической ситуации. Однако они с уверенностью позволяют констатировать: «Растущее разнообразие европейского населения может рассматриваться как один из важнейших социально-демографических вызовов нынешнего столетия»¹.

Этот вызов осложняется целым рядом обстоятельств. Одни из них носят общеевропейский характер, например трудности европейской интеграции и нехватка кооперации государств в принятии совместных мер. Другие связаны с трудностями и противоречиями модернизации развивающихся стран (разрыв с традиционной деревенской жизнью и появление городских трущоб, секуляризация, конфликт поколений, трансформация брачных отношений, дискуссии по поводу социального положения и прав женщин и др.)², которые через каналы миграции становятся частью пейзажа принимающих обществ. Но в еще большей мере этот вызов осложнен тем, что у европейских политиков отсутствуют адекватные стратегические модели интеграции этнически и культурно разнообразного населения — как на сегодняшний день, так и на будущее. Нет и понимания того, в какой мере эти проблемы разрушают базовые европейские принципы.

¹ *Lanzieri G.* Fewer, Older and Multicultural? P. 24.

² См.: *Вишневский А. Г.* Демография и традиция // Демоскоп Weekly. 2011. № 473—474. (URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0473/tema03.php>).

Иллюзия «интеграции мигрантов»

Разговоры об интеграции иммигрантов в европейском социально-политическом дискурсе чаще всего страдают от двух, казалось бы, противоположных недостатков. С одной стороны, они зачастую слишком абстрактны, чтобы принимать в расчет реальные процессы, протекающие в обществе. С другой стороны, напротив, под маркой обеспечения «интеграции мигрантов» постоянно предлагаются и вводятся все новые меры государственной политики. В итоге на практике складывается довольно парадоксальная ситуация.

Как отмечает французский демограф Мишель Трибала, «страны — члены ЕС сообща избрали модель интеграции [иммигрантов], которая сводится к обеспечению разнообразия и имеет одну-единственную цель, притом морального свойства: содействовать толерантности и [взаимному] уважению»¹. В доминирующем политкорректном дискурсе — будь то риторика мультикультурализма или пришедшая ей на смену идея обеспечения «межкультурного диалога» и «интеркультурализма» — в центре внимания находится уважение культурных различий². Однако из такой морально ориентированной концепции невозможно вывести какие-либо основания для долгосрочной миграционной политики, поскольку она «депроблематизирует» реальность, тем самым искажая ее. В действительности же культурные различия и дистанция между разными культурами имеют значение,

¹ *Tribalat M. Assimilation: la fin du modèle français. Paris: Toucan, 2013. P. 16—17.*

² Уилл Кимлика полагает, что данная смена риторической конструкции представляет собой тактический ход европейских элит с целью сохранить позитивный дискурс в отношении культурного разнообразия, избегая существенных изменений на практике. Признавая позитивный потенциал обновленной риторики в противостоянии растущему национал-популизму, Кимлика опасается, что отказ от дискурса мультикультурализма даст крайне правым повод обвинить европейские элиты в моральном релятивизме. Более того, слабость риторики интеркультурализма, по его мнению, заключается в аполитичном отношении к проблемам меньшинств и в игнорировании национального уровня в пользу разработки политики на уровне городов и локальных сообществ. См.: *Kymlicka W. Defending Diversity in an Era of Populism...*

и их необходимо принимать в расчет. Так, культура значительной части мигрантов из стран Африки и Азии отличается куда большей «традиционностью» в сравнении с жителями секулярных и индивидуалистических европейских обществ¹. Вместе с тем в среде выходцев из иммиграции, в особенности представителей мусульманской культуры, сильны процессы десекуляризации и этнической эндогамии².

В то же время на уровне европейских стран дискурс об интеграции часто сводится к разработке очередного пакета государственных мер. В зависимости от текущей конъюнктуры политики предлагают то пересмотреть старые правила въезда и пребывания мигрантов в стране, то ввести новые нормы, нацеленные на интеграцию (вроде курсов по изучению языка страны пребывания), то усилить административный и полицейский контроль над передвижением иностранцев³. Однако такой подход, в свою очередь, смещает фокус внимания с интеграции как сложного социального процесса на интеграцию как совокупность административных мер. Между тем исследователи давно подметили, что «интеграция мигрантов представляет собой *непреднамеренный результат их действий*»⁴, а социализация и аккультурация мигрантов есть функция общества, а не государства.

Без возврата обществу его центральной функции саморегуляции в вопросах адаптации мигрантов к местным нормам, законам и образцам поведения едва ли эта проблема, особенно в долгосрочной перспективе, может быть решена. Однако это не означает, что государство должно отстраниться от ее решения; напротив, оно должно перераспределять усилия и ресурсы на то, что действительно нуждается в поддерж-

¹ См.: Вишневецкий А. Г. Демография и традиция.

² См.: Tribalat M. Assimilation: la fin du modèle français. P. 135—150, 163—176.

³ С 1990-х — начала 2000-х годов, особенно после атак 9 сентября 2001 года в США и ряда террористических актов в Лондоне, Мадриде и других европейских городах, в странах Западной Европы наблюдается разворот общественно-политических дебатов в сторону большего внимания к «укреплению единства» и введения разного рода интеграционных программ. См.: Interculturalism: Europe and Its Muslims in Search of Sound Societal Models / Emerson M. (ed.). Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011.

⁴ Малахов В. С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. С. 47.

ке. В европейских странах этническое и культурное разнообразие, происходящее из преимущественно неевропейской миграции, не нуждается в государственной защите; в ней нуждается гражданская консолидация. Представление о возможности интеграции мигрантов в дезинтегрированное принимающее сообщество, в котором гражданские формы взаимодействия ослабевают и/или уступают место консолидации на основе кровнородственных, религиозных или этнических связей, является иллюзией: низкий уровень доверия к другим людям и институтам внутри принимающего сообщества препятствует тому, чтобы иммигранты сумели найти свое место в нем¹. Гражданские институты в обществах Европы (впрочем, как и в России в силу исторических особенностей ее развития в XX веке²) играют тем более существенную роль, что механизмы социального контроля — в форме обычаев и традиций, родственных отношений, приходских (церковных) связей — в настоящее время практически утратили свою силу, особенно в городской среде, где и концентрируются мигранты.

То, что исследователи иногда обозначают как «провал мультикультурализма» в европейских обществах, отражает тенденцию раскола общества на отдельные сообщества, основанные на более древних и более устойчивых формах консолидации, чем гражданское взаимодействие³. Образование общин и их поддержка со стороны властей, естественная концентрация мигрантов того или иного происхождения в городском пространстве приводят к сегрегации групп, порождая своего рода гетто на добровольной основе. Как только возникает замкнутость одних, тут же растет подозрительность других: у мигрантов и их детей появляется чувство отчуждения («люди и граждане второго сорта»), а в среде местного населения растет недоверие и развиваются ксенофобные

¹ См.: Putnam R. D. *E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-first Century* // *Scandinavian Political Studies*. 2007. Vol. 30, N 2. P. 137—174.

² См. подробнее главу 5.

³ См.: Malik K. *The Failure of Multiculturalism: Community versus Society in Europe* (URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/2015-03-01/failure-multiculturalism>).

настроения. Совместное действие этих сил оказывает разрушительное воздействие на все локальное сообщество и вызывает эрозию общественных институтов. Принимающее большинство либо социализирует, адаптирует меньшинства, либо само превращается в меньшинство и вытесняется. Так было, например, в нью-йоркском районе Гарлем: с 1631 по 1904 год это было сугубо европейское поселение. В начале XX века там стало быстро увеличиваться афроамериканское население, а все остальные начали оттуда съезжать. В итоге к началу 1930-х годов район оказался практически монорасовым. (Правда в конце XX века, в результате процессов джентрификации, доля афроамериканского населения начала постепенно уменьшаться.) В начале нынешнего столетия в Гарлем превратился Внутренний Лондон (Inner London), где с 2011 года британцы стали меньшинством в собственной столице. Поразительную вещь описывает Пол Коллиер: мигранты убегают из стран с плохими социальными, экономическими институтами и приезжают в страну, которая их приняла, после чего насаждают свои дисфункциональные институты, ровно те же, что заставили их уехать¹.

Тот же процесс наблюдался в пригородах (*banlieues*) крупнейших городов Франции. В 1970-е годы там была запущена масштабная государственная программа по строительству социального жилья, дотируемого из бюджета и распределяемого местными властями на основании критерия низких доходов семьи. Поначалу эта программа помогла миллионам семей во Франции переселиться из неудобных квартир в старых зданиях Парижа, Марселя и Лиона в новые апартаменты в городах-спутниках. Социальное жилье стали получать и семьи мигрантов, которые — как и в любом обществе — начинают с «низкой базы», с низа социальной пирамиды по уровню доходов, социальному статусу и т.д. На фоне роста безработицы многие мигранты и их семьи, не имевшие значительных сбережений, вскоре оказались «запертыми» в застроенных дешевым социальным жильем пригородах, а местное французское

---

¹ См.: *Collier P. Exodus: Immigration and Multiculturalism in the 21st Century.* P. 101 ff.

население стало массово переселяться из них. В этих районах со слабо развитой инфраструктурой постепенно возникла мещковость, появилась особая идентичность — «молодежь из пригородов». Многие их жители практически не покидают своих кварталов, за исключением дороги на работу и обратно (если есть работа). В итоге они оказываются отделены от обитателей других кварталов социально-культурной дистанцией: для них это другой, чужой мир¹. «Закупоренность» пригородных районов привела к усилению девиантного поведения среди их населения (высокий уровень насилия и в особенности наркоторговля, в которую вовлекаются безработные молодые люди²); как следствие, растет полицейский контроль. Это, в свою очередь, только способствует дальнейшему обострению ситуации, криминализации населения и создает условия для городских конфликтов. По типу той «взлотекущей войны между полицией и молодежью неблагополучных районов, <...> которая время от времени приводит к вспышкам массового насилия и городским бунтам (вроде тех, что происходили во Франции осенью 2005 года)»³.

Несмотря на то что во многих европейских странах доходы беднейших слоев населения растут быстрее, чем доходы самых богатых групп, одновременно происходит процесс пространственной локализация бедности. Как только вы производите бедное жилье, вы притягиваете бедность — состоятельные из этого района уходят. Это работает как в отдельных домах, так и на квартальном уровне, порождая не просто гетто, а культурно-специфические гетто, «гремучую смесь». В таких

¹ См.: *Sauvadet T.* «Jeunes de la cité» et contrôle du territoire: le cas d'une cité de la banlieue parisienne // *Hérodote*. 2004. N 2 (113). P. 113—133.

² См.: *Idem.* Jeunes de rue et trafic de stupés // *Agora débats/jeunesses*. 2008. N 2 (48). P. 90—101.

³ *Осинов А. Г.* Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать? С. 25. По такому же сценарию — противостояние «парней с окраин» и полиции, часто прибегающей к тотальному контролю населения «трудных районов» по этнорасовому критерию, — регулярно вспыхивают так называемые расовые беспорядки (*racial riots*) в других странах Европы и за ее пределами. Из последних примеров — волнения в американских городах Фергюсон (штат Миссури) в 2014—2015 годах и Балтимор (штат Мэриленд) в 2015-м.

кварталах складываются наиболее благоприятные условия для формирования политического радикализма, который проявляется в разных формах. Неслучайно именно здесь образуются сети исламского терроризма, наиболее яркими примерами в этом отношении являются Моленбек, коммуна в Брюссельском столичном регионе, и парижский пригород Сен-Дени¹. (Интересно, что население в обоих районах стало преимущественно исламским сравнительно недавно.) Подобные религиозные анклавы также становятся рассадниками антисемитизма, который вновь стал частью жизни европейских обществ². В этом отношении весьма символично выглядит вооруженная охрана синагог и еврейских школ во Франции, стране с самой большой еврейской общиной в Европе.

Идеологическая перезагрузка

На фоне обострения проблем, связанных с ростом культурного разнообразия и адаптацией мигрантов в принимающих их странах, европейским элитам и населению, очевидно, придется столкнуться с переосмыслением тех принципов, которые долгое время считались конвенциональными.

¹ См.: Паин Э. А. Терроризм в эпоху идейной засухи // Новая газета. 29.03.2016. (URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/03/30/67995-terrorizm-v-epohu-ideynoy-zasuhi>).

² Многие исследователи в этой связи говорят о «новом антисемитизме», или «третьей волне антисемитизма», в основе которой лежит не столько религиозная или расовая ненависть к евреям (хотя таковая по-прежнему распространена в крайне правых кругах, в особенности в таких странах, как Венгрия и Греция), сколько ненависть идеологическая. Последняя проявляется главным образом в отождествлении евреев с существованием и политикой государства Израиль, в центр которой ставится палестино-израильский конфликт. Так, исследователи отмечают наличие связи между всплеском антисемитизма в конце XX — начале XXI века среди мусульмано-арабского населения стран Европы и очередными горячими фазами этого конфликта, давно ставшего полем для идеологических баталий. См.: Lewis B. The New Anti-Semitism // The American Scholar. Winter 2006. Vol. 75, N 1. P. 25—36; La Tentation antisémite: Haine des juifs dans la France d'aujourd'hui / Wiewiorka M. (éd.). Paris: Robert Laffont, 2005; Judah B. Islam and the French Republic // Standpoint. July — August 2016. (URL: <http://www.standpointmag.co.uk/node/6568/full>).

Во-первых, речь идет о *возврате к «большим нарративам», к идее национально-гражданской консолидации*. Представления о конце «национального мира» и, шире, о возможности отказаться от консолидирующей идеологии не выдерживают столкновения с реальностью в XXI столетии. Как оказалось, спрос на идеи, особенно в среде молодежи, огромен, их нельзя «вытравить», так же как нельзя уничтожить мифологическое сознание. В условиях идейного кризиса возрастает спрос на радикализм разного толка — несколько десятилетий назад это были радикальные левые движения, сегодня на смену им пришли движения и идеологии неотрадиционалистского и квазирелигиозного толка. По подсчетам французского специалиста по исламу Оливье Руа, маленькая «Бельгия поставляет Исламскому государству в сто раз больше бойцов, чем Египет, относительно количества проживающих в этих странах мусульман»¹. И это не в последнюю очередь связано с тем, что в самой Бельгии ослаблены институты гражданского взаимодействия и социального контроля и падает идентификация со своей страной, нацией: если человек не относит себя к одной общности, то находит другую. Практика в ряде стран Европы доказала правильность закона о третьем поколении мигрантов, сформулированного Маркусом Ли Хансеном еще в конце 1930-х годов. Исследуя интеграцию мигрантов в американском «плавильном котле», он утверждал, что если первое поколение иммигрантов стремится забыть свое происхождение и быть «бóльшими янки, чем сами янки», то дети и внуки мигрантов пытаются вспомнить то, что их отцы и деды старались забыть. Здесь и появляется миф о великой прародине, которой потомки никогда не видели (и которой никогда не было), в то время как о родине настоящей они знают из собственного опыта, далеко не всегда связанного с историей личного и семейного успеха.

Во-вторых, кажется неизбежным радикальное *переосмысление социальной модели*, разработанной и воплощенной в большинстве европейских стран после Второй мировой

---

¹ Руа О. Страх перед несуществующим сообществом // Открытая Россия. 11.01.2015. (URL: <https://openrussia.org/post/view/2010>).

войны. Изучение негативных последствий слишком высокого уровня перераспределения и социального обеспечения в богатых странах глобального Севера началось сравнительно недавно, особенно в связи с формированием замкнутых и локальных сообществ. Люди, отрезанные от рынка труда и живущие главным образом за счет социальных пособий, теряют стимулы к усвоению языка страны пребывания, ее законов и ценностей, а возрастающая роль локальных общин в среде выходцев из иммиграции стимулирует развитие групповой идентичности, подавляя индивидуальную, и консервирует (а иногда возрождает) традиционно-общинные отношения. Возникает роль бигмена, который концентрирует огромные деньги и власть над членами этой группы, вплоть до решения о том, как они будут голосовать на выборах.

Роль государственного патернализма в формировании данных тенденций трудно переоценить. В этом отношении интересно сравнить ситуацию в США с ситуацией в странах Западной Европы. Тогда как «в США вопросы интеграции нового населения, в общем-то, отданы на откуп рынку и неправительственным организациям», «в Европе огромные деньги тратятся на различные программы интеграции». Однако если посмотреть на объективные критерии интегрированности мигрантов, такие как «владение языком [страны пребывания], уровень доходов, отсутствие жилищной сегрегации», то оказывается, что «очень часто в Штатах ситуация выглядит значительно лучше, чем в Европе»¹. Имея в виду глобальные тенденции и долгосрочный характер миграционного вызова для большинства европейских стран, в разработке новых подходов к миграционной политике и адаптации инокультурных мигрантов им потребуется гораздо более сложный учет экономических, демографических и социальных последствий миграции, нежели тот, что существует сегодня.

Наконец, в-третьих, европейские страны — среди иных обществ, принимающих мигрантов из других регионов

---

¹ Малахов В. С. Пересечение границ: как протекает интеграция мигрантов в России // Фонд «Либеральная Миссия». 02.06.2015. (URL: <http://www.liberal.ru/articles/6766>).

мира, — должны будут решить уже поставленный реальностью и проиллюстрированный последним миграционным кризисом *вопрос о разграничении между правами человека и правами гражданина*. Действительно, принцип равенства всех перед законом и концепция прав человека являются безусловными достижениями современной Европы и лежат в основе либерально-демократической политической системы. Вместе с тем этот принцип сам по себе не означает равного доступа к пользованию правами (и несению обязанностей), связанных со статусом гражданина. Иными словами, существует противоречие между «внутренней инклюзивностью» и «внешней эксклюзивностью» гражданства¹.

Возможное решение данного философского противоречия, имеющего вполне практические последствия, по мнению Владислава Иноземцева, может состоять в возврате к изначальному определению прав человека как негативного права². Иначе говоря, речь идет о том, чтобы позволить потенциальным мигрантам более свободно передвигаться, в том числе для спасения своей жизни, получать доступ к рынку труда и институтам социальной адаптации, но не претендовать на получение эксклюзивных прав местных граждан, как то: право голоса, распределение средств в виде пособий и социальной помощи или право требовать создания особых условия для защиты своей культуры. Выработка и формализация понятных механизмов, позволяющих провести четкое разграничение между правами человека и правами гражданина, позволили бы снять многие противоречия и страхи, порождаемые логикой функционирования социального государства в странах современной Европы.

---

¹ См.: *Joppke Ch.* Multicultural Citizenship // Handbook of Citizenship Studies / E. F. Isin and B. S. Turner (eds.). London: Sage, 2003. P. 246.

² См.: *Иноземцев В. Л.* Рабочие и люди // Газета.ру. 17.07.2015. (URL: http://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/7635305.shtml).

ГЛАВА 5. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В странах Запада культурное разнообразие и управление им на протяжении вот уже нескольких десятилетий является объектом всестороннего изучения со стороны исследователей в социальных науках. Ученые нередко помогают административным работникам в разработке программ социальной интеграции на государственном и местном уровнях, в принятии мер по борьбе с дискриминацией по этническому, религиозному и гендерному принципам, в организации приема мигрантов, в проведении культурных мероприятий. Политики в этих странах вынуждены принимать во внимание изменение восприятия разнообразия и меняющуюся этнокультурную реальность своих обществ. Сегодня даже такие одиозные персонажи, как Марин Ле Пен, не выступают против разнообразия как такового. Более того, лидер французского Национального фронта (напомним, наиболее крупной национал-популистской партии в Европе, громкогласно бросающей вызов проекту европейской интеграции и лично ее главной заступнице — канцлеру ФРГ Ангеле Меркель¹) публично отрицает исламофобный характер своего движения. Выступая с жесткой антииммигрантской риторикой и требованиями борьбы с исламским терроризмом, мадам Ле Пен вынуждена признавать, что исламисты не имеют отношения к добропорядочным мусульманам Франции, которые являются такой же частью французской гражданской нации, как и все остальные².

Ситуация в современной России сильно отличается от ситуации в странах Европы, Северной и Южной Америки. Очевидно, это касается сферы законодательства и право-

---

¹ См.: *Nougayrède N.* Angela Merkel and Marine Le Pen: One of Them Will Shape Europe's Future // The Guardian. 02.09.2016. (URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/sep/02/angela-merkel-marine-le-pen-europe-destiny>).

² В этом состоит существенное отличие Ле Пен, например, от лидера нидерландской Партии свободы Герта Вилдерса.

применения, административно-территориального деления, образования, а также уровня и форм этнической и расовой нетерпимости, бытового расизма и ксенофобии¹. Однако различия проявляются и на уровне того, что канадский социолог Жерар Бушар назвал парадигмами восприятия и анализа этнокультурного разнообразия. Такие парадигмы структурируют процесс воображения политического сообщества — нации, а также определяют ценностные ориентиры и задают общую рамку публичного отношения к культурному разнообразию². Иными словами, когда мы говорим о парадигме той или иной страны, речь идет о том, при помощи каких концептуальных и аналитических инструментов ученые, политики и администраторы воспринимают культурное разнообразие; о том, как они представляют себе сочленение культурных различий с национальной идентичностью. В основе российской парадигмы лежит концепция «национальной политики», доминирующая как в официальном дискурсе власти, так и в академической среде. В этой главе мы подвергнем ее критическому анализу.

Перед тем как приступить к нему, важно сделать одно общее замечание. Дело в том, что проблематичным представляется само словосочетание «национальная политика» и скрывающийся за ним смысловой шлейф (кстати говоря, не всегда контролируемый употребляющими данный термин субъектами). Унаследованная из советского прошлого, точнее от советской модели репрезентации разнообразия и советской школы этнографии, эта концепция получила развитие в постсоветскую эпоху и нашла отражение в Стратегии

---

¹ Хотя трудно сравнивать разные страны по степени распространенности ксенофобных настроений, применительно к России приходится признать, что их уровень стабильно высок и проявляется прежде всего в виде этнических фобий. Так, по данным «Левада-Центра», всего лишь около четверти россиян убеждены в том, что «не следует вводить ограничения на проживание на территории РФ представителей какой-либо национальности». См.: Ксенофобные и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002—2015 гг. // Левада-Центр. 25.08.2015. (URL: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm>).

² См.: *Bouchard G. What Is Interculturalism?* // *McGill Law Journal*. 2011. Vol. 56, N 2. P. 441—444.

государственной национальной политики РФ на период до 2025 года¹, пришедшей на смену Концепции государственной национальной политики РФ 1996 года². В новой Стратегии впервые в качестве приоритетной была определена задача формирования в России «гражданской нации», которую мы приветствуем и оцениваем как весьма перспективную. Однако на практике заметны процессы, идущие в противоположном от поставленной цели направлении. Негативное влияние на реализацию Стратегии оказывают присущие ей изначально *эклектичность, тематическая ограниченность подхода и глубокие теоретические противоречия.*

(Нео)советская концепция

В соответствии с советской традицией в российском политическом дискурсе о разнообразии и в тексте Стратегии нацполитики воспроизводится неадекватная современным научным теориям и представлениям трактовка понятия «нация». «Нация» по-прежнему отождествляется главным образом с «этносом», а все производные от этого понятия термины («национальные культуры», «национальные языки», «(меж)национальные отношения» и проч.) отсылают к феномену этничности. Даже понятие «российская нация», многократно встречающееся в официальном документе 2012 года, всякий раз дублируется советским термином, вписанным в преамбулу российской Конституции, — «многонациональный народ» России. В остальном же этот дубляж никак не отражается на употреблении слов, содержащих корень «нация»: «многонациональность» и «межнациональные отношения» используются в качестве синонимов «полиэтничности» и «межэтнических отношений» (раздел II, в частности п. 9 Стратегии

¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666. Текст документа см.: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf.

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909. Текст документа см.: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/>.

национальной политики). Из контекста всякий раз становится понятно, что для авторов документа термины «нация», «этнос», «национальность» и «народ» означают примерно одно и то же.

Таким образом, в новой Стратегии этносы-нации рассматриваются как *фактически единственный объект* соответствующей государственной политики. В этом плане то, что в России по-прежнему называют политикой «национальной», следовало бы именовать «этнополитикой»¹. Тем более что этносы определяются с позиций логики группизма, то есть тенденции «рассматривать дискретные, ограниченные группы как базовые составляющие социальной жизни, как главных действующих лиц социальных конфликтов и как основные единицы социального анализа»². Этнические общности подспудно «овеществляются», наделяются групповой сущностью и неизменным набором характеристик, таких как самоназвание, традиционная культура, язык, историческая территория и др.

Интересно, что товарищ Сталин в своей статье 1913 года «Марксизм и национальный вопрос»³ именно так и определял «нации», и это понимание феномена этничности/национальности стало доминирующим в советское время. Как известно, данная логика подразумевала существование коллективной ответственности этносов — признанных, институционализированных и иерархически ранжированных Советским государством — за действия своих представителей. Переселения народов, депортации и государственный антисемитизм были наиболее яркими ее иллюстрациями.

¹ Наиболее распространенный перевод термина «национальная политика» на английский язык — «политика национальностей» (nationalities policy) или «этническая политика» (ethnic policy) — по смыслу куда точнее, чем оригинальное название на русском. Так или иначе, термины «этнополитика» и «национальная политика» несут на себе отпечаток идейного наследия прежней антропологической парадигмы, наделявшей этносы и расы неким субстанциональным (то есть практически неизменным, инвариантным) содержанием и рассматривавшей их в качестве основного предмета своего изучения.

² Брубейкер Р. Этничность без групп // Он же. Этничность без групп. С. 23.

³ См.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государств. изд-во политич. лит-ры, 1946. С. 290—367.

К сожалению, данный подход воспроизводится и в современной России. И хотя о насильственных миграциях речь уже не идет, господство этой этноцентричной оптики способствует искаженному восприятию социальной реальности¹. «Межэтнические конфликты», например, в подавляющем большинстве случаев интерпретируются как конфликты между этносами, а не конкретными акторами, прибегающими к политизации идентичностей (кстати, далеко не только этнических) в определенном социальном контексте. Например, Игорь Баринов, руководитель Федерального агентства по делам национальностей (создано в 2015 году), комментируя городские столкновения в карельской Кондопоге и ряд подобных случаев в других городах страны, говорит о «волнениях на национальной почве». Бороться с этими явлениями предлагается при помощи «системы мониторинга и прогнозирования межнациональных и межконфессиональных отношений», призванной «отследить очаги конфликта, определить зачинщиков и вовремя остановить распространение националистических призывов в Сети»².

Нетрудно заметить, что такой концептуальный подход задает довольно узкий взгляд на культурное разнообразие. Если вновь обратиться к тексту Стратегии, легко заметить, что термин «многообразие» употребляется исключительно в контексте защиты этнических культур (п. 17) и их характеристик («многообразие региональных и этнокультурных укладов жизни населения», п. 21 «г»; «языковое многообразие», п. 21 «е» и «ж»), без упоминания иных культурных различий, например религиозных и локально-культурных, а также различий между мигрантами и принимающим сообществом. Разнообразие, в том числе в контексте равенства и защиты

¹ Роджерс Брубейкер в этой связи пишет о «группизме здравого смысла» — обыденном восприятии социальной реальности, который превращает категории этнополитической практики в категории социального анализа. См.: Брубейкер Р. Этничность без групп // Он же. Этничность без групп. С. 27.

² Игорь Баринов: «Национальная политика требует системного подхода и управления» // Дом дружбы народов. 18.09.2016. (URL: <http://www.samddn.ru/novosti/novosti/igor-barinov-natsionalnaya-politika-trebuetsistemnogo-podkhoda-i-upravleniya/?type=pda>).

прав, на индивидуальном, а не групповом уровне, попросту игнорируется. Так, среди «основных вопросов» национальной политики, которые она призвана решать¹, выделяются следующие: «сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности», «обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств»², предотвращение межэтнических конфликтов в проблемных регионах («обеспечение прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе», п. 5 Стратегии национальной политики). Более того, «этнизация» дискурсов о культурных различиях так же отчетливо проявляется в законодательстве о национально-культурных автономиях (НКА), в частности в Федеральном законе об НКА 1996 года и поправках к нему, принятых несколько лет спустя³.

Наряду с этим с 1990-х годов произошло заметное *сужение предметного поля национальной политики*. Вопрос

¹ В программном документе по национальной политике России имеет место постоянная реитерация одних и тех же положений: декларируемые цели политики подробно пересказываются под видом ее «основных принципов», которые дублируются — при помощи перефразирования и конкретизации — «приоритетными направлениями». Последние, в свою очередь, в деталях пересказываются в качестве «задач» настоящей политики. В отсутствие широкого общественного обсуждения Стратегии неудивительно, что не было высказано существенных возражений не только по содержанию, но и по форме документа.

² Определение понятия «национальное меньшинство» в Стратегии национальной политики, равно как и в российском законодательстве, отсутствует. Очевидно, данное понятие нетождественно термину «коренные малочисленные народы», но вместе с тем оно не употребляется в отношении мигрантов, прибывающих в Россию на постоянное место жительства. Скорее оно используется как политкорректный эвфемизм для обозначения «нерусских народов». Так или иначе, употребление термина «национальные меньшинства» симптоматично, поскольку выполняет двойную символическую функцию: он является и данью уважения международным документам о защите прав меньшинств, и инструментом приписывания носителям определенных идентичностей свойств устойчивых этнических групп. См. подробнее: *Малахов В. С., Осипов А. Г.* Категория «этническое меньшинство» в российском публичном и законодательном дискурсах // Мир России. 2008. № 3. С. 67—91.

³ См.: *Осипов А. Г.* Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»? // Мир России. 2008. № 1. С. 111—116.

о федерализме, ключевой для национальной политики 1990-х, почти не представлен в новой Стратегии. В ней совершенно отсутствует такой особый объект управления, как города и городские агломерации. Более того, Стратегия не увязана с другими гуманитарными блоками внутренней политики государства (миграционным, культурным, образовательным и др.). Экономический блок национальной политики фактически не разработан, а проблемы неравенства между регионами и антидискриминационная повестка (в частности, задача противодействия дискриминации по принципу происхождения и культурной самоидентификации граждан) и вовсе оставлены без внимания. Это позволяет заключить, что этнизация политического дискурса о разнообразии в современной России отодвигает на второй план или попросту блокирует постановку и решение проблем, связанных с защитой прав граждан. В целом вопросы функционирования (и дисфункции) правовых и политических институтов исчезают из поля зрения. Таким образом, истолкование социальных проблем в терминах этнической культуры деполитизирует повестку борьбы с дискриминацией и обеспечения равенства людей перед законом вне зависимости от происхождения или самоидентификации посредством декларативной защиты их этнокультурного статуса (например, в рамках НКА¹). Наблюдаемые в России с начала 2000-х годов деградация федерализма², рост авторитарных тенденций в политике и ограничение пространства для свободной дискуссии по наиболее острым вопросам привели к тому, что «меньшинства (равно как и этническое большинство, русские. — Э. П., С. Ф.) оказываются бесправными (disempowered), неспособными повлиять на процессы, затрагивающие вопросы разнообразия и ассимиляции»³.

¹ См.: *Осипов А. Г.* Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»? С. 108—109.

² См.: *Захаров А.* Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: МШПИ, 2008.

³ *Prina F.* National Minorities in Putin's Russia: Diversity and Assimilation. New York: Routledge, 2016. P. 217.

***Каково место идеи гражданской нации
в национальной политике?***

Наряду с традиционно-советским отождествлением национальной с этническим — как в тексте Стратегии национальной политики, так и в доминирующем политическом дискурсе — нацию продолжают трактовать с позиций этатизма, державничества. Слово «нация», лишенное гражданской морально-политической коннотации, фактически используется как синоним подвластного населения и, таким образом, «примеряется» к российским реалиям прошлого и настоящего. Наиболее влиятельный защитник такого подхода, академик Валерий Тишков, ставит знак равенства между «представлениями о гражданской нации» и «представлениями об общности по государству», «как бы эта общность ни называлась на разных этапах истории (“российский народ” и “россияне” — при Петре I, Екатерине II и Александре I; “большая русская нация” и “российская нация” — при Николае II; “многонародная нация” или “советский народ” — при советских правителях; “многонациональный народ”, “российский народ”, “россияне” и “российская нация” — при В. В. Путине)»¹. Соответственно, и государство в России последних двух-трех столетий, несмотря на его авторитаризм, имперскую систему управления и фактическое отрицание главенства принципа народного суверенитета (в пользу суверенитета монарха или диктатуры партии большевиков), объявляется национальным. Так, по словам Тишкова, «Российское государство, каким бы оно ни было по устройству — монархией-империей, союзом республик и страной Советов или республикой-федерацией, — может и должно квалифицироваться как национальное государство»².

Согласно этой квазиконструктивистской логике, приписывающей статус нации любой группе, по отношению к которой это понятие употребляется власть имущими,

¹ *Тишков В. А.* Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. С. 593—594.

² Он же. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. № 3. С. 37.

национальным государством в полном смысле слова необходимо считать абсолютистскую Францию XVII—XVIII веков, где король выступал как высший представитель и воплощение Нации, всех составляющих ее сословий¹. Или же коммунистический Китай, этнополитика которого сильно напоминает советскую², где основным «свидетельством» существования китайской нации, по мнению академика Тишкова, выступает «предписанная идеология китайского патриотизма и верности стране и ее лидерам, а также идущая из веков вера в избранность китайской культуры и в китаецентричность мировосприятия»³.

¹ См.: *Sintomer Y.* Les sens de la représentation politique: usages et mésusages d'une notion // *Raisons politiques*. 2013. N 2 (50). P. 24.

² Так, в Китае существует официальный реестр национальностей и специальные партийно-государственные органы, задача которых состоит в нахождении некоего баланса между, с одной стороны, поддержанием политического порядка (то есть монополии КПК) и задачами экономического развития и, с другой стороны, специфической защитой группового статуса меньшинств, основанной на эссенциалистском подходе, некотором подобии советской политики коренизации и принципе коллективной ответственности народов-этносов. Административно-культурные автономии, также созданные по советскому образцу, функционируют под непосредственным контролем партии и центральных органов власти. Те меньшинства, представители которых требуют соблюдения статуса широкой автономии на практике (как уйгуры и тибетцы), подвергаются откровенным притеснениям. Как это было в СССР и во многом остается в России, в современном Китае происходит деградация этнических культур меньшинств и их постепенная ассимиляция в рамках проекта формирования «государственного сознания» китайской нации (аналог «советского народа»). См. подробнее: *Савинов Л. В.* Управление национальными отношениями: Учебное пособие. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014. С. 26—38.

³ *Тишков В. А.* Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // *Культурная сложность современных наций* / Отв. ред. В. А. Тишков и Е. И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 17. Если последовательно отстаивать данную точку зрения, то не очень ясно, почему появление китайской нации нельзя отнести, скажем, к эпохе Цинь Шихуанди (III век до н.э.), первого в истории страны правителя, создавшего централизованное бюрократическое государство и провозгласившего себя императором. Ведь это именно он «предоставил исключительный статус иероглифической письменности, использовавшейся в его родном государстве (царстве Цинь. — Э. П., С. Ф.). Он создал ханьскую национальную идентичность, принудив все этнические и лингвистические группы в стране писать свои имена этими единообразными

В то же время некоторые российские ученые интерпретируют гражданскую нацию скорее как самодостаточную коллективную идентификацию с воображаемым сообществом, нежели как *связку* этой идентичности с доверием к институтам, с политическим участием и демократическими ценностями. В этом смысле общество рассматривается как *объект* усилий по строительству нации исключительно «сверху», со стороны якобы единственно возможного субъекта этого процесса — центральной власти¹. И хотя довольно трудно спорить с тем, что решающую роль в данном процессе играют политические элиты, было бы неверным исключать из него граждан и роль их ассоциаций, активно претендующих на представительство своих интересов в структурах власти и тем самым на формирование «порядка открытого доступа» и собственно общего блага. Без наполнения формы национальной идентичности содержанием гражданского участия первая остается в лучшем случае ощущением некоторой общности по жизни в одном государстве, а в худшем — обыкновенной фикцией.

Сочетание радикального конструктивизма и государствоцентричного, «верхушечного» взгляда на нацию в российском доминирующем дискурсе способствует вытеснению того, что должно было стать основным предметом не только «национальной», но и всей российской политики. А именно вопроса о механизмах распределения власти и ресурсов в российском культурно гетерогенном обществе и о статусе граждан в отношении различных уровней власти — федерального, регионального и местного. Еще в 2007 году социолог Борис Дубин, указывая на использование «ресурса великой державы» как основного в России при Путине, отмечал, что «национальное фактически трактуется, а главное, прагматически осуществляется как условие для полной деполитизации

иероглифическими знаками в новой форме. Этот язык стал языком мандаринов и создал сохраняющееся до сих пор языковое и культурное единство империи» (*Лал Д.* Похвала империи: Глобализация и порядок / Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова. М.: Новое издательство, 2010 [2004]. С. 79).

¹ См., напр.: *Тишков В. А.* Стройка наций // Россия в глобальной политике. 2013. № 5. (URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Stroika-nacii-16189>).

общественной жизни и публичного поля. Иначе говоря, национальное выступает как антиполитическое»¹.

Если же под гражданской идентичностью понимать прежде всего представление граждан о своей роли в государственном управлении, об участии в гражданско-политической жизни страны, то такого рода идентичность проявляется в России крайне слабо. Используя формулу историка Джеффри Хоскинга, можно сказать, что «строительство государства в России мешало строительству нации»². Хоскинг писал о российском прошлом, но и ныне в стране нет общества, заинтересованного в том, чтобы контролировать государственный аппарат, и способного осознать свою ведущую роль в политической системе. По данным «Левада-Центра» на 2015 год, в России не наблюдается роста самосознания общества в *восприятии народа как источника власти*. Около 60% россиян стабильно не интересуются политикой (по данным за 2003—2015 годы)³, а примерно три четверти опрошенных (по данным за 2006—2015 годы) заявляют о том, что и не готовы активно в ней участвовать⁴. Более того, с конца 1990-х годов стремление россиян к реализации принципа народного суверенитета постоянно падает. Доля людей, заявляющих: «Мы должны заставить государство служить нашим интересам», за последние полтора десятилетия уменьшилась почти втрое — с 37% в 1999 году до 13% в 2015-м⁵. При этом именно в 2015 году, когда было зафиксировано наименьшее желание россиян подталкивать власть к исполнению народных

¹ Дубин Б. Другого национализма, кроме бюрократического, в России никогда не было // После империи / Под общ. ред. И. М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2007. С. 192.

² Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552—1917) / Пер. с англ. С. Н. Самуйлова. Смоленск: Русич, 2001. С. 11.

³ См.: Общественное мнение — 2015: Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2016. С. 56. Взята сумма вариантов ответа «Скорее не интересуюсь» и «Со всем не интересуюсь» на вопрос «Насколько вы в целом интересуетесь политикой?».

⁴ См.: Там же. С. 56. Взята сумма вариантов ответа «Скорее нет» и «Определенно нет» на вопрос: «Готовы ли вы лично более активно участвовать в политике?».

⁵ См.: Там же. С. 64.

интересов, подавляющее большинство респондентов (60%) не испытывало ни малейших иллюзий по отношению к якобы народному характеру российской власти, признавая, что власть «скорее не подотчетна» или «совершенно точно не подотчетна» обществу¹. И только абсолютное меньшинство — 9% опрошенных — согласились с утверждением, что «наши органы власти — народные, у них те же интересы, что и у простых людей»².

Не проявляется в России и другой важнейший признак роста гражданского самосознания — *стремление к участию в управлении страной*. Более половины опрошенных стабильно за последние 10 лет (2006—2015 годы) признавали, что вообще «избегают вступать в контакт с властью»³. За этот же период подавляющее большинство опрошенных (от 72 до 85% в разные годы) устойчиво отмечали, что они не оказывают какого-либо влияния ни на политическую, ни на социально-экономическую жизнь в стране⁴. Неготовность к гражданскому участию, интерпретируемая исследователями как состояние политической аномии⁵, а властью — как проявление лояльности, тесно связано с утратой традиционных институтов и механизмов социального контроля⁶. На большей части территории России они оказались почти полностью демонтированы.

О сельской общине прочно забыли уже в середине прошлого века — после насильственной коллективизации (по сути, войне Советского государства с крестьянством) и форсированной индустриализации. Религиозные общины,

---

¹ См.: Общественное мнение — 2015. С. 62.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 61.

⁴ См.: Там же. С. 67. Взята сумма вариантов ответа «Скорее нет» и «Определенно нет» на вопрос «Могут ли такие люди, как вы, влиять на принятие государственных решений в стране?».

⁵ См.: *Медведев С. А., Томашов И. А.* Политическая аномия в современной России // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4-х кн. Кн. 2 / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. С. 274—282.

⁶ См. подробнее: *Паин Э. А.* Распутица: Poleмические размышления о преопределенности пути России. М.: РОССПЭН, 2009.

православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится ныне, учитывая, что свыше 90% именующих себя православными не считают себя частью какого-либо одного прихода и посещают церковь эпизодически, по случаю и какую придется. На основе многочисленных социологических данных Б. Дубин констатировал, что «принадлежность к православию для каждого третьего из православных в сегодняшней России не подразумевает веры в Бога, а почти для двух третей эта вера вообще не имеет сколько-нибудь серьезного смысла». А «заявления о собственной православности... вовсе не означают принадлежности к живой общине единомыслителей» и «не сопровождаются реальной деятельностью на благо людей общей веры и вместе с ними»¹. Одновременно с этим можно говорить о серьезном ослаблении семейных и родственных связей в русской среде. Об этом свидетельствует почти полное забвение основных терминов родства, обозначающих родственников за пределами малой нуклеарной семьи.

В целом социологический мониторинг российского общества указывает на монотонное ослабление всех видов социальных связей и сжатие сферы межличностного общения до уровня своей квартиры. Более или менее регулярно во внеурочное время и за пределами своей квартиры общаются с коллегами по работе — 20% опрошенных, с членами одной добровольной общественной, политической, культурной организации либо спортивного клуба, секции — 5%, с людьми, принадлежащими к той же церкви, — 2%². Комментируя эти исследования в 2006 году, Дубин писал: «Российский социум... стал более простым и однородным, уплощенным и раздробленным, но тем самым и более податливым для внешних воздействий на всех и каждого из его атомизированных членов»³. Десятилетие спустя мало что изменилось

¹ Дубин Б. Вера большинства // Монтаж и демонтаж секулярного мира / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: РОССПЭН, 2014. С. 188—189.

² См.: Дубин Б. Массмедиа и коммуникативный мир жителей России: пластическая хирургия социальной реальности // Вестник общественного мнения. 2006. № 3 (83). С. 33—46.

³ Там же. С. 34—35.

в этом отношении: около 80% россиян в 2014—2015 годах признавались, что за последние 12 месяцев ни разу не участвовали в деятельности какой-либо общественной организации, инициативной группы, кооператива и др.¹ Иными словами, уровень межличностного доверия и способности к коллективным действиям (даже между соседями), то есть уровень того, что в академической литературе называют «социальным капиталом», в России стабильно крайне низок.

О теоретических и концептуальных противоречиях концепции

В таких условиях трудно говорить не просто о символической (декларируемая принадлежность к российской нации и самоидентификация людей с государством), но о вполне практической реальности политической нации в России. Прежде всего в том смысле, в каком идея нации в современную эпоху тесно связана с практикой демократии и гражданской культурой. Но также и потому, что в российском обществе и его правящем слое *отсутствуют непротиворечивые представления об основаниях национальной идентичности*. Это, в частности, отражается в тексте Стратегии национальной политики, в основу которой положены три совершенно разных теоретических принципа. Во-первых, это гражданский принцип: «упрочение общероссийского гражданского самосознания» (п. 17 «а»). Во-вторых, принцип мультикультурализма («сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России», п. 17 «б»). Не будучи разделенными между собой, оба эти принципа соседствуют в Стратегии с иным теоретическим основанием — цивилизационно-имперскими схемами. Последние представлены, в частности, концепцией «особой роли» русского народа в создании Российского государства, идеями «единого культурного (цивилизационного) кода» и особой духовности (п. 11). Именно эти компоненты, по мнению

---

¹ См.: Общественное мнение — 2015. С. 55.

президента Путина, характеризуют российскую национальную идентичность¹.

С середины 2000-х и особенно с начала 2010-х годов в официальных СМИ поддерживается вовсе не идея гражданской нации, а такого рода схемы, основанные на представлениях о цивилизационной исключительности России (по отношению к воображаемому Западу) и ее особом пути. Недавно, в разгар политического кризиса в соседней Украине, российские власти добавили к этим идеологическим схемам новое — этнонационалистическое — измерение в виде доктрины «русского мира», фактически оформляющей идею разделенной русской — в этнокультурном смысле! — нации. Эта доктрина выступает и как неоимперский проект на пространстве бывшего СССР, поскольку символически преодолевает существующие государственные границы (не говоря уже о нарушении правовых договоров и международных обязательств России по гарантии территориальной целостности Украины), тем самым размывая какие-либо границы вообще, как воображаемые, так и юридические². На этом фоне в политическом дискурсе России заметно возвращение к имперскому, почти дореволюционному значению слова «русский» как синонима политической лояльности монархии, которое входит в противоречие с его этническим значением, ставшим традиционным в массовом сознании еще с советских времен³. В условиях нынешней символической политики российских властей оба эти значения, по всей видимости, продолжают существовать в той же неопределенной манере. В дальнейшем

---

¹ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012. (URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html). Взвешенный анализ этой статьи и вызванных ее публикацией дискуссий см. в: Малинова О. Ю. Символическое единство нации? Репрезентация макрополитического сообщества в предвыборной риторике Владимира Путина // Pro et Contra. 2012. № 3. С. 76—93.

² Напомним, что наличие у населения непротиворечивых представлений о границах является обязательным условием стабильного национального государства. См.: Lacoste Y. Vive la nation. Destin d'une idée géopolitique. Paris: Fayard, 1997.

³ См.: Малахов В. Еще раз о российской нации // Он же. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. С. 57—59.

это будет способствовать ослаблению и без того хрупкого «внутреннего консенсуса между “большинством” и “меньшинствами”, между тем, что понимается, с одной стороны, под “русским”, а с другой — под “российским”»¹.

На наш взгляд, столь неорганичное сочетание дискурса этнических различий, квазитеологического языка особой цивилизации и исторической миссии с рационально-правовым языком гражданской нации в современной России есть отражение (а в значительной мере и следствие) одного фундаментального противоречия политики российских властей. А именно балансирования «между идеями нации и цивилизации»², между имперским, вертикальным, и национальным, горизонтальным, устройством общества и государства³. В действительности российские власти планомерно ослабляют федеративные механизмы и дезавуируют демократические институты, но вместе с тем не могут полностью отказаться от образа «нормального государства». Этот образ формируется под влиянием значимого Другого — воображаемой Европы, или Запада, выступающего одновременно и идеальной моделью общественного устройства (утопией), и объектом национальной фрустрации⁴. Стремление к поддержанию видимости «нормального государства» проявляется в адаптации многочисленных элементов западного политического дискурса и в постоянной апелляции к языку международного права (безотносительно его соблюдения на практике), в том числе к категориям гражданства, защиты разнообразия и статуса меньшинств.

Но, вероятно, есть и более прагматический расчет, скрывающийся за этой концептуальной путаницей и придающий

¹ *Radvanyi J., Laruelle M.* La Russie entre peurs et défis. Paris: Armand Colin, 2016. P. 37.

² *Малинова О. Ю.* Российская идентичность между идеями нации и цивилизации // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 54.

³ См.: *Паин Э. А.* Россия между империей и нацией: концепции национально-государственного устройства в условиях кризиса гражданской идентичности // Pro et Contra. 2007. № 3. С. 42—59.

⁴ См.: *Гудков Л. Д.* Российское общество в контексте «Русской весны»: социологический анализ // Интернет и идеологические движения в России. С. 307—386.

ей как бы инструментальный характер, — стремление «контролировать ситуацию» по отношению к различным общественно-политическим силам. С одной стороны, риторика защиты этнокультурного разнообразия и гражданской нации служит задаче «успокоения» лидеров этнических и религиозных общин России. С другой стороны, дискурс об особой цивилизации используется для «инкорпорации» требований русских националистов (неважно, настроены они проимперски или антиимперски) о признании русского народа (читай: этноса) «государствообразующим». Как выразился один научный сотрудник Института российской истории РАН, «очевидно, необходима четкая трансляция лозунга в массы — “Русские — государствообразующая общность”. Остальные позиции просто неприемлемы»¹. Кстати, отметим, что Ж. Бушар относит Россию именно к странам, где господствует парадигма культурной гомогенности (*paradigm of homogeneity*), «базирующаяся на утверждении этнокультурного сходства [граждан] в публичной, а иногда и частной жизни»². С этим утверждением можно спорить, однако трудно не признать, что дискурс о разнообразии в России начала нынешнего столетия содержит в себе в качестве одной из центральных компоненту «русскости» — особой артикуляции единства народов вокруг культуры русского народа, исторически стоявшего у истоков многонациональной империи³.

Совмещение такого рода схем, на первый взгляд прямо противоположных друг другу, тем не менее не выглядит уникальным в исторической перспективе, точнее на фоне советского «интернационализма», и во многом повторяет эту идеологию. Ленинская национальная политика изначально

¹ Бугай Н. Ф. 1990-е — 2010-е годы. Русские в системе межэтнических отношений России // Белые пятна российской и мировой истории. 2013. № 1—2. С. 111.

² Bouchard G. What Is Interculturalism? P. 442.

³ В этом отношении заметна тенденция к разрыву с концепцией, которая доминировала в 1990-е годы и подразумевала, что все народы (этносы) России в равной мере способствовали формированию и развитию государства. См.: Паун Э. А. Цивилизационный национализм // Новая газета. 31.01.2012. (URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/01/31/47992-tsvivilizatsionnyy-natsionalizm>).

строилась на космополитической идее социалистического Интернационала. Ее опорами были политика деколонизации (в форме борьбы с «великодержавным шовинизмом» русских), создание этнических культур на окраинах СССР, проект этнонационального административно-территориального деления и политика коренизации. Одним из результатов этих процессов стало институциональное закрепление этнической принадлежности: на основе критерия «национальности» советского гражданина могли продвинуть по службе и назначить на руководящий пост, а могли, напротив, поразить в правах и подвергнуть преследованиям. Данные практики, хорошо изученные историками, в научной литературе часто (и вполне обоснованно) называют «советским мультикультурализмом»¹. А само Советское государство 1920—30-х годов, по выражению Терри Мартина, было «империей положительной деятельности» (Affirmative Action Empire)². Сочетание имперской модели с мультикультурализмом здесь не случайно.

Уже к концу 1920-х годов стало ясно, что мировая революция не разразилась, а следовательно, восторжествовала сталинская доктрина «построения социализма в одной, отдельно взятой стране». Тогда и проявился, по словам Дж. Хоскинга, «роковой парадокс». Преданное идее интернационализма, Советское государство «с большой неохотой и только из соображений целесообразности постепенно все больше ассоциировало себя с российским имперским мышлением»³. Вскоре, в середине 1930-х, «неохота» и «целесообразность» уступили место решительной смене курса этнической и идеологической политики: коренизация была свернута, началась масштабная политика русификации (в том числе посредством

¹ Шнирельман В. А. В поисках самобытности: у истоков советского мультикультурализма // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/sh18.html>).

² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939 / Пер. с англ. О. Щелоковой. М.: РОССПЭН; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011 [2001].

³ Хоскинг Дж. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / Пер. с англ. В. Артемова. М.: Новое литературное обозрение, 2012 [2006]. С. 109.

индустриализации и переселения народов), реабилитировалось «удобное» имперское прошлое. Именно тогда была провозглашена концепция «советского патриотизма»¹, противопоставлявшая СССР внешнему миру, а после 1945 года, уже в условиях холодной войны, еще и «космополитизму» — ранее ключевому принципу большевиков, ставшему эвфемизмом для обозначения государственного антисемитизма. Тогда же получила распространение идеологема о том, что «русский народ — первый среди равных» в «братской семье» советских этносов-наций (наличие таковой «семьи» и подразумевалось состоянием интернационализма и «дружбы народов»²). Данная идеологема как составная часть «советского патриотизма» легла в основу новой доктрины, сохранявшейся «в качестве господствующей идеологии до самых последних дней Советского Союза»³. Показательно, что Стратегия национальной политики 2012 года не только символически воссоздает такого рода смысловую мозаику, но и прямо отсылает к опыту советской идеологии, например при помощи термина «российский патриотизм» (п. 21 «д»), кальки с патриотизма советского.

За пропагандировавшейся ранее идентичностью «советский народ» не было реальных связей и гражданского самощущения. В результате в условиях кризиса советской системы в конце 1980-х годов «советский народ» словно испарился. И в современной России ситуация с проектом построения российской идентичности в немалой степени напоминает советскую: она конструируется «сверху» и остается чем-то воображаемым, но не наполняется конкретным содержанием, способным перекрыть влияние более привычных, аскриптивных (прежде всего этнических) идентичностей. Помимо этого, к усилению этнического фактора подталкивает и концепция

¹ Хоскинг Дж. Правители и жертвы. С. 166—184.

² Как отмечает историк Светлана Лурье, «советский народ в итоге должен был представлять из себя идеал интернационализма, то есть не образовать единую нацию, а оставаться совокупностью наций» (Лурье С. В. «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 148).

³ Хоскинг Дж. Правители и жертвы. С. 175, 265.

«особой цивилизации»: распространяемая в масштабе России, она порождает аналогичные концепции в масштабе республик или отдельных этнических групп. «Особая российская цивилизация» порождает «особую татарскую», которая сразу же вызывает сомнения относительности универсальности общероссийской цивилизации. Далее «особая татарская цивилизация» порождает «особую кряшенскую»¹, подвергающую сомнению «особую татарскую», и эти концепции конкурируют между собой. Есть в литературе упоминания и «дагестанской цивилизации»², но среди народов Дагестана количество претензий на свою особую цивилизацию даже трудно сосчитать. Между тем для интеграции народов России в единую политическую нацию необходимо преодолеть конкуренцию идентичностей и найти общие основания для самоидентификации людей со всей страной. Вряд ли можно найти лучшее основание, чем гражданская идентичность в ее связи с гражданскими же практиками: все мы граждане одной страны — Российской Федерации. Пока же нынешние реалии актуализируют старые этнополитические проблемы, добавляя к ним новые.

Национальная политика и проблема исторической преемственности

Приходится признать, что концепция национальной политики устарела не только в научном и административно-политическом плане, но и в *моральном отношении*. Вместо того чтобы критически переосмыслить имперско-советское наследие с учетом новых вызовов современности, данная концепция фактически декларирует преемственность с этим наследием и морально реабилитирует его. Так, руководитель рабочей группы по разработке Стратегии национальной политики Вячеслав Михайлов с удовлетворением отмечает, что

¹ Кряшены — этническая и конфессиональная группа в составе татар Урало-Поволжья, исповедующих православие.

² Гасанов М. Р. Дагестанская цивилизация: некоторые проблемы и особенности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 9—16.

в документе «идея восстановления “связи времен”, преемственности созидающих традиций нашего Отечества и гражданского примирения впервые после распада СССР получила правовое обрамление»¹. Что же на практике означает это восстановление «связи времен»?

Прежде всего доминирующий в России дискурс о многообразии и российской нации исключает постановку вопроса о *критическом анализе и моральной оценке* этнополитики Российской империи и Советского государства². Колониальные войны (наиболее длительными, кровавыми и дорогостоящими из которых были покорение Кавказа³ и завоевание Средней Азии⁴), попытки решения «национального вопроса» при помощи систематической дискриминации нерусских народов и русификации окраин, инструментализации аскриптивных идентичностей при старом режиме; систематическая этническая дискриминация, насильственная пропаганда атеизма,

¹ Михайлова Н. В., Михайлов В. А. Была ли царская Россия «тюрьмой народов»? // Свободная мысль. 2013. № 6. С. 157.

² Собственно историческая и политическая преемственность между этнополитикой поздней Российской империи и национальной политикой созданного на ее просторах Советского Союза в современной научной литературе не оспаривается. Историк Жюльет Кадио, в частности, отмечает: «Идет ли речь о становлении — в начале 1920-х годов — социальной иерархии, напомилавшей сословную систему, или же о депортации целых народов в 1930-е годы, — мы наблюдаем преемственность между этими методами и имперским опытом» (*Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860—1940 / Пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010 [2007]. С. 270). Защиту более общего тезиса, согласно которому СССР был имперской политией и в значительной мере являлся продолжением Российской империи, можно найти в работах целого ряда видных исследователей. См., напр.: *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006; *Каснэ С. И.* Империя и модернизация. С. 181—196; *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней; Наследие империй и будущее России / Под ред. А. И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная Миссия»; Новое литературное обозрение, 2008; *Хоскинг Дж.* Правители и жертвы; *Lieven D.* The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Politics // *Journal of Contemporary History*. Vol. 30, N 4. 1995. P. 607—635.

³ См.: *Ходарковский М.* Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / Авториз. пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2016 [2011].

⁴ См.: *Моррисон А.* «Мы не англичане...» К вопросу об исключительности российского империализма // Восток Свыше. 2015. № 3. С. 69—78.

репрессии и депортации по социально-классовому и этническому признаку, выстраивание иерархии «старших» и «младших» народов, инспирация националистических кампаний в советское время... Все эти сюжеты не только практически отсутствуют в общественных дебатах, но и «изымаются» из конструируемой в официальном дискурсе картины прошлого¹.

В некотором смысле российская ситуация развивается в направлении, прямо противоположном тому, которое характерно для демократических стран мира с колониальным прошлым. Там к оценкам прошлого и настоящего не только ученые, но и политики применяют нормативную рамку, позволяющую оценить с этических позиций насильственные практики и включить в публичный исторический нарратив множество «голосов» (правителей и управляемых, гонителей и жертв, участников гражданских конфликтов по разные стороны баррикад). В России же, напротив, проявляется отчетливая тенденция к монолитизму, к громогласному утверждению национальной сплоченности через века. Кстати, по мысли Д. Растоу, это верный признак того, что с национальным единством, а следовательно, и становлением демократии в настоящем есть большие проблемы². В этих условиях мало кого удивляет тот факт, что критика противоправных, преступных действий власти в отношении граждан по принципу их культурной самоидентификации стала в России почти что нелегальным (и уж во всяком случае нежелательным) занятием³.

Официальные декларации терминологической и исторической преемственности с советской и досоветской

---

¹ О различных аспектах имперской и колониальной политики российского государства в эпоху модерна см.: *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860—1940; *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001; *Слезкин Ю. Л.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера / Авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008 [1994]; *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2013 [2011].

² См.: *Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model P. 351.

³ Применительно к сегодняшнему дню наиболее вопиющая ситуация с нарушениями прав человека наблюдается в Чечне, других республиках Северного Кавказа, в Крыму.

этнополитикой запускают новый виток известного процесса — *позитивации и глорификации прошлого*. Подобно тому как политика государства в области культуры «музеифицирует» историю¹ посредством «духовного и патриотического воспитания», борьбы с «фальсификациями истории в ущерб интересам России», сакрализации образа Великой Отечественной войны и проведения мобилизационной политики памяти², доминирующий политический дискурс о разнообразии воссоздает образ «приемлемого» национального прошлого³. Общественности предъявляются идеализированные «картинки» имперской национальной политики⁴ и советской «дружбы народов», призванные доказать якобы уникальный опыт мирного сосуществования народов и культур на «большом» (то есть имперском) российском пространстве на протяжении веков. Этот мифологизированный опыт противопоставляется негативному образу прошлого западных стран, будь то насилие в отношении колонизированных народов (в форме принудительных миграций, рабства, истребления индейского населения в процессе колонизации Американского континента) или религиозные конфликты в Европе Нового времени. Так, глава фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов пишет: «Русская колонизация по многим аспектам напоминала западную, и русские служилые люди и колонисты не были ангелами. Но россияне не уничтожили ни одной цивилизации, как испанцы поступили с ацтеками и инками; жертвы их колонизаторской деятельности не измерялись десятками миллионов человек, как в случае с западной колонизацией. Российские власти оставили аборигенов в местах обычного проживания, а не согнали в резервации и не уничтожили, как

¹ См. подробнее: *Калинин И.* «Русский мир»: психопатология общественной жизни // Полит.ру. 09.10.2015. (URL: http://polit.ru/article/2015/10/09/russian_world).

² См.: *Миллер А. И.* Политика памяти в России: год разрушенных надежд // Полития. 2014. № 4 (75). С. 49—57.

³ В п. 21 «д», «е» и «л» Стратегии национальной политики прямо указано на необходимость воплощения в жизнь перечисленных элементов политики Министерства культуры РФ.

⁴ См.: *Михайлова Н. В., Михайлов В. А.* Была ли царская Россия «тюрьмой народов»?

в Соединенных Штатах. Не стали обращать новых подданных в рабов и заниматься их торговлей в глобальном масштабе, как это делали европейские колониальные державы». И далее: «Страна веками сохраняла высокую степень веротерпимости, в ней не было инквизиции и охоты на ведьм. <...> Притеснения иноверных, гонения на еретиков и даже преследования старообрядцев имели куда меньшие масштабы, чем в Западной Европе. Россия не знала религиозных войн»¹.

Наконец, концептуальная преемственность с воображаемым опытом прошлого является частью общей тенденции по воспроизводству, уже в России начала XXI столетия, *имперских моделей вертикальной интеграции*. Эти модели много раз доказывали свою несостоятельность или по крайней мере ограниченность в прошлом. Мировая и российская история изобилует примерами того, каким образом эти модели способствуют накоплению конфликтного потенциала, препятствуя созданию горизонтальных связей между гражданами, сообществами и территориями страны. В современном российском контексте речь, разумеется, уже не идет об искусственной консервации традиционных культур, стравливании групп в соответствии с классическим принципом *divide et impera* (разделяй и властвуй) или институционализации неравенства перед законом в зависимости от этнического происхождения. Реконструкция имперского опыта проявляется в иных, «гибридных» формах — в воссоздании пространства «имперской ситуации», то есть системы, в которой отсутствуют универсальные правила (в том числе в распределении властных, экономических и символических ресурсов) и где невозможно (или по крайней мере очень трудно) найти решение конфликта в публичном правовом поле².

¹ Никонов В. А. Современный мир и его истоки. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. С. 374, 380.

² Историки Илья Герасимов и Марина Могильнер описывают имперскую ситуацию следующим образом: «Имперская ситуация характеризуется параллельным существованием несовпадающих социальных иерархий и систем ценностей, с очень приблизительно устанавливаемым “обменным курсом” статуса — в то время как идеальная модель современного национального государства предполагает универсальность и равнозначность социальных категорий во всех уголках общества. <...> Имперская ситуация

При наступлении политического кризиса в такой системе накопленные противоречия быстро выходят наружу, а этнические, религиозные и культурные идентичности становятся инструментом оспаривания центральной государственной власти и выражения политических и экономических требований. Такие процессы были результатом (а в немалой степени и катализатором) распада всех современных империй. Исторически недавно они имели место в СССР и продолжали давать о себе знать в постсоветской России в 1990-е годы. Как отмечает Егор Гайдар, «риски, связанные с межнациональными конфликтами в полиэтнической стране с тоталитарным режимом» проявились «при первых признаках его либерализации»¹. Так, руководители Советского Союза столкнулись с практически повсеместным ростом самых разных националистических движений², которые чаще всего выражали требования восстановления справедливости в отношении «обделенных» или «эксплуатируемых» народов.

К сожалению, нельзя гарантировать, что попытки возрождения вертикальных моделей управления в современной России, в том числе в сфере управления разнообразием, не будут иметь столь же драматических последствий в будущем. Пока государственная политика не принимает в расчет интересы общества, а выработка административных решений не зависит от воли граждан и их ассоциаций, едва ли стоит ожидать долгосрочного и взаимоприемлемого для всех сторон решения проблем аккомодации автохтонных меньшинств и прибывающих мигрантов.

характеризуется тем, что сословие, конфессия, язык, класс, экономическое положение, образование, сфера занятости — выступают в роли самостоятельных и часто равнозначных элементов, из которых можно “выстраивать” совершенно разные комбинации. Тем, что отсутствуют универсальные, действующие во всех уголках государства правила и даже законодательство» (Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. 2007. № 1 (58). С. 224—225).

¹ Гайдар Е. Т. Гибель империи. С. 298.

² См.: Там же. С. 296—303; *Beissinger M. R. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Часть 3

ТРУДНЫЙ ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В РОССИИ: ПОДАВЛЕНИЕ НАЦИИ ИМПЕРИЕЙ

ГЛАВА 6. ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ НАЦИИ В РОССИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Отношение к народному суверенитету и участию во власти — это базовые признаки как политической нации, так и гражданского национализма. Как мы постараемся показать, эти признаки — несмотря на то что они появились в России более двух веков назад и даже были на протяжении некоторого времени одним из политических знамен образованного сословия Российской империи — по-прежнему не только чужды массовому сознанию россиян, но и отвергаются в элитах. Российские власти прибегают к политике нейтрализации идей гражданского национализма путем его подмены похожим, но принципиально иным феноменом — той или иной редакцией доктрины «официальной народности», или, другими словами, державным, имперским национализмом. Эта политическая технология неоднократно воспроизводилась в российской истории; проявилась она и в событиях последних лет, начиная с 2014 года.

Инверсия идеи нации в Российской империи: от декабристов к черносотенцам

Анализ эволюции идеи нации в России и связанных с этим перемен в идеологии русского национализма позволяет выделить несколько исторических этапов данного процесса.

1. Появление идеи гражданской концепции нации как знамени народного суверенитета, политического представительства и конституционного строя (1790—1833 годы). Гражданское понимание нации, в том виде, в каком оно было отражено в Декларации прав человека и гражданина (1789), стало известно российской элите уже в конце XVIII века, сразу же вслед за Францией. Из Декларации вытекает сразу несколько важнейших принципов: во-первых, тождественность народа

нации; во-вторых, провозглашение нации, а не монарха (как было прежде) носителем суверенитета (народный суверенитет); в-третьих, нация имеет свое представительство в виде национального (народного) собрания, и это от имени нации провозглашаются и гарантируются права человека и гражданина. Такая трактовка нации в течение нескольких десятилетий доминировала среди российских образованных сословий. В той или иной форме эту идею отстаивали дворянские революционеры (названные позднее, после восстания 14 декабря 1825 года, декабристами), требовавшие ограничения самодержавия в России либо за счет установления конституционной монархии, либо путем введения республиканского строя. Декабристов некоторые исследователи определяют как первых представителей идеологии национализма в России¹. В такой же гражданской трактовке идею нации использовал в 1797 году будущий император Александр I (тогда наследник престола), который заявлял, что, став царем, он дарует России конституцию, и «нация изберет своих представителей»². Однако между 1790 и 1830 годами в России произошли такие политические события, которые радикально изменили отношение элит к сущности нации и к самому понятию. Если Александр I восходил на престол с мыслью даровать конституцию «сверху», чтобы избежать революции «снизу», то его приемник Николай I начал свое царствование с подавления той самой революции, которую хотел, да не успел упредить его старший брат. После восстания декабристов, произошедшего в день воцарения Николая I, и особенно после польского восстания 1830—1831 годов с его лозунгами национального суверенитета для Польши, «прежний дискурс о нации и национальном представительстве как желанной, хотя и труднодостижимой цели, сменился в позиции официальных кругов отрицанием конституции и на-

¹ См.: *Сергеев С.* Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. 2010. № 2. (URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/8624-vosstanovlenie-svo-body.html).

² *Миллер А. И.* История понятия «нация» в России. (URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii>).

ционального представительства как неуместных для России в принципе»¹.

2. Огосударствление идеи нации — эпоха «официальной народности» (1833—1863 годы). Одним из важнейших средств умерщвления идеи гражданского национализма стала его замена и вытеснение другими, альтернативными конструкциями. В 1833 году при вступлении в должность министра просвещения граф Сергей Уваров изложил формулу, ставшую знаменитой: «Православие. Самодержавие. Народность». Эта идейная триада, которую «Романовы проповедовали и проводили в жизнь до 1917 года»², должна была выступать за сном на пути европейского свободомыслия и антитезой другой триаде: «Свобода. Равенство. Братство» — базовым идеям Французской революции, которые, по мнению российских консерваторов той эпохи, органично неприемлемы для русского народа. Основной новацией в формуле С. Уварова являлось понятие «народность», в честь которого и вся доктрина получила название «официальной народности»³. Под ней понималась прежде всего «преданность России собственным традициям и самобытному пути», противоположному западным моделям. «Особый дух» русской народности состоит в преданности православию и самодержавию. Главное же в уваровской доктрине то, что легитимация народом прав монарха на правление признается недопустимой. Власть царя от Бога, а народность предписывает царю лишь моральное обязательство любить и оберегать свой народ. Он отец народа, поэтому подданные, как его дети, должны свято почитать своего самодержавного отца. Таковы ключевые идеи доктрины «официальной народности».

3. Начало этнизации идеи нации и появление русского этнического национализма (1863—1890 годы). Понятие «народность» плохо приживалось не только в русском языке, но и в политическом обиходе. Даже славянофилы 1840—50-х годов

¹ Миллер А. И. История понятия «нация» в России.

² Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. С. 88.

³ См. подробнее: Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ/RUSSIS. Вып. 3. Культурные практики и идеологические перспективы. М.: ОГИ, 1999. С. 233—244.

(Константин и Иван Аксаковы, Александр Кошелев, Юрий Самарин и др.) считали доктрину официальной народности «душевредным деспотизмом» и «угнетательской системой»¹. Все это побуждало идеологов-охранителей самодержавия продолжать поиски других терминов взамен крамольной «нации». Граф Петр Валуев, один из высших сановников царя Александра II в 1860—80-е годы, обосновывал необходимость замены понятия «нация» (nation) как главным образом политической категории понятием *национальность* (nationalité), то есть фольклорной категорией, призванной отражать специфику культуры и обычаев народа. Со временем понятие «национальность» в России прижилось в том понимании, в каком в этнологии с середины XX века стали определять «этничность», или «этническую идентичность»: общность людей, связанных самоназванием (этнонимом), субъективным представлением об общем происхождении (этническим самосознанием), а также некоторыми особенностями культуры, закрепленными в межпоколенной трансляции². П. Валуев ввел в политический оборот и термин «национальный вопрос», впервые употребив это словосочетание в донесении царю о ситуации в Малороссии в 1863 году³. Первоначально это понятие имело сугубо негативную коннотацию и означало угрозу национального (сейчас сказали бы «этнического») сепаратизма.

С каждым последующим десятилетием российской истории национальная проблематика в России уходила от своих гражданских корней и приобретала все более яркую этническую окраску. Она трактовалась с позиций эссенциализма как некий набор незыблемых свойств, фатально присущих тому или иному народу (этнической нации). Параллельно славянофилы пытались синтезировать идеи этнической исключительности русских с их миссией главного народа империи,

¹ Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 269.

² См.: Dictionary of Race and Ethnic Relation, 4th ed. London and New York: Routledge, 1996. P. 119—124; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 57—58.

³ См.: Миллер А. И. История понятия «нация» в России.

ее охранителя. С конца 1890-х годов российские славянофилы в споре с оппонентами-западниками стали активно развивать идею С. Уварова о принципиальных и навеки предопределенных различиях между русским народом и нациями Запада. При этом славянофилы 1880—1890-х (Николай Данилевский, Константин Леонтьев, Василий Розанов и др.) во многом отказались от наследия своих предшественников, славянофилов середины века, зато освоили восходящую к Гердеру немецкую мистическую идею «национального духа», оказавшую ранее сильное влияние и на Уварова, а впоследствии развившуюся в доктрину «особого пути Германии» (*Deutscher Sonderweg*). Поздние славянофилы активно развивали идеи особого пути России и противопоставляли особенности национального духа русского народа (терпимость, сердечность, душевность, великодушие, соборность) обобщенному образу западного менталитета, которому якобы всегда присущи эгоизм, жадность, лживость, холодная расчетливость.

В полемике с поздними славянофилами складывались взгляды на нацию и национализм философа Владимира Соловьева, а вслед за ним и всей российской либеральной мысли. Заостренно полемический характер суждений многих российских либералов-западников обусловил, на наш взгляд, их сугубо отрицательное отношение не только к нарождавшемуся русскому национализму, но и к самой идее нации, трактуемой ими только как синоним этнического сообщества. По мнению В. Соловьева, сам «принцип национальностей» есть «низший принцип», проявление «реакции», противоречащее «разумному ходу истории», «попятное движение», а защищающий этот принцип национализм (под которым понимался только этнический национализм) есть явление сугубо разрушительное¹. Национализм, в оценках Соловьева, возникает вследствие стремления отдельных народов выделиться, противопоставить себя другим народам, обособиться от них. Этот мыслитель был убежден, что «в таком стремле-

¹ См.: *Соловьев В. С.* Национальный вопрос в России. Вып. 1. 1883—1888 / Он же. Собрание сочинений. Т. V. 1883—1897. СПб.: Общественная польза, 1901. С. 8—10.

нии положительная сила народности превращается в отрицательное усилие национализма»¹. Соловьев застал российскую версию концепции нации в период, когда эта, некогда либеральная, идея, основанная на принципах гражданственности и народного суверенитета, выродилась в идеологию этнических фобий и великодержавного шовинизма. Соловьев никогда не обращался к анализу истоков идеи нации и не сопоставлял свои выводы со взглядами своих европейских современников, например с идеями Э. Ренана. Однако эти весьма ограниченные взгляды российского философа на сущность нации и национализма оказали огромное влияние на развитие российской либеральной мысли, надолго обусловив ее подозрительное и преимущественно негативное отношение к идее нации, не говоря уже о сугубо враждебном отношении к феномену национализма. Впрочем, русский национализм того времени, да и позднее, в своих конкретных проявлениях и не мог вызывать к себе положительных чувств у либерально и демократически мыслящей общественности.

4. Политическое оформление русского имперского и агрессивно-ксенофобного национализма (1905—1917 годы). Из кругов поздних славянофилов выросло идеологическое течение, которое стало именоваться «русскими националистами». Первая легальная партия русских националистов «Союз Русского Народа», возникшая в революционном 1905 году, определила в качестве важнейшей программной цели своей политической деятельности служение самодержавию и сохранение империи: «Союз Русского Народа... поставляет своим священным непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоеванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства»². В это же время политически оформилось и крайне правое, радикальное крыло русского национализма, в программных документах которого идеи монархизма соединялись с ксенофобией, и прежде всего антисемитизмом. От современников это

---

¹ Там же.

² Программа Союза Русского Народа // Библиотека Якова Кротова. (URL: <http://krotov.info/acts/20/1900/1906anti.html>).

движение получило обобщенное название «черносотенство». Оно выступало с призывами учинять еврейские погромы и участвовало в их организации, так же как и в убийстве депутатов Государственной думы, евреев М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса. Первоначально именно черносотенцы выдвинули лозунг «Россия для русских» и ставший впоследствии общим для русских националистов *принцип политического доминирования этнических русских в империи*, выразившийся в требовании предоставления «русской нации» преимущественных прав.

Итак, идея нации, появившаяся в России в конце XVIII века как один из признаков ожидания революционных перемен, прежде всего конституционного порядка и ограничения самодержавия, через 100 лет выродилась в идеологию охраны самодержавия и имперского устройства. С этого времени под русским национализмом в России понимали организационно оформленные группы, выражающие идеи национального эгоизма, великодержавного шовинизма и ксенофобии.

Государственный и самостоятельный национализм советского и постсоветского времени

В Советском Союзе национализм был официально запрещен как идеология, враждебная государственной политике интернационализма. Мы уже говорили о том, что эта политика не раз менялась, и притом весьма радикально, а с ее переменами изменялись и трактовки национализма, в результате чего разные социальные и этнические общности подводились под это понятие. Здесь же важно показать, как освоение националистической риторики государством способствовало ослаблению низового национализма общества.

Американский историк Юрий Слезкин полагает, что позиция основателя Советского государства Владимира Ленина по вопросу «наций и “национальных прав” была одной из наиболее бескомпромиссных», а его «теория хорошего национализма подавляемых наций (“oppressed-nation”

nationalism) сформировала концептуальные основания для создания Советского Союза»¹.

Соглашаясь со Слезкиным по существу его вывода, поспорим с его терминологией. Дело в том, что термин «хороший национализм» (good nationalism) не встречается в работах Ленина и его соратников, поскольку для них национализм — это явление сугубо негативное. В ленинской концепции этническая консолидация национальных меньшинств России против русификации определялась как «национально-освободительная борьба»; поддержка этой борьбы рассматривалась большевиками как «установление фактического равноправия», тогда как термин «национализм» в основном относился к деятельности политических сил, защищавших царскую власть *от имени* этнического большинства — русских или великорусов, как их тогда называли. Такой русский национализм, именовавшийся «великорусским шовинизмом», решительно осуждался коммунистами. Этой линии в 1920-е годы придерживалось все руководство Российской коммунистической партии большевиков — РКП(б), и прежде всего Иосифом Сталиным, который был ответственным за национальную политику как в партии, так и в молодом Советском государстве. Именно он в марте 1923 года выступил на XII съезде партии с докладом о ее национальной политике, полностью соответствовавшей ленинской доктрине. Этот доклад: а) осудил «русификаторскую политику царизма»; б) поддержал борьбу «зависимых национальностей от империалистического гнета»; в) заявил, что и в Советском Союзе сохраняются «пережитки великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великорусов.<...> Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первоочередной задачей нашей партии»².

¹ *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. Summer 1994. Vol. 53, N 2. P. 414.

² *Сталин И. В.* Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии // *Правда*. 24.03.1923. (URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-11.html>).

Однако уже в 1928—1932 годы, в период «Великого перелома», эта политика стала круто меняться, вначале по отношению к национальным меньшинствам. Сталин, начав в это время коллективизацию села, а фактически массовый отъем земли и имущества у крестьян, прежде всего у русских, создавал тем самым условия для массового недовольства такой политикой со стороны громадного большинства населения. Начались бунты, особенно в центральных регионах России, и к 1930 году «около 2,5 миллионов крестьян приняли участие в 14 тыс. выступлений против коллективизации»¹. Возможно, для перевода социального недовольства в этническое русло власть стала использовать разжигание ксенофобии к национальным меньшинствам. Не исключено и другое: в начавшуюся эпоху государственного террора он по инерции распространился и на национальные меньшинства. Так или иначе, но в 1930-е годы этнические чистки и депортации различных представителей национальных меньшинств и этнографических групп стали массовыми, а в 1940-е они приняли беспрецедентный размах: начались тотальные переселения сравнительно больших народов, насчитывавших сотни тысяч жителей, таких как крымские татары, немцы, чеченцы и ингуши, балкарцы и карачаевцы, калмыки и др.² В конце тридцатых годов Сталин пересмотрел и свой собственный тезис о недопустимости «привилегированного положения великорусов». Во время Великой Отечественной войны и сразу же после ее окончания в риторике Сталина появились слова о главенствующей и организующей роли этнических русских. Решение опереться на этническое большинство сразу же смяло стержень политики интернационализма, предусматривавшей обеспечение равенства народов. Вместо этого Советская страна вернулась к имперскому принципу иерархии народов, в которой русским отводилась роль «старшего брата», а Россия стала именоваться «старшей сестрой» в семье советских республик.

¹ Черная книга коммунизма / Под ред. С. Кургуа. М.: Три века истории, 2001. С. 158.

² См. подробнее: *Полян П. М.* Не по своей воле...

В декабре 1943 года Политбюро партии утвердило текст советского гимна, который начинается со слов о том, что Великая Русь сплотила остальные республики в «союз нерушимый». Еще одним признаком перелома в советской национальной политике стала ее опора на традиционализм, фольклорную народность: в массовой пропаганде появились образы былинных русских героев вроде Ильи Муромца или полуполюгендарных персонажей, таких как средневековый князь Александр Невский и царь-тиран Иван Грозный; были установлены государственные награды, посвященные имперским полководцам, руководившим завоевательными подходами и подавлением восстаний на окраинах империи, таким как Александр Суворов и Михаил Кутузов. Все это было несвойственно ленинскому интернационализму.

В военное и послевоенное время в политике Сталина все больше стали проявляться элементы этнического национализма. Государство заказывало художественные произведения (кинофильмы, романы, музыкальные произведения), прославлявшие особый русский характер (например, так называется один из рассказов Алексея Толстого). Одновременно во многих произведениях в негативном свете, а то и в образе скрытого, замаскированного врага представлялись советские граждане других национальностей (особенно немцы)¹. В 1930–50-е годы советская государственная пропаганда разжигала фобии по отношению к «народам-предателям», подвергшимся этническим чисткам и депортации с территорий своего традиционного проживания². В 1948–1953 годах отчетливо проявился государственный антисемитизм в кампании борьбы с «космополитизмом», в ходе которой советских евреев обвинили в космополитизме, в отсутствии советского патриотизма, и эти обвинения зачастую сопровождались увольнением с работы и даже арестами³.

¹ См.: *Беляева Г., Михайлин В.* Любопытный и фиксирующий глаз. Образ иностранца в советском кино // *Отечественные записки*. 2014. № 4 (61). (URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/4/lyubopytnyy-i-fiksiryuyushchiy-glaz>).

² См.: *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954. М.: РОССПЭН, 1999.

³ См.: *Там же*.

В это время сталинская национальная политика утратила малейшие признаки сходства с первоначальным вариантом советского интернационализма. Это было второе издание имперской идеологии «официальной народности». Все элементы триады Уварова в ней проявились в той или иной форме. «Самодержавие» в этой политике проявилось в полной мере, поскольку она была никак не менее (хотя и по-другому) авторитарной и патерналистской, чем во времена царя Николая I. Сталин был объявлен «великим вождем» и «отцом народов». «Народность» доказывалась, как и в уваровской концепции, путем противопоставления собственной культуры «чужой», западной. И лишь вместо «Православия» использовалась другая государственная религия — марксизм, а фактически — сталинизм.

Политика государственного русского национализма («официальная народность») советского типа не допускала возможности появления самостоятельного русского национализма, который жестоко подавлялся. Так было при жизни Сталина и еще несколько лет после его смерти. В 1957–1958 годах были разгромлены подпольные националистические кружки «Русская народная партия», «Русская национальная партия», «Российская национально-социалистическая партия» и Ленинградский студенческий кружок Трофимова. Все это были небольшие организации до десятка человека, занимавшиеся чтением и обсуждением теоретических вопросов, однако все их члены были отправлены в тюрьмы на многие годы. Продолжали подавляться и другие формы самоорганизации этнических и религиозных сообществ. Так, 1959 год ознаменовался массовым закрытием церквей, монастырей, религиозных школ и репрессиями против священнослужителей.

Эти репрессии ослабили лишь в начале 1960-х — время некоторой относительной либерализации, получившей название «хрущевская оттепель». Тогда проявила активность не только либерально мыслящая интеллигенция — шестидесятники, но и русские националисты. По мнению историка Артема Фоменкова, в СССР были созданы условия для *полулегальной* (неразрешенной, но и не преследуемой)

политической деятельности националистических кружков¹. В 1964—1967 годах в Ленинграде почти открыто действовал национально-религиозный Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХОН) — пожалуй, наиболее многочисленная из всех подпольных диссидентских организаций того времени (28 членов и 30 кандидатов). Руководил союзом Игорь Огурцов, намеревавшийся предложить стране православно-почвеннические ценности с соответствующим государственным устройством.

Из материалов исследования А. Фоменкова вытекает вывод, что партийные власти и советская политическая полиция КГБ в некотором отношении сами провоцировали активность полуполигальных групп националистов, стремясь натравить их на либеральную советскую интеллигенцию. В какой-то мере эта задача была выполнена: травлю так называемой буржуазной интеллигенции с националистических позиций активно вел «литературно-патриотический» кружок «Радонежцы», куда вошли писатели националистического толка: Иван Шевцов, Игорь Кобзев, Феликс Чуев и др. С 1963 года журнал «Молодая гвардия», а с 1968-го журнал «Наш современник» становятся легальными органами русского антилиберального «почвенничества», а фактически — русской националистической мысли. Эти журналы и сотрудничавшие с ними писатели (Станислав Куняев, Владимир Солоухин, Вадим Кожин и др.) рассматривались властями как идейные попутчики, действия которых должны быть ограничены рамками цензуры и нормами государственной идеологии.

Однако на этой волне стали возможны, в той или иной форме, отдельные выступления и действительно оппозиционных националистически ориентированных деятелей искусства и науки, таких как писатель Александр Солженицын, историк Лев Гумилев, математик и публицист Игорь Шафаревич. КГБ не сразу применило к ним репрессии, пытаясь, возможно, разжечь конфронтацию между двумя лагерями

---

¹ См.: *Фоменков А. А.* Русский национальный проект: русские националисты в 1960-е — первой половине 1990-х годов. Нижний Новгород: Экспринт, 2010.

диссидентов: русскими националистами, с одной стороны, и западниками-либералами — с другой. Но в советское время такая конфронтация если и возникала, то проявлялась сравнительно незаметно и в основном проходила в форме корректных дискуссий на страницах зарубежных изданий¹. *Общее неприятие советскими диссидентами тоталитаризма было сильнее их разногласий и блокировало последние.* Примером может служить сотрудничество И. Шафаревича, получившего позднее широкую известность как фанатичный проповедник антисемитизма, с Михаилом (Мэликом) Агурским, ставшим в конце 1980-х годов видным деятелем сионистского движения. В 1974 году в Москве они оба, совместно с А. Солженицыным и др., участвовали в подготовке подпольного (в так называемом самиздате) сборника анти-советских публицистических статей «Из-под глыб», ставшего одним из символов совместной активности разных слоев диссидентского движения. Можно привести множество примеров взаимной поддержки диссидентов разных взглядов в советское время, а вот уже *после распада СССР проявились не только идейные, но и острые политические разногласия между разными течениями бывших диссидентов.*

В среде русских националистов, в свою очередь, выделились три основных течения: левые имперские националисты (КПРФ во главе с Г. Зюгановым и впоследствии отколовшиеся от нее более мелкие и более радикальные левые группировки во главе с такими лидерами, как Виктор Ампилов, Алексей Подберезкин и Сергей Бабурин); правые имперские националисты (ЛДПР Владимира Жириновского и Международное Евразийское движение во главе с Александром Дугиным); традиционалисты-почвенники, выдвигавшие идею этнически чистого русского государства (в 2000-е

---

¹ Так, на страницах американского журнала The New York Review of Books писатель-западник Андрей Синявский подверг критике взгляды другого диссидента, также репрессированного в свое время советским властями, как и он сам, Александра Солженицына за национализм (Solzhenitsyn and Russian Nationalism: An Interview with Andrei Sinyavsky // The New York Review of Books. 22.11.1979. URL: <http://www.nybooks.com/articles/1979/11/22/solzhenitsyn-and-russian-nationalism-an-interview->).

годы радикальные расистские взгляды этого направления представляли, например, Александр Севастьянов и Борис Миронов — сопредседатели Национально-державной партии, а также депутат от партии «Родина» Андрей Савельев)¹. В целом же конфигурация как новых политических союзов, так и линий противостояния оказалась весьма неожиданной.

На первый взгляд, кажется парадоксальным тот факт, что в начале 1990-х наибольшая часть новых организаций русских националистов вступила в союз с коммунистами; более того, с самым консервативным их крылом — убежденными сталинистами, наследниками тех, кто репрессировал их единомышленников и последовательно замещал понятие «русский» понятием «советский». Некоторые исследователи полагают, что это был выбор по принципу меньшего зла. В начале 1990-х нужно было либо принять лозунг «Назад в СССР», либо другой — «Вперед на Запад». Следовательно, приходилось солидаризироваться либо со сталинизмом, либо с прозападным либерализмом. И значительная часть русских националистов выбрали сталинизм². Такой выбор, на наш взгляд, был естественным для идейных наследников «Черной сотни». Только для них Сталин был не столько лидером коммунистов, сколько имперским правителем. Сталин, как и черносотенцы, был радикальным антизападником. И наконец, именно Сталин был инициатором государственного советского антисемитизма, что также было весьма значимо и ценно для ксенофобов, русских националистов черносотенного толка. Именно такого рода русские националисты первыми появились на политической сцене России на закате Советского Союза и в первые постсоветские годы, создавая политические партии, движения, фронты и т.д. или вливаясь в них.

Итак, после периода запрета и репрессий в советские годы имперский и ксенофобный русский национализм возродился вновь в 1990-е уже в постсоветской России. Первоначально

---

¹ См. подробнее: *Малахов В. С.* Современный русский национализм // Он же. Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии, 2006. (URL: <http://iphras.ru/page50523858.htm>).

² См.: *Новиков С. В.* Русские националисты: между либерализмом и коммунизмом // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 263.

он выступал как оппозиционная политическая сила, противостоящая официально провозглашаемым идеям модернизации, либерализма, федерализма и толерантности. Однако уже с начала 2000-х годов имперский национализм разного толка превращается в политического попутчика российской власти, со временем ставшей все больше прибегать к возбуждению искусственного традиционализма и болезненного патриотизма перед лицом зачастую мнимых внешних угроз независимости страны и ее самостоятельному развитию.

Интерес к традиционализму проявляла уже администрация первого президента России Бориса Ельцина. При нем вернулись в качестве государственных символов и имперский двуглавый орел на государственном гербе, и дореволюционный триколор в качестве государственного флага. Постоянными стали публичные манифестации религиозности новой власти и многочисленные фотографии президента вместе с патриархом Русской православной церкви. И все же Ельцин не столько стремился повысить свой рейтинг опорой на набирающий популярность традиционализм, сколько хотел противопоставить исторически традиционные, царские символы «искусственным» коммунистическим¹. Возрождение православной церкви, разрушенной большевиками, также должно было, по мысли Ельцина, символизировать его стратегическую линию возврата России в естественную историю, прерванную коммунистическим переворотом. Ельцин проводил политику «возвращения России в Европу», а его преемник Владимир Путин возродил сталинскую политику «осажденной крепости», антизападническую риторику холодной войны и шпиономанию. Ельцин символизировал разрыв России с тоталитаризмом; при Путине же российские власти рассылали ноты протеста ОБСЕ и тем европейским странам, которые признали сталинизм и гитлеризм равно недопустимыми формами тоталитаризма². Ельцин подчер-

¹ См.: Паин Э. А. О реверсивных процессах в развитии постсоветской России // TERRA ECONOMICUS. 2015. Т. 13. № 3. С. 101.

² Так, в ответ на принятие Парламентской ассамблеей ОБСЕ резолюции «Воссоединение разъединенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» в июле 2009 года официальные

квивал антиимперский характер своей политики, а при Путине доминирующей линией политики России стало «великодержавие», то есть фактически культ империи, поддержание которого опирается на пропагандистскую мобилизацию этнического большинства.

Политика государственного имперского национализма в постсоветское время развивалась скачками. Первым из них была Мюнхенская речь Путина, произнесенная им на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года и расцениваемая большинством политиков и аналитиков на Западе как вызов и начало конфронтации¹. Затем последовала война в Грузии августа 2008 года как своего рода «подтверждение» решительности России проводить новый, «державный» курс во внешней политике. Присоединение Крыма и поддержка Россией сепаратистов в военных действиях на Донбассе с 2014 года резко усилили конфронтацию. Наконец, российская военная операция в Сирии с 2015 года поставила Россию и США на грань прямого военного столкновения.

Каждый новый виток нарастания конфронтации с Западом усиливает жесткость высказываний российских политиков, при этом даже дипломаты апеллируют больше к эмоциям российской аудитории, чем к международной общественности. Так, сирийский кризис подтолкнул главу МИД России Сергея Лаврова обратиться к этническим страхам россиян, которых он пугает американской русофобией². Одновременно возрождается, как в годы сталинизма, риторика об особых культурных достоинствах и преимуществах этнических русских: после Крыма и Сирии возвеличивается

представители российской власти сделали ряд заявлений о попытках «извернуть историю» и об усилении «антироссийской пропаганды» в Европе. См.: МИД России выступил против сравнения сталинизма с нацизмом // BBC. 09.07.2009. (URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2009/07/090709_mid_osce_resolution.shtml).

¹ См., напр.: *Katz M. N.* Policy Watch: Putin's Munich Speech // UPI. 16.02.2007. (URL: http://www.upi.com/Business_News/Security-Industry/2007/02/16/Policy-Watch-Putins-Munich-speech/UPI-46031171640298).

² См.: Лавров обвиняет США в агрессивной русофобии // Известия. 09.10.2016. (URL: <http://izvestia.ru/news/637177>).

их воинственность. Кремлевский эксперт Сергей Караганов говорит: «Русские не любят торговаться, бизнес также не их конек. Но зато они превосходные бойцы (outstanding fighters)»¹.

Попытки российских властей обособиться от мира с помощью демонизации врагов и показного восхваления русских неоднократно встречались в российской истории. И всякий раз *официальный национализм приводил к подавлению национализма общественного*. Так было при Николае I и при Сталине и теперь снова возродилось при Путине. Именно с началом его президентства бóльшая часть националистических партий была лишена официальной регистрации, а десятки руководителей этих партий и их региональных отделений были привлечены к уголовной ответственности за разные преступления, иногда и мнимые. Вместе с тем политика либерализации страны всегда приводила к оживлению самодеятельного национализма. Такое оживление было в годы хрущевской оттепели в начале 1960-х, повторилось оно и в годы либерализации последнего лидера СССР Михаила Горбачева. В это время появился народно-патриотический фронт «Память» (основатель — Дмитрий Васильев). Фронт обозначил свою позицию в 1987 году на неформальном московском митинге в поддержку национализма и против горбачевской перестройки. Антилиберальная оппозиционность «Памяти» проявилась и в первые постсоветские годы, но в еще большей мере она была присуща отпочковавшейся от нее ультранационалистической организации «Русское национальное единство» (РНЕ). Обе эти политические организации в октябре 1993 года выступали против администрации Ельцина (многие их члены с оружием в руках) в конфликте российского президента с прокоммунистическими мятежниками из Верховного Совета России. Победу, как известно, одержали сторонники Ельцина, но это не имело негативных

---

¹ “We Are Smarter, Stronger and More Determined”. Interview with Putin Foreign Policy Advisor Sergey Karaganov // Spiegel. 13.07.2016. (URL: <http://www.spiegel.de/international/world/interview-with-putin-foreign-policy-advisor-sergey-karaganov-a-1102629.html>).

последствий для указанных организаций русских националистов. Напротив, в 1995 году «Память» получила легальный статус (была зарегистрирована Министерством юстиции как межрегиональная организация), а РНЕ даже пыталась в 1999 году зарегистрировать своих кандидатов на выборах в Государственную Думу. В 1990-е годы были созданы самые благоприятные за всю историю России условия для общественной и политической самоорганизации населения. Новая российская власть не запрещала и деятельность большей части националистических организаций, хотя именно тогда русские националисты выступали в качестве жесткой оппозиции властям.

Еще один период микролиберализации России возник в 2008–2012 годы, в период мимолетного правления президента Дмитрия Медведева. На волне Манежной площади в декабре 2010 года и затем подъема в России политических протестов в 2011–2012 годах проявились черты нового направления русского национализма, получившего название «национал-демократического» движения. О нем стоит поговорить отдельно.

Короткая жизнь русского «национал-демократического» течения

Попытаемся кратко охарактеризовать это новое течение в национализме¹.

Антиимперский характер нового национализма. Константин Крылов, один из самых популярных теоретиков «нового» национализма, подчеркивал, что сам национализм в России начал зарождаться только тогда, когда перешел от имперских, державных ценностей к идеям защиты общества-нации. Такой переход обозначился, по мнению Крылова, в первом десятилетии XXI века: «Начнем с того, что русский

---

¹ Более подробный анализ этого движения см. в: Паин Э. А. Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // *Общественные науки и современность*. 2015. № 2. С. 54–71.

национализм в собственном смысле слова — явление, по сути, новое. Я отсчитываю его историю примерно с середины двухтысячных»¹. Русский национализм зарождался как имперский, и до конца 1990-х годов в движении, которое, по мысли идеолога, необоснованно называлось русским национализмом, почти «все сводилось к мечтам на тему “как бы нам обустроить империю”». Национал-демократы же исходили из убеждения, что последовательный национализм противоположен имперской идеологии, отстаивающей не народный суверенитет, а суверенитет правителя. Национализм, как отмечал Крылов, «считает, что государство — ценность вторичная. Страна существует для народа, а не народ для страны»².

Антисоветизм. Отказ от идеи империи, переосмысление роли государства и общества привели немалую часть русских националистов и к переоценке сталинизма, который русские националисты 1990-х годов выдвигали в качестве своего знамени. Именно Сталин, по их мнению, «собрал русские земли» и необъятно расширил территорию империи русских. «Когда советское государство развалилось, — писал Крылов, — все идейно русские силы выступили на стороне коммунистов. И в результате они не смогли выжать из себя ничего кроме “красно-коричневого синтеза”», что, по мнению идеолога «подлинного национализма», и привело его к краху. К 2010 году ситуация радикально изменилась, и часть русских националистов выдвинула совершенно новую для себя идею: «Национализм и демократия — это практически одно и то же»³.

Оппозиционность властям. Первым признаком того, что позднее назовут «демократическим поворотом» русского национализма, стало формирование в его недрах «антисоветской платформы». Одним из ярких проявлений этого процесса было создание отдельной антисоветской колонны

---

¹ Константин Крылов: Лучшие демократы получают из бывших фашистов // LiveJournal. 11.05.2010. (URL: <http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.html>).

² Там же.

³ Там же.

на «Русском марше» 2012 года¹. После этого многие националистические лидеры все чаще в своих выступлениях стали открещиваться не только от сталинизма, но и от авторитаризма как политической модели. Примечательной особенностью нового русского национализма стала его демонстративная оппозиционность по отношению к действующей власти. Обвинения в ее адрес выдвигали почти все его идеологи, и сводились эти обвинения к упрекам в целенаправленном подавлении русского национального движения, а то и всей русской нации, в невнимании к проблемам русского большинства, в нежелании властей бороться с наплывом мигрантов в крупные города. Подобные упреки выдвигались русскими националистами и в 1990-е, но тогда эти обвинения не связывались с требованиями демократизации, тогда как к концу 2000-х годов впервые появились признаки такого сочетания. Представители национал-демократической оппозиции стали появляться и выступать на оппозиционных митингах. Так, в Москве на митингах «за честные выборы» в 2011–2013 годах участвовали лидеры Национал-демократической партии Константин Крылов, Владимир Тор, Ростислав Антонов, Александр Храмов и др. Еще более определенно идеи национал-демократии отстаивали идеологи Национал-демократического альянса (НДА) Алексей Широпаев и Илья Лазаренко. Признаки национал-демократии прослеживались и в публичных выступлениях Валерия Соловья — лидера партии «Новая сила».

На стыке национал-демократии и противоположной ей державно-имперской модели национализма формировались идеи Егора Просвирнина — создателя и действующего лидера модного националистического интернет-проекта Sputnik & Pogrom². Просвирнин — одна из самых противоречивых фигур в рядах русских националистов. В своих программных текстах от 2010–2012 годов он яростно критиковал

---

¹ См.: Манифест антисоветской колонны на Русском марше—2012 // Легитимист. 01.09.2012. (URL: <http://legitimist.ru/sight/politics/2012/09/manifest-antisovetskoj-kolonnyi-na.html>).

² См.: Sputnik & Pogrom: Официальный сайт. (URL: <http://sputnikipogrom.com>).

советский коммунистический режим, метафорически сравнивая его с ночью («посреди ясного русского дня внезапно наступила черная коммунистическая ночь»¹), и уделял большое внимание необходимости демократических перемен на благо этнических русских: «Своим идеалом мы видим русское национальное демократическое правовое государство, с экономической жизнью, построенной на началах законности и свободной конкуренции»². Все это сближало Просвирнина с национал-демократическим течением в русском национализме. Вместе с тем антилиберальная риторика большинства текстов Sputnik & Pogrom, сквозившая в них идея территориального реванша и экспансии постоянно выдавали идейное родство Просвирнина с идеологией основной массы имперских националистов.

Особенно рельефно различия между традиционными советско-имперскими и новыми русскими националистами, представителями национал-демократического крыла, проявились зимой 2013/14 года в период второго украинского Майдана. В это время значительная часть национал-демократов в той или иной мере поддержала протестующих в Киеве и других городах Украины. Наиболее последовательной была позиция НДА. Лидер этой организации Алексей Широпаев назвал события в Киеве «антиколониальной, демократической, европейской (в плане цивилизационного вектора)» революцией³. С большей осторожностью оценивали Майдан русские националисты, группирующиеся вокруг Национал-демократической партии (НДП), но и они не скрывали своей поддержки протестующих в Украине. Однако после присоединения Крыма к России оппозиция из числа русских националистов стала быстро уменьшаться. Например, Егор Просвирнин, недавний едкий критик власти, не скрывал

¹ Молитва русского // Sputnik & Pogrom. 11.08.2012. (URL: <http://sputnikpogrom.com/russia/1011/russianpraying>).

² Ценности «Спутника и погрома» // Sputnik & Pogrom. (URL: <http://sputnikpogrom.com/mustread/12442/sp-values/#.WAzaEuB97IU>).

³ Широпаев А. Об Украине и исторических связях // Русская Фабула. 31.01.2014. (URL: <https://rufabula.com/articles/2014/01/31/about-ukraine-and-historical-ties>).

поддержки ее действий в Крыму и радостно приветствовал вхождение полуострова в состав России. Изменение своей позиции он прокомментировал в одном из текстов на сайте: «И то, что Путин после десятилетий сдачи русских интересов везде и всюду вдруг вспомнил, что Крым — русская земля, вообще-то хорошо. <...> Ругать Путина за то, что он начал выполнять часть нашей программы, как минимум странно»¹.

Угасание русской национал-демократии. После присоединения Крыма к России оказалось, что преодолеть имперские стереотипы не удалось даже национал-демократической элите русских националистов, во всяком случае подавляющей ее части. Русский национализм утратил свою временную оппозиционность власти. В его рядах возросла популярность президента Путина и «великого вождя народов» Сталина. Однако такой поворот вовсе не означает возрождения левого просталинского национализма 1990-х годов. После 2014 года русский национализм в целом стал частью единой и внутренне слабо дифференцированной массы сторонников идеи великой державы, испытывающих большой эмоциональный подъем и гордость за действия российских вооруженных сил в Крыму, на Донбассе, в Сирии. В среде русских националистов значительно усилились и антизападные настроения. В результате такого идейного растворения в общем потоке агрессивного патриотизма *русский национализм потерял идейное своеобразие*, свой особый предмет политической активности и по этой причине *утратил идейную основу для консолидации даже своих бывших сторонников*.

Сергей Простаков проанализировал активность (февраль — начало марта 2016 года) националистической интернет-группы «Я русский» (http://vk.com/yarussskiy_org), существующей в социальной сети «ВКонтакте» и насчитывавшей на тот момент около 240 тыс. участников. «Это одно из крупнейших и старейших русских националистических объединений в Интернете. Риторика и тематика группы являются

---

¹ *Просвирнин Е.* Зачем «Спутник и Погром» проданся Кремлю? // Sputnik & Pogrom. 28.02.2014. (URL: <http://sputnikpogrom.com/russia/9581/lets-work-for-our-supreme-leader-putin/#.WAZboOB97IU>).

во многом мейнстримом для всего русского национализма»¹. Анализ показал следующее.

1. *Значительно снизилась активность посетителей этой группы* — количество сообщений сократилось более чем вдвое по сравнению с аналогичными периодами в прошлом.
2. *Был утерян специфический предмет обсуждений* — ныне он мало чем отличается от того, что наблюдается вне идеологических интернет-сообществ и в тех социальных медиа, которые не причисляют себя к националистическим. Из 60 проанализированных сообщений в этом сообществе 43 (72%) были посвящены темам, не имеющим ни малейших признаков националистической специфики, но весьма характерным для нынешнего общественного дискурса в России. Обсуждались: конфликт в Украине, мнимые, но с надеждой ожидаемые многими российскими гражданами экономические проблемы в США (в частности, рост государственного долга этой страны), политическая активность Дональда Трампа (на тот момент еще кандидата в президенты США), которому националисты, как и прочие сторонники Путина, симпатизируют. В субботу 27 февраля 2016 года националисты отмечали в качестве радостного праздника День Сил специальных операций ВС РФ (официально введен Указом Президента РФ от 26 февраля 2015 года № 103 как профессиональный праздник), который в данной группе, как и в широком российском обиходе, называют «Днем вежливых людей» — «героев-покорителей» Крыма. Националисты восхищаются ими и демонстрируют по этому случаю высокий подъем своих государственно-патриотических эмоций. Стоит напомнить, что именно «бурное патриотическое настроение воинственного характера» некогда (например, в словаре Брокгауза и Эфрона) называлось великодержавным шовинизмом. Вместе с тем такой подъем великодержавных эмоций у русских националистов проявляется ничуть не

---

¹ Простаков С. Русский национализм в интернет-зеркале // Открытая Россия. 06.03.2016. (URL: <https://openrussia.org/post/view/13316>).

сильнее, чем у других сторонников лозунга «Крым наш», не называющих себя националистами. На фоне этих доминирующих настроений совсем потерялось единственное за месяц сообщение, связанное с Кавказом, в котором рассказывалось о сотрудничестве чеченцев с нацистской Германией во время Второй мировой войны. Между тем еще в 2014 году подобный сюжет, несомненно, был бы одним из самых обсуждаемых в данной интернет-группе, поскольку тогда лозунг «Долой Кавказ» (вместе с лозунгом «Россия для русских») был важнейшим в идейной мобилизации русских националистов. В тот период именно эта тематика была для них характерна и выделяла их в общей массе интернет-пользователей¹.

3. *Эпизодически появляются стандартные стимулы для оживления русского национализма.* Прежде всего это этнические и религиозные фобии, основной источник которых — мигранты. Событие, вызвавшее рекордное число сообщений в этой группе «ВКонтакте» (16 за один день), произошло 29 февраля 2016 года, когда в Москве няня из Узбекистана убила порученного ей ребенка и принесла его голову к станции метро «Октябрьское Поле». Сам факт того, что иррационально жестоким убийцей оказалась женщина-узбечка, которая к тому же выкрикивала исламистские лозунги, объясняет повышенное внимание к этому событию русских националистов. В комментариях по этому поводу ими была отброшена демонстративная лояльность по отношению к властям. Больше всего упреков досталось от них контролируемому государством телевидению, не сообщившему стране о произошедшей в Москве трагедии и о жестокости «азиатских мигрантов». Однако уже через пару дней эта трагедия перестала обсуждаться и в националистических интернет-сообществах.

Вероятность повторения эксцессов, конфликтных ситуаций с участием мигрантов в России велика, соответственно

---

¹ См.: Простаков С. А. Национализм 2.0: попутчики империи // Интернет и идеологические движения в России. С. 106—120.

и новый подъем негативной консолидации русских националистов против мигрантов вполне возможен. Тем не менее пока ситуация иная, и есть основания констатировать, что в России наблюдается *один из самых низких за все постсоветские годы уровень проявления не только гражданской, но и этнической солидарности русских националистов.*

Этот вывод хорошо согласуется с общими тенденциями изменений в массовом сознании жителей России в посткрымскую эпоху. Во-первых, происходит переключение интересов масс с традиционных внутренних проблем страны, в том числе и этнических, на «более важные» государственные вопросы — присоединение Крыма, конфликт в Донбассе, а также «происки Запада», связанные с Украиной¹. Во-вторых, это изменение структуры этнических фобий. Так, наиболее характерные для постсоветского времени фобии в отношении представителей народов Кавказа и Центральной Азии несколько ослабли, зато в разряд «чужих» стали попадать представители этнических общностей, которые традиционно русскими людьми считались «своими» и «близкими». Социологи «Левада-Центра» зафиксировали в 2014–2015 годах самый низкий за последние пять лет уровень неприязни жителей России к представителям других национальностей. Такую враждебность ощущали («очень часто» и «довольно часто» в сумме) 13% опрошенных в 2015-м и 14% в 2014 году, тогда как во все предыдущие годы начиная с 2010-го показатели были выше — на уровне 19–20%². Вместе с тем на фоне относительного уменьшения признаков абстрактной этнофобии россиян к «другим национальностям» бросается в глаза взлет их негативного отношения к украинцам, которых еще недавно россияне (более 80% опрошенных составляют этнические русские) называли «братьями» или «такими же русскими, как мы». Об этом можно судить по изменению доли респондентов, выразивших самую радикальную фор-

¹ Результаты опросов общественного мнения на этот счет см. в: Общественное мнение — 2015. С. 217–257. (Разделы: 24 — «Украина», 25 — «Санкции Европы и США», 26.2 — «Россия и Запад».)

² См.: Там же. С. 195.

му этнической неприязни и ответивших положительно на вопрос «Следует ли ограничить проживание в России людям следующих национальностей?». Применительно к украинцам доля положительных ответов быстро росла: 1% респондентов в начале 2014 года, 8% в конце того же года и 14% — в 2015 году¹. Еще один пример того, как этатистские, имперские настроения подавляют не только слабые в России гражданские ценности, но даже и прочно устоявшиеся этнические стереотипы.

Важно отметить и другое обстоятельство: даже в тех случаях, когда этнические стереотипы, предрассудки и фобии переполняют сознание какой-то части русских людей, это редко приводит их к поддержке самостоятельных, самоорганизующихся групп националистов. Последние кажутся либо хулиганами, экстремистами, либо просто ненадежными партнерами. Но одновременно эти же люди готовы принять идеи русского шовинизма, если они исходят от государства. Александр Верховский ссылается на социологические опросы, которые показывают, что большинство респондентов выступают за запрет известных им националистических движений (РНЕ, скинхеды и др.) потому, что они не связаны с государством. В то же время опрошенные хорошо отзывались о поддерживаемых государством националистах, например о русских казаках. «Следовательно, — считает А. Верховский, — средний российский гражданин по-прежнему связывает свои надежды с властью — именно она должна решать все вопросы, в том числе именно она обязана выгнать мигрантов»².

---

¹ См.: Общественное мнение — 2015. С. 198.

² Кузьменко В. Русский фарш. Как появились и куда идут российские националисты (интервью с А. Верховским, директором центра «Сова») // Лента.ру. 20.04.2016. (URL: <https://lenta.ru/articles/2016/04/20/nationalism>).

ГЛАВА 7. ИМПЕРСКИЙ СИНДРОМ ВЗАМЕН НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ¹

Инерционные факторы, подавляющие национально-гражданское самосознание

Мировая история дает немало примеров так называемых *reverse waves* (обратных волн), или эпох попятных движений, политической реакции². При этом трансформация общественных представлений о нации и реальный опыт становления государств-наций в истории разных стран хорошо демонстрирует нелинейный и зачастую обратимый характер данного процесса.

Гражданская трактовка идеи нации вытеснялась этнической и державно-имперской не только в России, хотя последовательность наступления этнической и имперской парадигм на гражданскую были неодинаковыми в разных обществах. Так, во Франции либерально-гражданская трактовка нации, проявившаяся в конце XVIII века, через 100 лет была вытеснена другими трактовками национализма — этническими (в частности, усилиями таких интеллектуалов, как Морис Баррес)³ и традиционалистски-монархическими (по мысли Шарля Моррасса). В Германии идея гражданского либерального национализма, пришедшая из Франции, долгое время встречала упорное сопротивление со стороны местных идеологий — этнического национализма и имперского этатизма. Немецкий этнический национализм сформировался под

¹ Впервые концепция «имперского синдрома» была изложена Эмилем Паином в 2004 году и затем развивалась в его работах. См. подробнее: Паин Э. А. Между империей и нацией. М.: Новое издательство, 2004; Он же. Россия между империей и нацией... С. 42—59; Он же. От федерализма к цивилизационному национализму: дрейф этнополитической проблематики // Казанский федералист. 2012. № 2 (28). С. 29—42.

² См.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003 [1991].

³ См.: Национализм в мировой истории. С. 7.

влиянием философии немецкого романтизма, и прежде всего идей «народного духа» Иоганна Гердера. Эта концепция предполагала, что у каждого народа существует естественный, природный генетический комплекс особенностей, навечно определяющих судьбу нации как этнического сообщества. По мнению Э. Хобсбаума, такая идея была важна для немцев в период объединения Германии, поскольку противостояла тому, что историк назвал «племенным сознанием» (саксонским, швабским, баварским, прусским и др.), сложившимся в немецких княжествах¹. В это же время у немцев развивалась и мечта о едином государстве-империи — Рейхе (Reich). Исследователи показывают, что в Германии с XV века было известно слово *Staat*, восходящее к латинскому *status* (в английском — *state*). Однако термин *Staat* чаще использовали для обозначения социального статуса или сословия². С момента образования в 1871 году единого немецкого государства оно официально называлось Германская империя (*Deutsches Reich*). Лишь после краха гитлеровского Третьего рейха государство в законодательных актах Германии стали именовать словом *Staat* — этим было продемонстрировано, что новый демократический режим ФРГ опирается на верховенство закона (*statute*), а не на волю императора или вождя.

Немецкие трактовки этничности, и прежде всего фатализм в определении «судьбы народа», и немецкая же мифология империи на протяжении нескольких веков оказывали заметное влияние на российских производителей смыслов. Граф Уваров в немалой мере опирался на немецких романтиков, верстая российский вариант идеи «официальной народности»³ (в немецком варианте можно было бы сказать

¹ См.: *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность. С. 50.

² См.: *Кастель Е. Р.* Федерализм и становление буржуазного государства в Германии, 1815 — середина 1860-х гг. // *Правоведение.* 1992. № 4. С. 69—75.

³ См.: *Вортман Р.* «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века; *Майофис М.* От идеи «единой Европы» к идее «особого пути»: С. С. Уваров в 1818—1821 гг. // *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, сущность, последствия* / Под ред. Э. А. Панина. М.: Три квадрата, 2010. С. 49—69.

«рейх-народности»). И в современной России укорененность этатизма и имперских сантиментов в массовом сознании россиян, и прежде всего в среде этнического большинства населения — русских, выступает существенным препятствием на пути становления гражданской нации. Это признают и теоретики русского национализма. Несколько лет назад К. Крылов отмечал, что «освобождение русского национализма от имперской идеологии происходит труднее всего и в самую последнюю очередь»¹. Посткрымская Россия показала, что вместо освобождения пока наблюдается рост влияния имперской идеологии среди участников националистических движений. Возможно, в какой-то мере это связано с тем, что у этнических русских (социальной базы русских националистов) государственная идентичность исторически устойчиво превалирует (если рассматривать статистическое большинство представителей этого сообщества) над национальной в любом ее понимании. Об этом свидетельствуют этносоциологические исследования, проведенные в 1980-е, 1990-е и 2000-е годы несколькими коллективами ученых-этносоциологов под руководством Ю. Арутюняна (1980–90-е) и Л. Дробижевой (1990–2000-е годы).

На закате советской эпохи, в 1988 году, когда в ряде союзных республик растущий этноцентризм стал получать политическое оформление, а в балтийских республиках уже появились «национальные фронты», большинство этнических русских все еще демонстрировали полное доминирование в сознании территориально-государственной идентичности над этнической. Тогда, по данным социологических опросов Института этнологии и антропологии РАН, 78% респондентов признавали себя «советскими» и только 15% называли себя русскими, в то время как у выбранных для сравнения групп (узбеков, грузин и эстонцев) этническая идентичность преобладала над «советской»². Те же исследования показали значительно меньшее внимание русских к своей

¹ Константин Крылов: Лучшие демократы получают из бывших фашистов.

² См.: Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Наука, 1999. С. 165.

национальной культуре и истории. Например, отвечая на вопрос о наиболее важных проблемах, на которые следует обратить внимание, не более 10% русских, проживавших в республиках (и существенно меньше в среде русских, проживавших в своей этнической среде в Российской Федерации), назвали «развитие своей национальной культуры», тогда как у узбеков, грузин и эстонцев важность такого развития признавали от 30 до 50% опрошенных¹. Меньший интерес русские респонденты проявляли и в отношении к литературе о прошлом своей этнической группы, к идее общности исторических судеб как фактора этнического сплочения, национальной символике и ряду других тем, используемых социологами в качестве индикаторов этнокультурной идентичности².

В первые постсоветские годы (1991–1993) рост этнического самосознания и этнического традиционализма охватил уже и Российскую Федерацию. Элиты и народные массы всех российских республик (Башкирия, Татарстан, Дагестан и др.) продемонстрировали в это время так называемый парад суверенитетов — стремление к большей автономии, ссылаясь при этом на свои национальные (этнические) особенности. В Чечне национальное движение провозгласило выход из состава России. Однако и в этих условиях самоидентификация русских мало изменилась по сравнению с советскими годами: более 80% русских демонстрировали этнический нигилизм, безразличие, подчеркивая в опросном листе подсказку «Я никогда не задумывался, какой я национальности». Лишь 8% указывали: «Я никогда не забываю, что я русский»³. В 1994–1996 годах отмечался пик роста этнического самосознания большинства народов Российской Федерации. Многочисленные этнические конфликты, развивавшиеся в эти годы, этнический сепаратизм и так называемая чеченская война — все это не могло не стимулировать роста этническо-

¹ См.: Русские: Этносоциологические очерки / Под ред. Ю. В. Арутюняна. М.: Наука, 1992. С. 399.

² См.: Там же. С. 399–400.

³ Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 185.

го самосознания русских. Такой подъем был зафиксирован в ряде социологических исследований, хотя и в это время явно выраженная этническая идентичность («Я никогда не забываю, что я русский») проявлялась не более чем у четверти опрошенных русских, тогда как в среде других исследованных групп в России (башкир, татар, осетин и якутов) этот подъем охватывал свыше половины, а у осетин — две трети респондентов¹. При этом рост этнического самосознания русских в значительной мере стал ответом на предшествовавшее возбуждение этнических меньшинств, поэтому к концу 1990-х годов, когда этнополитический подъем стал спадать у большинства этнических групп России, у этнических русских полностью восстановилось доминирующее государственно-территориальное самосознание. Так, в 1999 году 79% опрошенных русских определяли себя как граждане России, в то время как, например, среди опрошенных якутов такая идентификация, по исследованиям 1994 и 1999 годов, была характерна менее чем для 20% респондентов².

У этнического большинства России развивается не этнический, а государственный, державный традиционализм — ощущение гордости за принадлежность к государству с тысячелетней историей, в котором главные события связаны с военными победами и завоеванием новых территорий. Об этом можно судить по устойчивому пантеону героев, в котором в опросах первой декады 2000-х доминировали цари, вожди и полководцы: Петр I, Александр Невский, Дмитрий Донской, Екатерина II, Иван Грозный, Иосиф Сталин, Георгий Жуков. Лишь космонавт Юрий Гагарин, попавший в десятку наиболее популярных деятелей России, нарушал эту стройную колонну державных героев в историческом сознании россиян. (С другой стороны, еще в официальной советской мифологии полет Гагарина рассматривался и как победа Советского государства, и как первый шаг к покорению космического пространства.) В качестве ключевого

¹ См.: Паин Э. А. Этнополитический маятник. С. 185.

² См.: Российская идентичность в Москве и в регионах / Под ред. Л. М. Дробжевой. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 32.

события истории в оценках русских людей бесспорно, с большим отрывом, выделяется Великая Отечественная война¹. В таких оценках проявилась одна из особенностей русского национального сознания, отличающая его, например, от коллективных представлений немцев. Если немецкое общество, породившее германский тоталитаризм, ныне связывает его с национальной катастрофой, поражением в войне, то русское общество под воздействием пропагандистских усилий оказалось способным связать со сталинским тоталитарным режимом великую победу над фашизмом.

В то же время преобладание национально-государственной идентификации над этнической нельзя назвать сугубо русской особенностью — многие народы, являвшиеся этническим большинством на территории центров империй, характеризуются именно таким типом идентичности. У англичан территориально-государственная британская идентичность выражена намного сильнее, чем у ирландцев, шотландцев и уэльсцев, у которых этническая идентичность выступает во многом как антитеза британской, до сих пор воспринимаемой как идентичность имперская². В Испании этническое большинство, кастильцы (*castellanos*), пожертвовало своим этнонимом и аналогичным названием языка в пользу общегосударственных названий (испанцы — *españoles*). По мнению экспертов, преимущественно территориально-государственная идентичность испанцев контрастирует с заметным преобладанием этнической идентичности у этнических меньшинств Испании, например у басков³. Во Франции внеэтнические идентичности (гражданская, государственная и индивидуалистическая) исторически преобладали над этнической, хотя взрывы этниче-

¹ См. обзор социологических исследований конца 1990-х — начала 2000-х годов на эту тему: Горкунова О. С. Массовое историческое сознание россиян рубежа XX—XXI вв. // Вестник Адыгейского государств. ун-та. 2014. № 2 (139). С. 64—70.

² См.: Липкин М. А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории. С. 122—143.

³ См.: Кожановский А. Н. Испанский случай: этнические волны и региональные утесы // Национализм в мировой истории. С. 241.

ских фобий проявлялись и в этой стране, например в конце XIX века после поражения во Франко-прусской войне. В начале 2000-х во французском обществе усилились этнические фобии по отношению к новому врагу — иммигрантам, точнее иммигрантам-неевропейцам, «мусульманам». Это несколько усилило этническую самоидентификацию значительной части французов, которая тем не менее по-прежнему характеризуется следующими чертами: во-первых, этническая идентичность не стала у них доминирующей; во-вторых, их этническое самосознание выглядит заметно слабее в сравнении с этническим самосознанием корсиканцев, французских басков, французских каталонцев и многих других этнических и региональных меньшинств Франции¹.

Все указанные различия в самоидентификации этнического большинства и меньшинств хорошо объяснимы самой природой этого типа идентификации, которая актуализируется только при соотнесении образов «мы» и «они». Для меньшинств, проживающих в окружении этнического большинства, последнее всегда выступает «конституирующим иным». Большинство же замечает меньшинства лишь в некоторых случаях: когда возникают этнические конфликты и другие эксцессы, когда заметно увеличивается численность меньшинств или, например, когда на территории страны в результате миграций появляются новые меньшинства. Этническая идентичность, как правило, носит непостоянный характер, временами то возрастая, то ослабевая, и эта неустойчивость этнического самосознания особенно характерна для этнического большинства населения любой страны.

Возвращение к имперской политике в России

Если этническая идентичность может быстро воспламениться и гаснуть, то формирование национально-гражданского самосознания — это тяжелый, длительный процесс,

---

¹ См.: Филиппова Е. И. Что такое Франция? Кто такие французы // Национализм в мировой истории. С. 203—210.

растягивающийся порой на несколько веков. Об этом мы уже говорили в первой части настоящей книги.

Однако слабее всего, наименее устойчиво национально-гражданское самосознание в тех обществах, которые неоднократно испытывали на себе периоды отката от процесса демократизации. Реверсивные процессы весьма характерны для истории России. Алгоритм этого исторического бега по кругу для российских реформ XIX и XX веков удачно сформулировал историк А. Кара-Мурза. Реформа начинается со стремления «сблизиться с цивилизацией Запада — далее реформа “пробуксовывает”, обрастает “издержками”, постепенно приобретает черты псевдореформы — и, наконец, на волне ностальгии по былому имперскому могуществу и, пусть условному, социальному единству и идентификационной ясности на авансцену выходят жесткие государственники-реставраторы и крайние националисты»¹.

Вот и в начале XXI столетия в России наблюдается все та же логика возвратных процессов. Эпоха Горбачева и Ельцина (конец 1980-х — начало 1990-х годов) ознаменовалась стремлением России вновь сблизиться с Западом, как тогда говорили «вернуться в семью цивилизованных народов»². С конца 1990-х, с фактическим приходом к власти Путина, обозначился новый курс. Владимир Путин с самого начала своего лидерства в России и до сегодняшнего дня транслирует идею особого пути России. В 1999 году, когда еще доминировала идея «догнать Запад», Путин, будучи премьер-министром, отстаивал во многом иной подход, подчеркивая уникальность российского варианта развития: «Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем,

¹ *Кара-Мурза А.* Как возможна Россия? М.: Советский спорт, 1999. С. 41.

² Эту формулу в той или иной форме неоднократно использовал президент Ельцин: в 1992 году при объявлении о том, что российские ракеты не будут нацелены на США; в 1993-м при подписании Договора о дружбе с Польшей; наконец, в январе 1994 года, во время визита президента США Клинтона в Россию. Тогда российский лидер заявил, что конфронтация с Западом имела катастрофические последствия для России и необходимо навсегда положить ей конец, вернувшись в «семью цивилизованных народов». См.: *Современные международные отношения / Под. ред. А. В. Торкунова.* М.: РОССПЭН, 1999. С. 56.

США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции. У нас государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа. Крепкое государство для россиянина не аномалия... а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен»¹. Уже в этих словах можно усмотреть ориентацию на обоснование некоего особого пути развития — идеологического конструкта, не раз использовавшегося имперскими режимами в прошлом². Притом Путин говорил это, являясь подчиненным Бориса Ельцина. Став главой государства в 2000 году, он принялся все более открыто развивать идею о цивилизационных различиях между Россией и Западом, ссылаясь, в частности, на философа Ивана Ильина, прямого наследника интеллектуальной традиции поздних славянофилов³.

Наиболее полно идеи российской уникальности (исторической, культурной и политической) отражены в упомянутом выше программном выступлении российского лидера — статье 2012 года под названием «Россия: национальный вопрос». В ней Россия провозглашается «историческим государством» и «полиэтнической цивилизацией», существующей благодаря «единому культурному коду». Суть последнего сводится к мессианской роли русских и созданию самого большого в мире государства. В этих рассуждениях отсутствует слово «империя», как не было его и в официальном советском дискурсе «интернационализма», однако обе идеологемы, очевидно, являются выражением дискурса имперского порядка. Присоединение к России Крыма — это уже не просто открытая установка на пересмотр результатов распада СССР, но практические действия по реализации

¹ Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. (URL: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html).

² О сравнении мифологии «особого пути» в России и Германии — уникальной российской «цивилизации» и немецкого Sonderweg см.: Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия.

³ См. небезынтересный анализ влияния философии И. Ильина и других российских консервативных мыслителей на дискурс и мировоззрение В. Путина в: *Eltchaninoff M.* Dans la tête de Vladimir Poutine. Paris: Solin, Actes Sud, 2015.

данной стратегии. Параллельно и в общественном мнении россиян происходили перемены: нарастала подозрительность к Западу и к демократической системе, якобы чуждой российской культурной почве; усиливались патерналистские настроения, надежды на «мудрого вождя», который защитит и спасет народ в трудную минуту¹.

Как уже отмечалось, поворот к ретроимперской политике в России наметился в самом начале 2000-х годов и тогда же был зафиксирован многими исследователями². Они обращались к феномену имперского наследия в попытках объяснения очередного срыва процесса политической модернизации и неудач демократических преобразований в России. Александр Мотыль, например, отмечал, что основным препятствием на пути к демократизации «России и ее соседей выступают не дурные политики, принимающие глупые решения, а институциональное бремя имперского и тоталитарного прошлого»³. Соглашаясь с автором в признании значимости влияния «имперского наследия» на современное развитие России, подчеркнем и некоторые наши разногласия. На наш взгляд, не имеет смысла противопоставлять «дурную наследственность» «дурным политикам» хотя бы потому, что не только культурная инерция, но и целенаправленная деятельность таких политиков чаще всего приводит к возрождению или оживлению остатков имперского наследия. Кроме того, метафора наследия не дает представления о его содержании. Для этого более информативной, по нашему мнению, является категория *имперский синдром*, включающий три основ-

¹ См.: Дубин Б. Запад для внутреннего потребления // Космополис. 2003. № 1 (3). С. 137.

² Одной из первых была публикация Э. Паина: *Pain E. A. Back to the USSR? New Trends in Russian Regional Policy // Demokratizasiya. Spring 2001. Vol. 9, N 2. P. 143—153.* Чуть позже появились работы других авторов: *Гудков Л. Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М.: Наука, 2002. С. 124—147; Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: МШПИ, 2004 [2001].*

³ *Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. С. 174—175.*

ных элемента — имперский порядок (или имперская власть), имперское тело и имперское сознание.

Имперский порядок — это политический режим империи. «Империя, — отмечает Доминик Ливен, — по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. Власть над многими народами без их на то согласия — вот что отличало все великие империи прошлого и что предполагает все разумные определения этого понятия»¹. Примерно так же трактует империю и Марк Бейссингер, определяя ее как «*нелегитимные* отношения контроля со стороны одного *национального* политического общества над другим»². Егор Гайдар также считал важнейшим свойством имперского государства его политический режим, а именно то, что в нем «*imregium* — государственная власть доминировала в организации ежедневной жизни»³. Формула «власть без согласия народов» необязательно означает, что эта власть основана исключительно на насилии; она лишь показывает, что воля граждан и их ассоциаций, например территориальных сообществ, не имеет значения для функционирования имперского порядка. Власть без согласия народа (или народов) — это суверенитет верховного правителя, олицетворяющего в себе все общество (или «нацию» на языке модерна), в отличие от народного суверенитета в государствах-нациях, создающего «нацию» через политическое участие и гражданскую активность.

Хорошим индикатором имперского порядка является управление провинциями страны с помощью наместников: сатрапов, прокураторов, воевод, назначаемых губернаторов. Создание федеральных округов в России в 2000 году и лишение жителей российских регионов права выбора их руководителей четыре года спустя — это форма восстановления имперского порядка; данное решение было сугубо аппаратным, кабинетным, не опиравшимся ни на легитимные процедуры

¹ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // *Ab Imperio*. 2005. № 1. С. 79.

² Бейссингер М. Переосмысление империи после распада Советского Союза // Там же. № 3. С. 68.

³ Гайдар Е. Т. Гибель империи. С. 18.

(вроде референдума), ни на широкое общественное обсуждение¹. Восстановление управления по типу сатрапий обосновывалось ссылками на национальную русскую традицию, и это был не первый в истории России опыт подобной формы легитимации политических решений. Возвращение к выборам губернаторов в 2012 году не сильно увеличило зависимость глав регионов от населения: они по-прежнему ориентируются не столько на потребности местных жителей, сколько на Кремль, перед которым они чувствуют свою ответственность². В то же время управление, доверенное верховным наместникам (постпредам президента), переводится в ручной режим и приобретает в посткрымскую эпоху чрезвычайный характер³.

Имперская власть нацелена на управление и сохранение *имперского тела* — территории страны, разделенной на слабо интегрированные в культурном отношении регионы, сохраняющие исторические следы колониальных завоеваний и постоянного освоения завоеванных просторов⁴. Помимо вертикальных хозяйственных связей, следы колониальных завоеваний заметны прежде всего в ареалах компактного расселения колонизированных этнических общностей, элиты которых до сих пор оперируют в своем дискурсе оппозицией «мы и Россия», вне зависимости от того, имели ли эти народы в прошлом свою государственность. Впрочем, не только территории с преобладанием этнических меньшинств, но и все так называемые субъекты Российской Федерации, включая

¹ Тогда, на фоне случившегося захвата заложников в школе города Беслан (Северная Осетия), Путин обосновал это решение необходимостью борьбы с терроризмом и укреплением безопасности. См.: Путин объявил о перестройке государства после трагедии в Беслане // NEWSru.com. 13.09.2004. (URL: <http://www.newsru.com/russia/13sep2004/putin.html>).

² См.: Remington T. F., Soboleva I. V., Sobolev A. S., Urnov M. Y. Economic and Social Policy Trade-Offs in the Russian Regions: Evidence from Four Case Studies // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65, N 10. P. 1855—1876.

³ Именно в этой логике в сентябре 2014 года вместо распущенного Министерства регионального развития были созданы структуры по управлению «особыми» территориями — министерства по развитию Дальнего Востока и Северного Кавказа, а также Министерство по делам Крыма (ликвидировано в июле 2015-го).

⁴ См.: Эткнд А. Внутренняя колонизация.

области с преимущественно русским населением, — это фактически части имперского тела. В действительности они лишены своей политической субъектности и объединяются на основе административного принуждения, вертикали власти, а не добровольного согласия и осознанной заинтересованности в интеграции. Имперский принцип удержания территорий канонизирован в российской политике начала XXI века. В своем ежегодном послании Федеральному Собранию президент Путин еще в 2003 году назвал «удержание государства на обширном пространстве» на протяжении тысячелетия историческим подвигом народа¹.

Наконец, *имперское сознание* включает в себя сложный комплекс традиционных стереотипов массового сознания, например подданническое сознание (в терминах Алмонда и Вербы²), сохраняющее устойчивые этатистские ценности («культ личности государства», по выражению поэта Е. Евтушенко³), надежды на «мудрого царя» и «сильную руку», а также имперские амбиции по отношению к внешнему миру.

Элитарные разновидности имперского сознания главным образом связаны с геополитическим эссенциализмом, выражающимся в двух взаимосвязанных представлениях: во-первых, о российской «уникальной цивилизации», навечно сохранившейся в «русской душе»; во-вторых, о постоянной угрозе этой «цивилизации» со стороны «цивилизации Запада». Эта старинная идея, известная с начала XIX века, вновь стала набирать популярность с середины 1990-х в интеллектуальных и околоставных элитарных кругах, приводя их к тем же выводам, что и графа Уварова за полтора столетия до них, а именно: для защиты от внешнего врага нужен сильный правитель — император — и собственная система ценностей, основанная на патернализме и антизападничестве.

¹ Президент России. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Kremlin.ru. 16.05.2003. (URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>).

² См.: Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.

³ Евтушенко Е. Выступление на I Съезде народных депутатов СССР [1989] // YouTube. (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=G7Vy-695Zjc>).

Сегодня концепцию принципиальных различий в интересах и ценностях России и Запада, а также идею необходимости реанимации имперского порядка для отражения «западной угрозы» развивают профессиональные пропагандисты и идеологи, такие как члены Изборского клуба (Виталий Аверьянов, Александр Дугин, Михаил Леонтьев, Наталия Нарочницкая, Николай Стариков, Андрей Фурсов, Максим Шевченко и др.), созданного в 2012 году под председательством Александра Проханова¹.

Элементы имперского синдрома не просто взаимосвязаны, но обеспечивают взаимную устойчивость всей конструкции, выступая условием ее воспроизводства. Вот лишь некоторые варианты такой взаимосвязи. С одной стороны, пока сохраняется имперское тело, живы и страхи его разрушения. Такие страхи приняли наиболее массовый характер после распада СССР. Впрочем, это произошло не сразу, не в 1991 году; страхи «возвращались» из прошлого постепенно, на протяжении всего последнего десятилетия XX века. К этому обстоятельству мы обратимся чуть позже. С другой стороны, пока существуют страхи разрушения или захвата имперского тела внутренними или внешними врагами, воспроизводятся и надежды на «сильную руку» и «мудрого царя». Наконец, размер имперского тела порождает великодержавные амбиции. По мысли неоевразийцев, идеи которых слышны и в речах представителей нынешней политической власти России, не может страна с самым большим «телом» на свете не играть особой геополитической роли в мире, не претендовать на статус великой державы. Знаменитый постулат этой группы идеологов — «географический рельеф как судьба»².

¹ См. подробнее об этой организации и ее идеологии: *Умланд А.* Новые праворадикальные интеллектуальные круги в России: Антиоранжевый комитет, Изборский клуб и клуб «Флориан Гейер» // Неприкосновенный запас. 2014. № 2 (94). (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/2/8u.html>); *Laruelle M.* The Izborsky Club, or the New Conservative Avant-Garde in Russia // *The Russian Review*. October 2016. N 75. P. 626—644.

² *Дугин А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. С. 12.

Существует множество способов активизировать взаимодействие в цепи: имперское тело — имперское сознание — имперская власть. Мы выделим лишь тот аспект этой проблемы, который связан с возрождением имперского сознания. Его устойчивость лишь отчасти обусловлена действием исторической инерции. На наш взгляд, *имперское сознание оживает в политической практике только в том случае, если его сознательно активизируют, реконструируют заинтересованные политические силы*, опирающиеся при этом на благоприятные для себя условия, например усталость народа от реформ.

Целенаправленная реконструкция имперского сознания: этапы и механизмы

Постсоветская Россия может служить наглядным примером того, как обществу буквально навязывалось имперское сознание. В 1992—1994 годах на политической сцене России уже появились политические силы, которые А. Кара-Мурза назвал «жесткими государственниками-реставраторами». В это время они активно выдвигали триединое требование: возродить СССР, объединить разделенный русский народ и защитить русских соотечественников, брошенных на произвол судьбы в новых независимых государствах. Лидер российских коммунистов Геннадий Зюганов тогда патетически взывал к чувствам русских людей: «Без воссоединения ныне разделенного русского народа наше государство не поднимется с колен»¹. Но эти пламенные речи не имели отклика в массовом сознании. Социологические опросы 1993 года не выявили у россиян ни малейших признаков сожалений о распаде страны и тяги к ее объединению. Так, только 16% российских граждан в то время заявляли, что их жизнь в значительной мере связана с другими республиками бывшего СССР, при этом у русских актуальные связи с другими республиками были менее значимыми, чем у респондентов

---

¹ Зюганов Г. А. Драма власти. М.: Паляя, 1994. С. 22.

иных национальностей, многие из которых, возможно, были выходцами из других республик бывшего Союза¹. Лишь 9,3% русских и 12,9% представителей других национальностей заявляли, что они ощущают «свою общность с людьми и историей этих республик» (речь шла о союзных республиках). И даже простой интерес к территориям за пределами России был тогда невысок. К Украине интерес был выше, чем к другим республикам, но и к ней проявляло внимание меньшинство — только 21% русских респондентов².

К 1993 году появился Конгресс русских общин (КРО), который стремился превратить многомиллионную русскую диаспору в новых государствах — бывших республиках СССР — в мощную политическую силу, в орудие русского ирредентизма, то есть объединения вокруг России людей, считавших себя русскими. И каков был результат? Ничего похожего на имевшие место в прошлом и настоящем венгерский ирредентизм (например, присоединение Северной Трансильвании и проект Великой Венгрии) или его румынский аналог (Великая Румыния). Ничего, что могло бы даже отдаленно напоминать по своей мощи указанные ирредентистские движения, на территории СНГ тогда не было. Ирредентизм считается в теории одним из ярких признаков имперского национализма и имперского массового сознания. Так, в 1990-е годы эти свойства проявлялись у иных народов, например венгров, сербов и румын, больше, чем у русских.

Можно утверждать, что жесткие государственники и имперские националисты до середины 1990-х годов ссылались на «волю народа» без малейшего на то основания. В начале 1990-х 60% опрошенных социологами под руководством Ю. Левады респондентов рассматривали Запад как модель для подражания, имея в виду его политическую систему, рыночную экономику и образ жизни³. Прошло время, и к 1995 году

¹ См.: Паин Э. А. Между империей и нацией. С. 75.

² См.: Там же. С. 75

³ См.: Дубин Б. Запад для внутреннего потребления // Космополис. 2003. № 1 (3). С. 137.

стали все более ощущаться трудности переходного периода: нарастала усталость от реформ и ошибок в их проведении. Именно в это время массовые настроения начали постепенно меняться. В середине 1990-х годов процесс эрозии позитивного образа Запада только начался, а к 2000 году оценки начала 1990-х поменялись на противоположные. В 2001 году 67% опрошенных в России указали, что западный вариант общественного устройства в той или иной мере не подходит для российских условий и противоречит укладу жизни российского народа¹.

Радикальность социально-экономических перемен в России в 1990-е годы была ниже, чем, например, в Польше или странах Балтии; по крайней мере, отраслевая структура экономики России и состав ее менеджмента изменились меньше. Однако у названных соседей России психологическая болезненность от шока перемен смягчалась желанием стать частью проекта европейской интеграции. Считалось, что ради этой самостоятельной и важной цели можно было потерпеть дискомфорт и преодолеть болезни роста. В России такого защитного механизма в народном сознании не было: движение в Европу не являлось самостоятельной целью; напротив, эта идея сама зависела от некоторых других. Важнейшую роль в восприятии вестернизированных реформ играло отношение к социализму и к СССР. В 1989–1992 годах более половины россиян поддерживали лозунг «Социализм завел нас в тупик»². Примерно такая же доля респондентов выступала в поддержку аналогичной идеи в Польше 1980-х годов, но там подобные настроения специально оберегали, на их сохранение работали музеи социалистического быта, подавлявшие желание вернуться в социализм, фильмы Анджея Вайды и едва ли не вся польская литература. В России ничего похожего не было, и к 1995 году стал популярным другой тезис: «Социализм был не так уж плох, плохи были его лидеры», а к началу 2000-х были реабилитированы и советские руководители.

---

¹ См.: Дубин Б. Запад для внутреннего потребления. С. 150.

² См.: Паин Э. А. Между империей и нацией. С. 73.

В этом отношении показательны перемены в отношении к образу Сталина. Во второй половине 1980-х, в период начала общенациональных социологических опросов в СССР, Сталин не попадал в списки выдающихся деятелей и был фигурой, постоянно подвергаемой в перестроечных СМИ жесточайшей критике. В 1991 году, в новой постсоветской России, отношение к нему в массовом восприятии лишь ухудшилось. Тогда менее одного процента опрошенных первым в России социологическим центром ВЦИОМ посчитали, что о нем будут помнить через 10 лет. Подавляющее же большинство респондентов было уверено, что его скоро просто забудут. Однако этот прогноз не сбился: менее чем через 10 лет, в 2000 году, тот же социологический центр зафиксировал, что Сталин, по данным опросов общественного мнения, лидирует в списке самых выдающихся глав российского государства в XX веке¹. Показательно, что третью строчку в этом рейтинге занимал Ю. Андропов, коммунистический лидер Советского Союза в 1982–1984 годы, а до этого многолетний глава КГБ, который, как и Сталин, воспринимался в массовом сознании россиян как сильный авторитарный администратор — «железная рука»². После десяти трудных лет привыкания к новой социальной и экономической среде у многих россиян возродились привычные советские стереотипы, увязывающие в сознании стабильность и порядок исключительно с авторитарным правителем. Но еще важнее то, что эти патерналистские стереотипы навязывались массам российской политической элитой, которая не только морально реабилитировала Сталина, но и активно его рекламировала. В 2000 году, по случаю Дня Победы, имя Сталина впервые прозвучало в позитивном ключе из уст президента Путина; тогда же кинорежиссером Никитой Михалковым была озвучена идея переименования Волгограда в Сталинград³. С тех пор тема возвращения городу имени Сталина возникает каждый год накануне 9 Мая.

---

¹ См.: *Дубин Б.* Сталин и другие: фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Полит.ру. 26.02.2003. (URL: <http://polit.ru/article/2003/02/26/585074>).

² Там же.

³ См.: Там же.

В 2002 году ВЦИОМ, которым тогда руководил Ю. Левада, выпустил юбилейный сборник, посвященный 15-летию своей деятельности и отразивший социальные перемены в России с 1987 года. Оказалось, что именно в 2002 году, впервые за 15 лет социологического мониторинга, распад СССР был оценен респондентами в качестве главного и самого драматического события всего этого периода¹.

Вслед за изменением взглядов на социализм и Советский Союз быстро стали меняться представления о врагах России. В СССР Запад рассматривался не только как геополитический противник, но и как классовый враг, компромисс с которым невозможен, поскольку классовые противоречия, согласно марксистской доктрине, носят антагонистический характер. Единственным временем, когда политическая элита СССР, а затем и России провозглашала лозунг возвращения в «семью цивилизованных народов», «в Европу», был период с конца 1980-х до начала 1990-х годов. Массовое сознание тогда весьма активно поддержало эту политику, в это время в России доминировала идея «зачем искать врагов, если корень наших бед в нас самих». Однако по мере возвращения советского в российской культуре стали оживать и советские стереотипы массового сознания. Первыми вернулись страхи, фобии, образы врага. В 1991 году только 12% опрошенных считали Запад (прежде всего США) врагом, в 1994-м — уже 41%, а в 1999 году, во время бомбардировок Белграда, почти две трети респондентов — 65%². В 2014 году, после украинского Майдана, отношение основной массы россиян к Западу стало почти тотально враждебным. Опрос «Левада-Центра», проведенный в июле 2014 года, показал, что к США плохо относятся 74% респондентов (максимальное значение за все время наблюдений). 60% опрошенных высказали негативное отношение к странам Евросоюза³. При этом 52% россиян тог-

¹ См.: Общественное мнение — 2002: Ежегодник. М.: ВЦИОМ, 2002. С. 19.

² См.: Гудков Л. Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. С. 132—133.

³ См.: Отношение россиян к другим странам // Левада-Центр. 06.08.2014. (URL: <http://www.levada.ru/06-08-2014/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam>).

да заявили, что «Украина стала марионеткой в руках Запада и США, проводящих антироссийскую политику»¹.

Рост фобий к Западу не связывается в массовом сознании с возрождением советских черт в жизни России. Свои перемены россияне объясняют с позиций несовместимости цивилизаций России и Запада; в общем виде данную позицию можно сформулировать так: «Вот мы изменились, стали демократией, а Запад нас по-прежнему не любит — это их природная русофобия».

Вслед за возвращением советского сознания в России в конце 1990-х годов была постепенно реабилитирована идея империи в ее досоветской редакции. Дело в том, что в Советском Союзе термин «империя» имел сугубо негативную коннотацию. Авторитетный историк советской национальной политики Т. Мартин приводит документальные доказательства своего вывода о том, что «Ленин и Сталин очень хорошо понимали, как это опасно — именоваться империей в эпоху национализма»². Поэтому советские лидеры никогда не называли СССР империей; «это слово [они] отвергли со всей определенностью»³. И нынешнюю Россию ее власти до сих пор упорно именуют федерацией, хотя она все больше приобретает (вернее, восстанавливает) черты имперского устройства. Советским людям со школы внушали, что империя — это плохо, это «тюрьма народов», это режим, против которого боролся великий Ленин, а империализм есть последняя стадия разложения капитализма. Тем удивительнее реабилитация термина «империя» в России начала XXI столетия.

К концу 2000-х годов в политическом дискурсе так называемых национал-патриотических сил России (и олицетворяющих их публицистов типа А. Дугина, А. Проханова, М. Юрьева) стало модным использовать слово «империя» для обозначения как былого советского величия и порядка, так

---

¹ Украинский кризис: действия руководства Украины и России // Левада-Центр. 12.08.2014. (URL: <http://www.levada.ru/12-08-2014/ukrainskii-krizis-deistviya-rukovodstva-ukrainy-i-rossii>).

² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 34.

³ Там же. С. 35.

и желаемых перемен в будущем. Но больше других в популяризации «империи» постаралась и преуспела бизнес-реклама. Ее усилиями «имперские мотивы» постепенно стали входить в массовую культуру, а затем и в массовое сознание. Самые популярные сорта русской водки во многих регионах России получают названия «Империя», «Имперская». Бизнес-класс в некоторых российских авиакомпаниях переименовали в класс «империал». А дальше термин «империя» стал символом чего-то очень хорошего, постоянно мелькая в словосочетаниях типа «империя вкуса», «империя духа». Империя стала воспеваться на эстраде, в кино, в литературе. В художественных произведениях «империя» стала выглядеть привлекательно, «красиво», иногда даже «шикарно», как парад войск царя Александра III на кремлевской площади в кинофильме Н. Михалкова «Сибирский цирюльник». Неоимперский стиль стал доминирующим в архитектуре и градостроительстве.

Имперское сознание, реконструированное и активизированное в России начиная с середины первой декады XXI века, как только утвердилось, стало оказывать заметное влияние на политическую жизнь, создавая спрос на типаж популярных политических деятелей и их дискурс. *Реконструированный традиционализм в сочетании с относительно устойчивыми особенностями географии, хозяйства, культурных традиций страны* оказывает влияние на воспроизводство имперского синдрома, который сегодня в значительной мере формирует русло политического творчества в России, обуславливая высокую вероятность воспроизводства имперских черт в политике нашей страны.

Тоска по гражданской нации

В связи с этим возникает закономерный вопрос: как противостоять процессам державнической реставрации, воспроизводящей ситуацию, описанную выдающимся историком Василием Ключевским еще в XIX веке, когда «государство пухнет, а народ хиреет»? Полагаем, что читатель уже знает

наш ответ на этот вопрос. Ключом к решению вопроса о будущем России, на наш взгляд, является переосмысление понятия нации в гражданском смысле и отказ от его традиционалистской мифологизации. Россия беременна политической нацией, и прежде всего в том отношении, что ее полиэтническое общество нуждается в консолидации не против вымышленных врагов, а на основе позитивных ценностей, механизмов поиска компромиссов и реальных горизонтальных практик. Национальное государство и национальное общество являются перспективными формами политической организации для стран и регионов, сохраняющих значительные пережитки имперской организации. Только нация — политическое «мы» — может решать вопросы общественного развития. Но прежде нужно определить, что такое нация: кто «мы» по отношению к власти — подданные или суверены? что «нас» объединяет? можем ли «мы» договариваться друг с другом?

Развитие концепции гражданского национализма, предполагающей открытие пути для преобразований общества на основе либеральных ценностей, конституционализма и демократии, особенно важно и потому, что ее сегодня почти не принимают всерьез: она мертва не только в обществе, но и в интеллектуальной среде сторонников либеральной модернизации. Между тем свято место пусто не бывает.

Сегодня Россия страдает от воспроизводства модели имперского национализма, дающей стране негодные инструменты из прошлого для жизни в современном мире. Не приходится рассчитывать и на позитивную эволюцию русского национализма. То, что сейчас называют этим словом, с бо́льшим основанием можно охарактеризовать как постимперское сознание, включающее ностальгию по временам классических империй, ресентимент и различного рода политические фобии. Такое сознание характерно не только для русских державников, но и для представителей разных этнических общностей, адептов разных политических взглядов, людей, проживающих в разных государствах и обобщенно называемых «Русский мир». Об этом свидетельствуют данные нашего исследования

интернет-дискурсов¹. Это сообщество пассивно и сугубо виртуально: люди, включенные в этот идеологический мир, в массе своей поддерживают лозунг «Крым наш», любят-ся «вежливыми человечками» или донецкими боевиками не отходя от телевизоров. Если сопоставить число людей, учувствовавших в 2015 году в «Русском марше», с активностью участников либеральных маршей, например, в память о Борисе Немцове, то окажется, что либеральная оппозиция в большей мере готова к самоорганизации, чем русские националисты.

Этатизм, по сути, парализует общественную активность, а гражданская индифферентность компенсируется культом вождя и мифологией сопричастности человека-песчинки некой абстрактной массе «наших». Сам факт того, что имперское сознание не имеет жесткой этнической привязки, не транслируется по каналам культурной традиции, а формируется под воздействием социально-политических обстоятельств и прямого конструирования, указывает на возможность радикального перепрограммирования такой массовой психологии. При этом стимулы для подобной трансформации могут появиться не только после глубокой исторической травмы, как это было в Германии после падения гитлеризма, но и вследствие эволюционных изменений, как произошло во Франции. Теоретически такое возможно и в России, но в настоящий момент в нашей стране не видно той политической силы, которая способна начать деконструкцию имперского сознания. Пока что здесь продолжается дискредитация базовых идей гражданской нации, подрывающая веру людей в возможность общества овладеть государством.

---

¹ См.: Паин Э. А. Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестник общественного мнения. 2016. № 1—2 (122). С. 126—139.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИДЕЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКЛЕКТИКИ

Подождем, милостивые государи! Пусть теперь господствуют эти метафизики! <...> Может быть, после долгих бесплодных разглагольствований вернутся к нашим скромным эмпирическим решениям.

Эрнест Ренан

Противоречивые оценки концепции гражданской нации на протяжении многих десятилетий были и остаются скорее нормой, чем исключением. Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?» (1882) пытался «внести больше точности в эти трудные вопросы, в которых малейшее смещение смысла слов в начале рассуждения может привести в конце концов к самым пагубным ошибкам»¹.

Выдающийся историк и социальный мыслитель тогда противостоял ошибкам смешения нации с расовыми, этнографическими или лингвистическими общностями. Однако со времен Ренана вряд ли было более сложное время для поиска «точности» и нахождения приемлемой конвенции в определении большинства социально-политических явлений, и особенно такого сложного феномена, как нация, чем нынешняя эпоха. Политолог Лилия Шевцова в январе 2017 года определила ее как время затухающего постмодерна, а также (ссылаясь на Зигмунта Баумана) «как liquid modernity — “текущую современность”, когда все размыто и нет границ между принципами и нормами. Нет ни друга — ни врага, ни мира — ни войны, ни закона — ни беззакония: все смешалось в одном стакане»². Мода на неопределенные, размытые критерии и туманные рассуждения, не опираю-

---

¹ Ренан Э. Что такое нация? [1882]. (URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php).

² Исчерпанное время постмодерна: Интервью с Лилией Шевцовой // Радио Свобода. 21.01.2017. (URL: <http://www.svoboda.org/a/28243845.html>).

щиеся на эмпирические данные, превращает всю общественную науку, и в частности исследования нации и национализма, в некие необязательные игры, в пустословие.

Впрочем, интеллектуальное разоружение — следствие не одной только моды. Оно возникло под влиянием совокупности глубинных социально-политических процессов, связанных с растущей разобщенностью обществ и уменьшением их влияния на формирование национальной и международной повестки дня, а также со все большим отрывом социальной теории от политической практики. Вместе с тем мы разделяем позицию Л. Шевцовой о нарастании признаков, свидетельствующих об исчерпании общественного спроса на постмодерн. Это, на наш взгляд, открывает новые дополнительные возможности освоения идеи нации в России и ее реабилитации в странах Западной Европы.

Россия между этническим национализмом и имитацией гражданской нации

В современной России идея гражданской нации явно не доминирует как в массовом, так и в элитарном сознании. В бытовом языке и политическом дискурсе господствуют традиционные представления о нации, отождествляющие это понятие с этничностью и даже расой. Такое представление фактически поддерживается идеологами разных направлений, и не только теми, кто открыто себя позиционирует как националисты. Многие представители нынешнего российского политического истеблишмента, отрицая свою приверженность национализму в той или иной форме, в своей публичной деятельности отражают такую позицию. Вице-премьер Дмитрий Рогозин в ноябре 2005 года, в бытность свою лидером партии «Родина», оказался действующим лицом видеоролика, который Мосгоризбирком, а затем и суд признали «разжигающим национальную рознь»¹. Ви-

---

¹ 24 ноября 2005 года Мосгоризбирком объявил о том, что ролик «Очистим Москву от мусора» разжигает межнациональную рознь, и снял его с эфира,

це-спикер Государственной Думы Петр Толстой, комментируя 23 января 2017 года передачу государственного музея «Исаакиевский собор» в ведение РПЦ, сделал ряд заявлений, которые были признаны Федерацией еврейских общин России как «националистические, в данном случае юдофобские» и названы «открытым антисемитизмом»¹.

Осознавая популярность традиционалистских представлений в России, первые лица государства подчеркивают свою связь с «народностью» по технологии, предложенной еще графом С. С. Уваровом: «Православие. Самодержавие. Народность». Владимир Путин и Дмитрий Медведев постоянно демонстрируют свою православную идентичность, не особо заботясь о защите светского характера Российской Федерации, закрепленного в Конституции. В инструментарии публичных действий российских лидеров есть и национал-популистская риторика. В 2008 году, представляя избранного тогда (а теперь уже бывшего) президента Д. Медведева, В. Путин назвал его «в хорошем смысле таким же русским националистом», как и он сам². В 2014 году Путин определял себя уже просто как «самого большого националиста в России»³. Такая самооценка, видимо, имеет под собой основания; во всяком случае, она подтверждается дискурсом президента России, который в своих публичных выступлениях последних лет не раз повторял формулу, ставшую визитной карточкой русских националистов с XIX века. Это формула о противоположности русской и за-

---

а 26 ноября Мосгорсуд по этой же причине отстранил партию от выборов. См.: Столицу очистили от «Родины» // Новые Известия. 28.11.2005. (URL: <http://www.newizv.ru/politics/2005-11-28/36058-stolicu-ochistili-ot-rodiny.html>).

¹ Еврейская община прокомментировала слова Толстого об Исаакиевском соборе // РБК. 24.01.2017. (URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/588680d19a7947767344b88d>).

² Владимир Путин: «Медведев не меньший русский националист, чем я» // Комсомольская правда. 08.03.2008. (URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/24060/303858>).

³ Путин: «Самый большой националист в России — это я» // Новая газета. 24.10.2014. (URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2014/10/24/107126-putin-samyu-bolshoy-natsionalist-v-rossii-151-eto-ya>).

падной ментальности — русской духовности и западного «своекорыстия»¹.

Либеральные интеллектуалы справедливо осуждают все проявления ксенофобии и этноцентризма, в том числе и со стороны российского истеблишмента, но при этом распространяют этот негативизм не только на этнический национализм, но и на гражданские трактовки понятия «нация». Проблемой является одностороннее и весьма противоречивое понимание коллективизма, которому в этой идейно-политической среде приписывают сугубо негативные коннотации, хотя поддержание гражданского общества (явления коллективного и требующего коллективизма от его активных участников) здесь же оценивается как благо. Например, известный либеральный мыслитель Александр Морозов справедливо пишет об угрозах деконсолидации общества: «Если вы начинаете работать на раскол собственного общества или на международный раскол, то обратной дороги нет. Никакого примирения не произойдет, и пограничная линия будет стоять десятилетиями, а то и столетиями»². Далее он развивает эту мысль, показывая, как ослабление в современном мире социальных институтов, скрепляющих общества (университеты, медиа и идеологические ценности), приводят к общественным расколам. Но после всего этого Морозов пишет об «угрозах нового коллективизма», имея в виду лишь толпу в тоталитарных режимах. Однако толпа не является единственным выражением коллективизма. Эрих Фромм и вообще доказывал, что немецкие бюргеры превращались в толпу в результате атомизации (то есть деколлективизации) общества, поскольку человек-песчинка легче всего поддается масовому внушению и больше других склонен к конформизму.

В среде либерально ориентированной части российского общества, за редкими исключениями, не проявляется

¹ См.: *Штена В.* «Валдайский клуб» как столкновение цивилизаций // Руфабула. 03.11.2015. (URL: <https://rufabula.com/articles/2015/11/03/valdai-club-as-a-clash-of-civilizations>).

² Опасная игра. Российский политолог Александр Морозов об украинском вопросе и предчувствии Большой войны // Фокус. 16.02.2017. (URL: <https://focus.ua/world/366231>).

осознание связи между, с одной стороны, желаемой этой категорией граждан активизацией российского общества, преодолением его гражданской пассивности и освобождением от имперских амбиций («ватности»), а с другой — становлением гражданской нации, являющейся следствием и одновременно воплощением такого развития. Российские либералы горячо поддерживают развитие гражданского общества, но не видят особого смысла в становлении гражданской нации. Для большинства из них национализм — бранное слово, олицетворение политического насилия (например, в виде идеологии «державничества») и нетерпимости (в форме этнической, религиозной и иной ксенофобии). Защищая космополитические идеалы свободы и демократии, российская либеральная общественность игнорирует то обстоятельство, что становление гражданской нации — это практическая реализация важнейшей цели народовластия и политического либерализма. А именно перехода политической системы от модели формального, номинального гражданства к «гражданству действия», то есть к деятельному и свободному участию граждан в формировании представлений о национальных интересах (образа общего блага), в борьбе за их осуществление и защиту.

Даже в последние годы, когда термин «гражданская нация» стал частью официального политического дискурса, его общественное осознание не возросло. Это неудивительно для тех, кто знает о неопределенности его формулировки и периферийном месте в Стратегии государственной национальной политики, принятой в декабре 2012 года. В этом документе слово «нация» значительно чаще используется в своем традиционном для России значении — как термин для обозначения этнической политики. В своей программной статье «Россия: национальный вопрос», также опубликованной в 2012 году, В. Путин буквально пару раз использует слово «нация» применительно к стране, обществу, зато гораздо чаще характеризует Россию как «историческое государство» и «полиэтническую цивилизацию»¹.

---

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос.

Анализ Стратегии и публичного дискурса российского руководства показывает, что декларируемая приверженность идее гражданской нации в России больше напоминает очередную редакцию доктрины «официальной народности» или давнюю технологию подмены понятий. Однако полного повторения событий в истории не бывает, и некоторые попытки повтора действительно напоминают фарс. В XIX веке граф Уваров предложил подменить понятие нации идеей народности, а ныне слегка обновленную доктрину «официальной народности»: православие (традиционализм), самодержавие (авторитаризм), народность (особая цивилизация) — представляют публике как гражданскую нацию. Сделать это тем проще, чем меньше определенности в научном сообществе относительно понятия «нация» в общем и применительно к российскому обществу¹. Нет согласия среди ученых и относительно вопроса, существует ли гражданская нация в России и если нет, то возможна ли она в принципе. По большому счету есть три крайние позиции, которые мы намереваемся последовательно проанализировать.

Во-первых, это утверждение о внеисторическом существовании гражданской нации в России. Вторая позиция состоит в сознательном отказе различать имперский и национальный типы взаимоотношений общества и государства. Наконец, третий подход утверждает неизбывность империи и, следовательно, невозможность гражданской нации в России. Стороны этой дискуссии (заочной и необъявленной) не придают значения предупреждениям Э. Ренана об опасности смешения смысла терминов и как будто соревнуются между собой в неточности, метафоричности определений сущности как империи, так и нации.

---

¹ Чтобы составить представление о многообразии позиций среди российских ученых по данному вопросу, см. статьи в № 3 журнала *Pro et Contra* за 2007 год.

Охранительный конструктивизм

Итак, согласно первой позиции российская гражданская нация уже есть. Это официальная доктрина российской власти. Более того, как утверждает главный защитник данной концепции академик Валерий Тишков, гражданская нация существовала и раньше — в Российской империи и в СССР, просто под другими названиями. Напомним еще раз, что знаменитая формула Тишкова гласит: «Российское государство, каким бы оно ни было по устройству — монархией-империей, союзом республик и страной Советов или республикой-федерацией, — может и должно квалифицироваться как национальное государство»¹.

Согласно радикально-конструктивистскому подходу Тишкова, концепт «нация» вообще не может быть категорией анализа. Для него это не более чем «метафора», «пустое понятие» и «слово-призрак», а значит, необходимо отказаться от его употребления в науке². Вместе с тем академик не отказывается формулировать определения этого «пустого понятия». Вот одно из последних его толкований, от 2016 года: «Таким образом, нация — это воображаемая общность, социальный конструкт, политическая метафора, обладающая мобилизующей силой и имеющая почти всеобщее распространение»³. Это пример предельно широкого, безразмерного понятия. Производство подобных терминов весьма характерно для современной России. Например, в российской юридической практике встречаются такие размытые категории, как «иностранный агент», «политическое участие», «оскорбление чувств верующих», «экстремизм» и др. Такие понятия удобны для идеологических упражнений, но они совершенно

¹ *Тишков В. А.* Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. № 3. С. 37.

² См.: *Tishkov V.* Forget the “Nation”: Post-nationalist Understanding of Nationalism // Ethnic and Racial Studies. Vol. 23, N 4. P. 625—650. Ирония в том, что вместо категории «нация» Тишков предлагает использовать понятия «государства», «народы» и «культуры» (Ibid. P. 647), вероятно, считая последние менее метафоричными.

³ *Тишков В. А.* Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций. С. 9.

неприменимы в аналитических целях для различения исследуемых объектов. Как с помощью предложенной дефиниции выделить нации из бесчисленного множества «воображаемых общностей, социальных конструктов»? По каким признакам их можно отличить, скажем, от религиозных сообществ, идейно-политических течений или даже сообществ людей, характеризующихся сходством вкусов?

К счастью, В. Тишков в той же статье использует более узкое определение, понимая гражданскую нацию как население всякого государства, которое себя с ним идентифицирует¹. Это лучше, все же понятнее, что под нацией понимают не всякую общность. Однако и это определение малоинформативно, поскольку в данном случае нациями пришлось бы признать жителей древнейших государственных образований типа Египетского и Вавилонского царств, а также население Римской империи или империй современной эпохи, таких как Австро-Венгерская или Османская. Но против такого толкования выступал еще Э. Ренан. «Нации, — говорил он, — отчасти новое явление в истории. Древность не знала их... В классической древности были республики и муниципальные государства, конфедерации местных республик, империи, но не было нации в том смысле, как мы ее понимаем»². С тех пор вот уже почти полтора века несколько поколений теоретиков нации и национализма придерживаются такого же мнения.

Любопытно, что для обоснования своей позиции Тишков ссылается на западных ученых-конструктивистов, включая Роджерса Брубейкера. Но если посмотреть на то, что пишет Брубейкер, испытавший влияние со стороны социологии Пьера Бурдьё, то окажется, что у того подход иной, вовсе не считающий нацию «пустым понятием». Признавая, что «нация является категорией практики, а не (в первую очередь) категорией анализа»³, Брубейкер предлагает ориентироваться

¹ См.: Тишков В. А. Усложняющее разнообразие... С. 17.

² Ренан Э. Что такое нация?

³ Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. New York: Cambridge University Press, 1996. P. 7. Курсив наш.

главным образом на изучение политик и практик (policies and practices), которые «вытекают» из публичного употребления категории «нация». Еще раз подчеркнем, что в отличие от Тишкова конструктивист Брубейкер не отрицает значимости понятия «нация» как аналитической категории¹. Более того, обозначая различные функции, которые может исполнять категория нации в том или ином контексте, Брубейкер показывает, что в политической практике эта категория способствует «выработке более полнокровных форм гражданства», позволяет решить задачи национальной консолидации, «включения людей в новую для них общность» и достижения национального согласия². А вот по мысли Тишкова, в последние годы активно занимающегося продвижением «метафоры» российской нации, практически никакой связи с переформатированием институциональных форм и практик Российского государства не предполагается.

Не исключено, что подобный релятивизм вызван не столько логикой научного анализа, сколько разного рода политической мотивацией. В случае Тишкова это выглядит как солидаризация с современной охранительной идеологией, «защищающей» Россию от невыигрышного сравнения с Западом (мол, и у нас демократия, государство-нация и верховенство права) и «нормализующей» российскую ситуацию в глобальном контексте. Тишков призывает считать нациями все государства мира на том основании, что они входят в ООН и «считают себя» именно национальными государствами³. Тут возникает множество вопросов, например такой: должны ли мы считать демократическими те страны и режимы, которые официально именуют себя таковыми? Если принять позицию Тишкова и при этом следовать формальной логике, мы вынуждены будем признать КНДР с ее династией Ким и Зимбабве под руководством Р. Мугабе демократиями. Или «демократию» вслед за «нацией» также следует вычеркнуть

¹ См.: Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме // *Ab Imperio*. 2006. № 2. С. 60—61.

² См.: Там же. С. 63—64, 72.

³ См.: Тишков В. А. Российская нация и ее критики // *Национализм в мировой истории*. С. 558.

из списка категорий анализа? В таком случае не придется ли нам поступить аналогичным образом и с «правовым государством», «республикой», «федерацией»?

Действительно, после Второй мировой войны почти все признанные независимые государства (за исключением разве теократического Ватикана) захотели вступить в Организацию Объединенных Наций, позиционируя себя в качестве демократических национальных государств (или государств-наций). Такое позиционирование указывает на то, что с середины XX века статус национального государства стал знаковым и престижным, хотя меньшинство стран мира в это время реально обладали признаками как демократий, так и национально-гражданских отношений. Разрыв между нормативным, престижным статусом и реальностью породил спрос на имитацию, на производство идеологических, пропагандистских суррогатов демократии и гражданской нации. Далеко не только в России близкие к власти идеологи конструировали широкие, мягкие, «резиновые» определения демократий и гражданских наций, чтобы упаковать и скрыть в них реальность, далекую от нормативной. Особенностью современной России в этом отношении можно считать лишь беспредельный, какой-то эпический масштаб идейно-политической эклектики, позволяющей соединять в одной политике несочетаемые явления и цели.

Например, ныне в российской официальной пропаганде термин «либеральная демократия» используется исключительно в негативном смысле в сочетании с эпитетами «гнилая», «лживая», «агрессивная». Все эти клички нужны для обозначения врагов России — внешних (зловещий Запад) и внутренних («пятая колонна»). В то же время официальные лица решительно опровергают какие-либо упреки тех же западных наблюдателей в отклонении России от либерально-демократических норм, таких как свобода совести, свободные выборы, право на независимый суд и др. Такое же противоестественное соединение представляет собой популистская поддержка российским истеблишментом идей имперского национализма (ностальгия по временам классических империй и холодной войны, resentment

и различного рода этнические фобии), с одной стороны, а с другой — утверждение в государственной стратегии цели развития «гражданской нации».

Империя и нация: как определить различия?

Другая позиция заключается в том, что вопрос о национальном или имперском настоящем России либо вовсе не имеет решения, либо совершенно непринципиален. Тенденция к сознательному неразличению понятий «империя» и «нация» в значительной мере является ответом на господствовавшую прежде в социальной науке мифологию о радикальном противопоставлении империи и нации, наделении их сущностями, никак не пересекающимися и не связанными друг с другом (нация — это хорошо, выражение воли народа и синоним прогресса, а империя — это плохо, тюрьма народов и признак архаики). Но критический подход, как часто бывает при утрате чувства меры, привел к перехлесту — к полному отказу от того, чтобы различать исторически разные типы взаимоотношений государств и обществ. «Вершиной» такого перехлеста можно считать приведенную выше позицию Тишкова. Напротив, эволюцию взглядов историка Алексея Миллера представляется возможным объяснить иной мотивацией — не идеологической, а политико-прагматической.

Было время, когда Миллер указывал на возможность демократии в России и ее связь с созданием гражданской нации. В 2008 году он выражал надежду на то, что «Россия сможет найти путь к демократии уже в качестве нации-государства»¹. А несколько лет спустя, в 2016-м, А. Миллер (совместно с Ф. Лукьяновым) утверждал, что «представление о “российском национальном государстве” как цели развития — вызывает возражения», прежде всего в силу наличия политически мобилизованных этнических групп, считающих

---

¹ Миллер А. И. Наследие империй: инвентаризация // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2008. С. 22.

себя нациями¹. Если в 2008 году говорилось о необходимости «национальной рамки» для перехода к демократии и ее институционализации, о вреде воспроизводящейся в России имперской системы отношений центра и регионов², то сегодня при обсуждении «национальной темы» в России Миллер вообще избегает вопросов демократии, роли гражданской культуры и принципа народного суверенитета³. Изменилась и его оценка «имперского наследия»: эксперты журнала «Россия в глобальной политике», включая Миллера и Лукьянова (главный редактор журнала), предлагают принять *как данность* отказ от выбора между имперским и национальным типом общества. Постулируя «примат национальной идентичности», авторы полагают, что одновременно с этим Россия должна быть империей как вовне (в отношении своей «зоны влияния»), так и внутри («России приходится играть роль империи» на Кавказе)⁴.

Эта позиция концептуальной неопределенности опирается на некоторые теоретические основания. Так, в последнее время в политической и исторической науке начал утверждаться релятивистский подход, постулирующий «гибридность» социальной реальности⁵. В рамках этой концепции «нация» и «империя» не более чем идеальные типы, полюса плюралистичной и гетерогенной реальности. Иными словами, наций, как и империй, *per se* не существует, а есть только оттенки «национального» и «имперского», которые

¹ См.: Миллер А., Лукьянов Ф. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности. (URL: <http://globalaffairs.ru/number/Otstranennost-vmesto-konfrontacii--18477>).

² Солидаризируясь с тезисом политолога Н. Петрова, Миллер писал, что выстроенная в 2000-е система отношений центра и регионов «является серьезным тормозом как для экономического развития страны, так и для ее демократизации и построения эффективной федерации» (Миллер А. И. Наследие империй: инвентаризация. С. 20).

³ См.: Миллер А. И. Нация, или Могущество мифа. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016.

⁴ См.: Между империей и нацией. Почему России не надо делать этот выбор // Россия в глобальной политике. 2017. № 1. (URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdu-imperiei-i-naciei-18570>).

⁵ См.: Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? С. 218—238.

смешиваются в каждом конкретном обществе и регионе в данный исторический период. Со схожих методологических позиций выступают некоторые социологи, особенно придерживающиеся левых взглядов¹, а также историки, рассматривающие развитие европейских государств XIX—XX веков через призму взаимовлияния процессов *empire-* и *nation-building*². Хотя эти ученые, как правило, без особых затруднений описывают политические образования как «нации» и «империи», а масштабные модернизационные процессы — в «национальных» и «имперских» терминах, фактически они отказываются различать их особенности и институциональные последствия, предпочитая говорить о принципиальной неразделенности (и неразделимости) двух типов процессов в прошлом и настоящем.

Обе концепции во многом справедливы: как и в природе, в обществе преобладают смешанные, или гибридные, явления. Но человечество давно научилось делать выбор и выделять доминирующие тенденции. Политическая практика при выборе преобладающих социальных тенденций может опереться, например, на сравнительные социологические исследования. Одно из наиболее авторитетных исследований такого рода было проведено в 43 странах Европы по методике Р. Инглхарта (2008—2010 годы). Оно показало, что во всех этих странах представлены разные социально-ценностные классы, включая два противоположных: «инициативная автономия» (преобладание ценностей индивидуализма и инициативы) и «властная иерархия» (доминирование ценностей послушания, патернализма). Только соотношение этих классов разное. В Северной Европе доминирует первый из названных классов (доля его представителей колеблется от 55% в Финляндии до 74% в Швеции), а в республиках СНГ — второго (от 50% в России до 81% в Азербайджане³). В Северной Европе к тому же зафиксирована наивысшая для континента, да и для всего мира,

¹ См. статьи в Vol. 139, N 1 журнала *Thesis Eleven*.

² См.: *Nationalizing Empires* / Berger S. and A. Miller (eds.).

³ См.: *Магун В., Руднев М.* Типология европейцев по ценностям Р. Инглхарта и межстрановые сравнения // *Вестник общественного мнения*. 2012. № 3—4. С. 12—24.

готовность граждан к самоорганизации и их включенность в институты гражданского общества, а в странах СНГ самые низкие показатели гражданской активности и гражданских ценностей. Все это дает основания утверждать, что страны Северной Европы сегодня — это наиболее яркие примеры гражданских наций, где доминирует гражданская культура (*civic culture*), а республики СНГ демонстрируют преобладание подданнической культуры, характерной для (пост)имперских, вертикальных обществ.

Разумеется, современную Россию, как и другие государства — наследники СССР, нельзя определить как империи по их нынешним, формальным политико-правовым параметрам. Так, конституционные модели России и других стран СНГ признают принцип народного суверенитета и правового государства, хотя реальные условия в них существенно отличаются от декларируемых в законах, в том числе конституциях¹.

---

¹ Конституционная модель России признает принцип народного суверенитета («Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», ст. 3, п. 1 Конституции) и правового государства (универсальное юридическое равенство российских граждан на всей территории, ст. 5, п. 2). Эта Конституция, в отличие от всех предыдущих, не только предполагает равенство прав граждан России, но и содержит процедуры избрания властей федерации и ее субъектов на основе референдума и свободных выборов (ст. 3). Хотя реальные условия в России существенно отличаются от декларируемых в законах, конституционный статус России как федеративного государства-нации не позволяет делать безапелляционные заявления о том, что РФ в принципе не может быть таковым. Правовой статус Российской Федерации в качестве государства-нации является определенным политическим ресурсом в развитии гражданской нации. В случае эволюционной трансформации России политические силы, выступающие за развитие гражданской нации, будут использовать инструментарий, отраженный еще в лозунге советских диссидентов: «Соблюдайте вашу конституцию». Напомним, что началом выхода балтийских республик из СССР стала их апелляция к советским же законам. Например, в проекте Конституции Литовской ССР (1988) говорилось, что отношения республики с Союзом ССР строятся на началах, закрепленных в Договоре об образовании СССР от 29 декабря 1922 года. Идея соблюдения своей же российской конституции, даже если открыто не артикулируется, предполагается самим фактом использования легальных методов политической борьбы и апелляции к закону. В ближайшей перспективе такая форма воздействия на процесс реального развития гражданской нации представляется нам наиболее вероятной.

Вместе с тем это и не развитые государства-нации, поскольку здесь в той или иной мере сохраняются ярко выраженные признаки империи — имперский синдром¹. Россия — составное государство, унаследовавшее от имперской системы прошлых столетий имперское тело, то есть многочисленные ареалы компактного расселения ранее колонизированных этнических сообществ, обладающих собственными традиционными культурами. Пока горизонтальные гражданские формы связи слабы, воспроизводится имперская ситуация параллельного и разобщенного функционирования таких общностей, связанных только через подчинение общему центру. При этом договорные отношения, взаимные обязательства между центром и регионами, характерные для национальных государств федеративного типа, формировались в России в 1990-е годы, а в 2000-х стали слабеть, уступая место возрождающейся, точнее возрождаемой, имперской иерархии.

Исследования «Левада-Центра» (2006–2015 годы) показывают, что важнейший признак гражданской нации — гражданская субъектность, реализация принципа народного суверенитета — не укрепляется в России. Подавляющее большинство россиян устойчиво отмечают, что они не оказывают какого-либо влияния ни на политическую, ни на социально-экономическую жизнь как во всем государстве, так и в своем регионе, городе или районе. Стремление же формальных граждан России участвовать в политической жизни, влиять на нее падает по сравнению с 1990-ми годами². Важно подчеркнуть, что этот регресс никак не связан с какими-то особенностями русских как этнического большинства страны. Те же русские, в том числе и родившиеся в СССР, прекрасно доказывают свою способность к гражданской активности и демонстрируют способности к освоению либерально-демократических норм в странах, где такие нормы не подавляются властями. Например, в Латвии поддерживаемое прежде всего

¹ См.: *Pain E. The Imperial Syndrome and its Influence on Russian Nationalism // The New Russian Nationalism. Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000—15 / P. Kolsto and H. Blakkisrud (eds.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 46—74.*

² См.: *Общественное мнение — 2015. С. 54—68.*

русским населением политическое объединение «Центр согласия» победило на выборах в латвийский сейм в 2011 году, а его лидер Нил Ушаков является мэром Риги с 2009 года.

Мнимая неизбежность империи и реальный кризис постимперской ситуации

Оспаривая внеисторическое существование наций как якобы имманентной черты всякого государства и, следовательно, присущей не только нынешней, но и императорской и советской России, мы решительно не согласны и с иной крайностью, отвергающей саму возможность становления гражданской нации в России и утверждающей неизбежность империи в ней. В этом состоит третья позиция, с которой мы вступаем в спор.

Россию называют империей идеологи типа А. Дугина или А. Проханова, вкладывающие в это определение позитивный смысл. Признаки, которые они приписывают империи (государственное величие, религиозное мессианство, противостояние Западу и либеральным ценностям, традиционализм, мифология защиты меньшинств в империях и проч.), являются для них предметом гордости за свою страну¹. Понятно, что такого рода концепции имперского эссенциализма в глазах их авторов и адептов не нуждаются в каких-либо доказательствах. Поэтому обратимся к мнению ученых. Так, историк Андрей Тесля заявляет: «На мой взгляд, нет ничего плохого в том, чтобы быть империей, быть имперским политическим образованием, но это означает, что здесь (в России. — Э. П., С. Ф.) невозможна гражданская нация, здесь невозможна подобная организация жизни народа, слишком высока ее стоимость»². К сожалению, и заявленная истори-

¹ См.: Дугин А. Империя — это всегда терпимость к меньшинствам // Эхо Москвы. 26.05.2012. (URL: http://echo.msk.ru/blog/kavkaz_politic/892509-echo); Проханов А. Пятая империя // Спецназ России. 30.06.2013. (URL: <http://www.specnaz.ru/articles/201/1/1867.htm>).

² Тесля А. «Нация» есть понятие политическое // Русофил. 12.01.2017. (URL: <http://russophile.ru>).

ком позиция пока остается сугубо декларативной, не подтвержденной какими-либо аргументами (и, увы, это скорее норма, чем исключение в разговорах об империи в России).

Мы утверждаем прямо противоположное: сохранение нынешнего эклектического левиафана — *уже не империи, но еще не нации* (по крайней мере, не гражданской нации при наличии некоего единого культурного и коммуникационного пространства) — представляет собой нарастающую проблему. При этом уже есть методики не метафизического, а вполне конкретного расчета стоимости нарастающих издержек от воспроизводства нынешней политики. Накапливается все больше доказательств того, что Россия уже не может жить так, как жила в эпоху классических империй. И дело не только в том, что внешний мир ей этого не позволяет, — ее внутреннее устройство включает в себя обширные пространства, занятые новыми институтами, которые буквально задыхаются в условиях низкого общественного доверия, подавляемого авторитарным государством. На наш взгляд, российское общество переживает (но пока не осознает) *кризисное состояние своей постимперской ситуации*. Этот кризис развивается медленно и неравномерно, но неуклонно, и связан он со столкновением унаследованного имперского тела и имперского порядка с новыми социальными, экономическими и политическими условиями.

Пока горизонтальные гражданские формы связи слабы, воспроизводится имперская ситуация параллельного и разобщенного функционирования таких общностей, связанных только через подчинение общему центру. Фактически неравные статусы таких территорий и разная мера благоволения к ним со стороны верховного правителя — явление для России не новое. Не новы и механизмы передачи власти над «сатрапиями» местному правителю-вассалу. Положение Бухарского эмирата в Российской империи в некоторых деталях поразительно напоминает ситуацию с новыми «эмиратами» в Российской Федерации. С 1868 года правителями Бухары стали эмир Музаффар, объявивший за некоторое время до того газават (священную войну) России, и его наследники. Точно так же в 2000 году (сначала как глава

временной администрации, а затем как президент) лидером Чечни стал Ахмат Кадыров, ранее (в 1995 году) объявивший газават России, и его наследник Рамзан Кадыров, участвовавший в этой священной войне. Все похоже, но только ныне неравные статусы территорий вступают в противоречие с конституционной нормой о равноправии субъектов Федерации, и при случае этим могут воспользоваться силы, недовольные неравенством в распределении средств из единого государственного бюджета. Это неравенство и сегодня все болезненнее воспринимается как элитой, так и населением соседних территорий в условиях куда более единого, чем в империи Романовых, информационного и политического пространства России. И тот факт, что правитель Чечни не подчиняется решениям не только министра образования, но и Верховного суда РФ, не остается незамеченным и сильнейшим образом подрывает общероссийское доверие к государственным институтам¹.

Также со времен Российской империи и СССР изменилась демографическая ситуация. Тогда численность русского населения в колонизированных районах росла, а сейчас она сокращается практически повсеместно в республиках. И эта ситуация порождает множество конфликтов. Например, именно в последние годы конфликтность все чаще проявляется в вопросах, связанных с национальными языками республик Российской Федерации. На их изучении в государственных школах настаивает местная элита, и закон на ее стороне, но этой практике сопротивляется русское население, особенно там, где оно пока составляет относительное большинство, которое быстро сокращается². Напом-

---

¹ См.: Рамзан Кадыров не доверяет Министерству образования и Верховному суду РФ // Московский комсомолец. 25.01.2017. (URL: <http://www.mk.ru/social/2017/01/25/ramzan-kadyrov-ne-doveryaet-ministerstvu-obrazovaniya-i-verkhovnomu-sudu-rf.html>).

² См.: В Уфе прошла акция протеста против обязательного изучения башкирского языка // NEWSru.com. 01.09.2006. (URL: <https://www.newsru.com/russia/01sep2006/ufa.html>); Кто против навязывания башкирского языка — тот содействует развалу России? // Уфимский журнал. 21.03.2016. (URL: <http://journalufa.com/18233-kto-protiv-navyazyvaniya-bashkirskogo-yazyka-tot-sodeystvuet-razvalu-rossii.html>).

ним один пример из недавней истории: начальной точкой процесса, завершившегося выходом балтийских республик из СССР, была борьба этих республик (1987–1988 годы) за установление статуса национального языка как реально государственного.

В еще большей мере воспроизводству традиционной имперской ситуации препятствует такое новое обстоятельство, как радикально возросшая в постсоветские годы социальная и территориальная мобильность населения. В эпоху классических империй народы, как колонизированные, так и жители метрополии, веками сохраняли свои особые уклады, поскольку бóльшая часть населения рождалась и умирала в границах своих этнических территорий. По переписи 1926 года, даже после пертурбаций гражданской войны только 25% населения СССР жили за пределами мест, где они родились, тогда как последняя российская перепись 2010 года зафиксировала таких уже более половины — 53,8%¹.

Миграции из бывших инокультурных окраин в бывший имперский центр создают условия для широкого распространения расизма и ксенофобии, которые становятся частью компенсаторного, «оборонительного» сознания населения экс-метрополии, переживающей распад имперского пространства. В 2011–2013 годах по городам России прокатилась серия столкновений местных жителей с мигрантами. Вначале, как и в случае волнений в Кондопоге (Карелия) в 2006 году, беспорядки затронули в основном небольшие города и поселки (Сагра, Демьяново, Пугачев и др.), а в 2013 году они перекинулись на крупнейшие города и их агломерации — Бирюлево в Москве, рынок «Апраксин двор» в Санкт-Петербурге. Еще раньше, в 2010 году, на Манежной площади столицы собралась большая толпа рассерженных футбольных фанатов и русских националистов. Собрание затем переросло в столкновения с милицией и в уличные бои между манифестантами и «кавказцами». К 2013 году ксенофобия

---

¹ См.: Население России 2010–2011: Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. С. 462.

достигла максимума за все время социологических наблюдений, особенно в Москве и Петербурге, в постсоветскую эпоху¹. В 2014–2015 годах ситуация вновь изменилась — уровень ксенофобии по отношению к мигрантам из Средней Азии и Кавказа снизился, внимание общества было переключено на события в Крыму и на Донбассе. Однако значительный потенциал ксенофобии по отношению к выходцам с Северного Кавказа и из стран Центральной Азии сохраняется. За тем фактом, что колониальные завоевания этих территорий в прошлом были наиболее продолжительными, кровавыми и дорогостоящими, очевидно, скрывается нечто большее, чем просто ирония истории.

В России постимперский синдром ощущается гораздо более остро, чем во многих других странах с имперской историей. Конечно, после распада СССР и чеченской войны на данный момент прошло существенно меньше времени, чем после завершения французской войны в Алжире (1962) или отмены расовой сегрегации в США (1965). Однако более существенно то обстоятельство, что с тех пор Россия заметно не продвинулась в сторону политической и правовой модернизации. Если в западных странах с колониальным наследием последнему было противопоставлено укрепление гражданских связей и защита прав меньшинств², то в России, по сути, лишь нечто вроде реинкарнации советского дискурса о «дружбе народов». В этих условиях характерно, что массовые волнения, вспыхивающие в российских городах на этно-расовой почве³, проявляются как выражение недовольства со стороны представителей этнического большинства, которое направляет его на меньшинства. Участники этнических

¹ См.: Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. № 1—2. С. 34—53.

² В странах Западной Европы и США с 1970—80-х годов вопросы дискриминации и расизма постепенно оказались в центре публичных дискуссий, в том числе на уровне политических дебатов и партийных программ. Тогда же было значительно расширено антидискриминационное законодательство. См.: Осипов А. Г. Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать?

³ См.: Zakharov N. Race and Racism in Russia. Houndsmills; New York: Palgrave Macmillan, 2015.

бунтов в России, в отличие от относительно сходных городских столкновений в тех же Франции или США, не обращаются напрямую к государственным органам (полиции, судам) с требованиями, чтобы те добросовестно исполняли предписанные законом функции. Напротив, толпа требует вершить «правосудие» самостоятельно и наказать виновников того или иного конкретного происшествия, послужившего катализатором волнений. Будучи отчужденными от институтов власти, от государства, протестующие действуют в логике своей отчужденности, (пока) не выдвигая четких требований к властям. Все это как раз является свидетельством нереализованности проекта гражданской нации, а следовательно, и демократии: мы наблюдаем низкое и даже слабеющее доверие к общественным институтам и другим членам сообщества, активная солидарность в котором подменяется пассивной лояльностью правителю и высшему начальству. Есть и экономический аспект этой проблемы.

Многочисленные исследования последних лет подтверждают наличие «циклической» взаимосвязи между экономическим развитием и общим уровнем межличностного и институционального доверия. Суммируя их результаты, Леонид Бершидский следующим образом описывает эту взаимосвязь: «Если институты и межличностные отношения не приносят благополучия, они не заслуживают доверия. А если людям и институтам нельзя доверять, у них нет никаких стимулов стремиться к благополучию»¹. Это как раз то, что мы видим в России, где люди всячески стараются избегать контактов с государством, во многом живут «гаражной экономикой» и своим «огородом», в массе своей никак не противятся коррупции. В этих условиях, когда граждане не выполняют роли «народа, овладевшего государством», то есть в отсутствие гражданской нации, невозможно даже помыслить о становлении реальной, а не имитационной демократии, равно как и экономики долгосрочного роста взамен той, что построена

---

¹ *Bershidsky L.* The West's Biggest Problem Is Dwindling Trust // Bloomberg. 04.01.2017. (URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-01-04/the-west-s-biggest-problem-is-dwindling-trust>).

на извлечении ренты из добычи природных ресурсов. Мы полагаем, что без гражданско-национальной консолидации российского общества невозможно выйти за рамки описанного Александром Эткиндо «супер-экстрактивного государства», в котором население (в глазах власти и в структуре экономики) становится избыточным, или попросту балластом¹.

Итак, фундаментальный фактор, побуждающий вертикальные имперские и постимперские режимы трансформироваться в государства-нации, в наше время все тот же, что и на заре эпохи модерна, а именно нарастание дисфункций по мере вхождения в плотные слои новой социально-политической обстановки в мире. Процесс национального строительства всегда длительный и растягивается на десятилетия, если не века, поскольку он связан с многочисленными пробами и ошибками на пути адаптации к новым условиям. В России же этот путь особенно тернист, учитывая длительность существования здесь имперского режима и уже веками отработанной технологии камуфляжа старых моделей и имитации новых. Наконец, необычайную сложность процессу национально-гражданской консолидации в России придает то обстоятельство, что в казавшихся «постнациональными» странах Запада усиливаются процессы фрагментации общества, что сразу же понижает уровень межличностного и индивидуального доверия.

По данным американской аналитической компании Edelman, практически повсеместно на Западе, особенно после экономического кризиса 2008 года, наблюдается растущий «разрыв доверия» (trust gap) между «информированной частью общества» и «массовым населением» в их отношении к ключевым институтам, таким как образование, СМИ и особенно исполнительная и законодательная власти государства². Эрозия демократии и отказ со стороны широких

¹ См.: Эткинд А. Петромачо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве // Неприкосновенный запас. 2013. № 2 (88). (URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3432>).

² См.: Edelman Trust Barometer Reveals Global Implosion of Trust // Edelman. 15.01.2017. (URL: <http://www.edelman.com/news/2017-edelman-trust-barometer-reveals-global-implosion>).

слоев населения в доверии к правящим слоям и артикулируемым ими ценностям являются следствием ослабления чувства сопричастности рядовых граждан и элит к достижению национального процветания. Без укрепления этого чувства сопричастности и восстановления гражданского участия едва ли западные общества, как и, между прочим, Россия, смогут ответить на вызов миграции и растущего разнообразия культур, локальных и групповых идентичностей.

В этих условиях Запад перестает казаться россиянам «сияющим градом на холме» и все больше демонтирует иной тип глобальной проблемы — растущую социальную разобщенность гражданских наций. Но об этом в следующем разделе.

Национальный раскол в странах Запада: восстание элит и предательство демократии

Западный мир переживает трудные времена. Его политические и интеллектуальные круги заворуженно наблюдают за цепью драматических перемен в ожидании худшего. Трансформация мирового порядка, в котором коллективный Запад во главе с США раскалывается на части и постепенно утрачивает главенствующую роль, переплетается с внутренним кризисом западных обществ, утративших чувство стабильности. Наблюдатели, побывавшие на последней Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2017 года), отмечают «удивительное ощущение неуверенности Запада в себе, которое контрастирует с самоуверенностью, которая на протяжении многих лет царила на подобных форумах»¹. О потере ориентиров пишут видные западные, и в частности европейские, интеллектуалы. Если еще «в начале 1980-х западный мир был убежден в том, что создает процветающее общество», то теперь эта вера в свои силы «уступила место неуверенности, страху и безысходности», — говорит французский философ Эдгар

---

¹ Лукьянов Ф. Нервозный Мюнхен // Россия в глобальной политике. 20.02.2017. (URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Nervoznyi-Myunkhen-18600>).

Морен¹. Грустное сожаление об исчезающей картине мира, в которой Европа — идеал развития, символ прогресса для самих европейцев и ценностный ориентир для остальных, отражает общее настроение не только европейских мыслителей, но и сочувствующего прогрессивного класса в России. «Оставшись одна в истории — Америка слиняла (после избрания Трампа. — Э. П., С. Ф.), Россия надолго превратилась в источник мелких пакостей и крупных провокаций, — она [Европа] становится единственной надеждой человечества», — пишет либеральный публицист Алексей Поликовский², вытесняя заметное беспокойство наигранным оптимизмом в духе *fin de siècle*.

Уже упоминавшийся кризис доверия, охвативший страны Запада (и, разумеется, не только их), имеет многочисленные социальные, экономические и политические предпосылки. Этот кризис отражает глубокие трансформации последних десятилетий, во многом изменившие облик западных обществ. Прежде всего эти общества стали значительно сложнее и разнообразнее в этническом и культурном отношении. Потоки мигрантов в богатые страны глобального Севера с куда менее преуспевающего Юга вызвали изменение общественных и государственных институтов принимающих стран, хотя бы потому, что многие мигранты сильно отличаются по культуре от большинства их населения. Вместе с тем если прежде переезд в другую страну, как правило, означал путешествие в один конец, то в современном мире это уже совсем не так: связи с родиной можно поддерживать как на дистанции (при помощи телефона и Интернета), так и преодолевая расстояния благодаря высокоскоростным средствам транспорта. Эмансипация меньшинств, трансформация модели семьи и общая либерализация нравов также существенно изменили общества Запада. С нарастающими оборотами

---

¹ Edgar Morin: «Le temps est venu de changer de civilisation» // Acteurs de l'économie — La Tribune. 11.02.2016. (URL: <http://acteursdeleconomie.latribune.fr/debats/grands-entretiens/2016-02-11/edgar-morin-le-temps-est-venu-de-changer-de-civilisation.html>).

² Поликовский А. Восход Европы // Новая газета. 08.02.2017. (URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/02/08/71436-voshod-evropy>).

коммерческой и информационной глобализации в экономике этих стран с 1970-х годов наблюдались процессы замедления экономического роста, деиндустриализации целых районов, дерегуляции трудовых отношений и распространения неполноценной, ущемленной в правовых и социальных гарантиях занятости. Все это ударило прежде всего по рабочему классу и наибольшей части средних слоев (*lower middle class*), с благополучием которых принято связывать устойчивость демократических политических систем.

В более сложных, культурно гетерогенных и эмансипированных обществах, где происходят болезненные экономические перемены, а дистанция между управляющими и управляемыми становится все более осязаемой, неизбежно возникает вопрос: а что объединяет иммигрантов и местное население, «меньшинства» и «большинство», бедных и богатых, элиты и массы? Что их связывает в единое общество поверх множества видимых различий? Образуют ли они, как в прежние времена, единую нацию граждан, для которых чувство социальной солидарности и преданность общему благу еще что-то значат? Все это *вопросы национального согласия и национальной идентичности*, которые не один год вызревали в лоне западных обществ, прежде чем выйти наружу в форме «трампизма», Брексита и антиевропейского популизма. Парадокс демократий Запада заключается в том, что в определенный момент правящие элиты самоустранились от поиска ответов на эти вопросы. Влиятельный американский социолог Кристофер Лэш назвал данный феномен «восстанием элит»¹.

Наиболее богатые и влиятельные группы всегда отличались от непривилегированных классов не только социальным статусом, но и соответствующим образом жизни. Однако в прошлом, доказывал К. Лэш, элиты являлись неотъемлемой частью своего городского сообщества и публично выражали преданность сообществу национальному. Несмотря на собственное благополучие, они находились в курсе проблем, с которыми изо дня в день сталкивались их сограждане в своей

---

¹ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / Пер. с англ. Дж. Смита и К. Голубович. М.: Логос; Прогресс, 2002 [1995].

обычной жизни. Сегодняшние «привилегированные классы — в их расширительном определении: наиболее преуспевающие 20% населения»¹, напротив, живут обособленной от остальных жизнью не только в социальном и символическом, но и в непосредственном географическом смысле. Богатые пригороды и люксовые кварталы мегаполисов отделяют их мир от мира «плохих новостей» и чуждых им проблем, таких как «спад производства с последующей потерей рабочих мест; сокращение среднего класса; возрастающее число бедных; ползущая вверх преступность; процветающая наркоторговля; упадок городов»². Если раньше успех привилегированных групп был связан с репутацией, приобретаемой делами на благо жителей местного сообщества и всех соотечественников, то теперь он в большей мере зависит от индивидуальной мобильности, полезных знакомств и личных связей, приобретающих все более глобальный характер. Лишенные обратной связи с «простым народом», политические, медийные, экономические и художественные (условный Голливуд) элиты в значительной мере утратили узы солидарности с согражданами и чувство ответственности за свою страну.

Описывая США в начале 1990-х годов, Лэш писал, что многие представители привилегированных слоев «перестали считать себя американцами в каком бы то ни было значимом смысле, связанном с судьбой Америки, в счастье или в несчастье. Их привязанность к международной культуре работы и отдыха — коммерции, индустрии развлечений, информации и “информационного поиска” — делает многих из них глубоко безразличными к перспективе американского национального упадка»³. К весьма близким выводам чуть позже пришел и Сэмюэл Хантингтон в своей последней крупной монографии о вызовах американской идентичности⁴. Но, похоже, то же можно сказать и о демократиях Старого Света, где правящие и высокостатусные группы соблазнились проектом

---

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 7.

³ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. С. 40.

⁴ См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности?

европейской интеграции в том виде, который предполагает устранение любых национальных особенностей. Отметим, что именно с космополитическим «отрывом» элит от образа жизни, проблем, ценностей и ожиданий большей части населения своих стран социолог Лэш связывал деградацию политических дебатов и фактически предательство элитами демократических идеалов.

Популизм — обратная сторона элитизма

Партийно-политическое устройство западных демократий также претерпело существенные изменения: кризис системы массовых партий привел к становлению «аудиторной демократии»¹, в которой тон задает уже не партийный актив, а всевозможные эксперты-технократы и шоумейкеры. В этой новой системе граждане чаще всего довольствуются «пассивной» ролью наблюдателей, склонных к вуайеризму (ежедневному наблюдению за жизнью политиков и знаменитостей) и аккламации тех или иных политических решений². Владея словом в дискуссии, привилегированные классы оказываются более неспособными услышать чаяния страдающих или чувствующих отчуждение групп населения. Последние, в свою очередь, отказывают в доверии влиятельным слоям и управляемым ими государственными институтам. За тем, что в прессе и доминирующем политическом дискурсе обычно трактуется как «рост (крайне правого) популизма» и «возрождение национализма», с этой точки зрения зачастую скрывается попытка широких масс обрести утраченный голос и указать правящему классу на свою преданность (и его равнодушие к) вопросам общего блага и национальной идентичности. Проблема заключается в том, что народное недоверие быстро «присваивается» статусными авантюристами типа Сильвио Берлускони или Дональда Трампа.

---

¹ Манен Б. Принципы представительного правления / Пер. с англ. Е. Н. Рошина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008 [1995].

² См.: Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. С. 321—420.

па, облакающих, по сути, *политические* требования — восставление лояльности элит интересам общества и государства — в форму своего рода «анти-политики» (anti-politics). На самом деле, как доказывает британский социолог Франк Фуреди, их «антиполитическая» позиция является вовсе не альтернативой правительству технократов, а его зеркальным отражением, не имеющим позитивной программы действий¹. По сути, на смену глобализированным элитам и представляющим их экспертам, объясняющим населению, что «альтернативы нет» (there is no alternative), приходят люди, демонстративно презирующие государственные институты и рассматривающие политику как театр марионеток в руках крупного бизнеса. Другими словами — технократы иного разлива.

Само появление на политическом горизонте персонажей, подобных Берлускони и Трампу, и тем более их стремительное восхождение на вершины власти в странах с длительной демократической традицией, отражает упадок гражданского духа и девальвацию в обществе уважения к государственной деятельности. Избрание на пост президента США Д. Трампа, абсолютно не имевшего опыта государственного управления на национальном и даже локальном уровне, — весьма впечатляющий пример потери представлений о сложности государственного управления и его специфичности в отличие от коммерческой деятельности: миллиардер-спекулянт совсем не обязательно хороший политический деятель, как раз выше вероятность обратной связи. Что, кстати, прекрасно иллюстрирует пример С. Берлускони, «откатавшего» модель за два десятилетия до Трампа: медиамагнат и владелец футбольного клуба «Милан», дебютировавший в итальянской политике в возрасте 57 лет, наспех сколачивает политическую партию по примеру футбольной команды и с футбольным названием («Вперед, Италия!») и через два месяца побеждает на национальных выборах, получая кресло премьер-министра.

Важным следствием падения доверия к государству и госслужбе в странах Запада является рост произвола в сфере

---

¹ См.: *Furedi F.* There Is an Alternative // FrankFuredi.com. 25.01.2017. (URL: http://www.frankfuredi.com/article/there_is_an_alternative).

управления. Тот же Трамп в первые месяцы своего президентства не раз демонстрировал проявления произвола в принятии важных решений. Он подписал указы, ряд из которых либо сразу же отвергались судом, либо почти немедленно корректировались самим же президентом, причем в важных формулировках. Американский ученый Эзри Сулейман еще начале 2000-х годов писал об опасности такого развития событий и отмечал угрозы этого для существования эффективной демократии, поскольку «без профессиональной бюрократии демократическое общество не сможет себя сохранить»¹. Специалисты в области государственного управления (Public Administration) пришли к выводу, что в целом позитивные реформы, направленные на сжатие государственного аппарата и его удешевление (концепция, известная под названием New Public Management), порождали ряд фундаментальных проблем в тех случаях, когда не сопровождалось ростом или по крайней мере сохранением *гражданского духа, нафоса и целей управления и участия в нем*². Если государственный служащий утрачивает представление о своей роли в служении обществу, то госаппарат неизбежно проигрывает конкуренцию за профессиональные кадры бизнес-структурам как по оплате труда, так и по престижу и перспективности деятельности работника. Это приводит к депрофессионализации госслужбы, к стягиванию в нее наименее квалифицированных кадров. Последствия такого развития событий все более заметны в период гигантского усложнения задач управления, в эпоху глобализации с ее новыми и труднопредсказуемыми процессами, рисками и проблемами — экономическими, миграционными, экологическими, геополитическими и др.

В нашей книге обсуждались различные формы критики национального государства и самой идеи нации, будь то критика с философских, эстетических, социально-политических или моральных позиций. Во всех случаях она исходила

---

¹ *Suleiman E. N. Dismantling Democratic States. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2003.*

² См. подробный анализ дискуссий на эту тему в: *Оболонский А. В. Кризис бюрократического государства.*

от образованного и преуспевающего класса людей — ученых, философов, публичных интеллектуалов, артистов, бизнесменов и политических лидеров. Одновременно с этим возрастала мода на все, что связано с феноменами «транс-» и «постнационализма», «глобального гражданского общества» и «европейской демократии». Рамки национального государства показались космополитизировавшимся либеральным элитам слишком тесными, а привязанность к национальному сообществу — анахронизмом в мире возрастающего разнообразия. Тем более непонятной и возмутительной в их глазах предстала реакция «консервативных масс», голосующих за контрэлитные группировки с их радикально-националистическими и агрессивными лозунгами, а то и вовсе демонстрирующих (например, посредством абсентеизма) тотальное разочарование в политике, демократии, государстве, одним словом — «системе». Пожалуй, ничто так наглядно не иллюстрирует глубину национального раскола западных обществ в начале нынешнего столетия, как трактовка охватившей их волны национал-популизма со стороны либеральной и прогрессистской публики. Мы выделяем, как минимум, три наиболее распространенных варианта проявления данного дискурса.

1. Возрождающийся национализм. Подъем националистических настроений рассматривается большинством экспертов, комментаторов и журналистов как примитивная реакция неких хтонических сил, оспаривающих очевидные достижения открытого общества — социальный мир, терпимость, свободу передвижения (миграции), ценность разнообразия и т.д. Одновременно защита нынешнего порядка вещей в этом дискурсе приобретает черты обороны осажденной цивилизации от нарастающего напора варварства и трайбализма. Избрание Трампа на пост лидера мировой сверхдержавы и Брексит в Великобритании были восприняты левой и либеральной общественностью этих стран, а следом и на европейском континенте как мрачное предзнаменование грядущей катастрофы¹. Правящие круги и в значительной мере

---

¹ В связи с широко распространенным восприятием Брексита как катастрофы или по крайней мере серьезной угрозы для проекта единой Европы

медийная среда с новой силой принялись взывать к созданию барьеров на пути «возрождающегося национализма». Слово «национализм» в современном политическом языке Запада и так однозначно прочитывается как негативная стигма (в том числе и самими национал-популистами, предпочитающими именовать себя «патриотами»), но и указание на «возрождение» здесь не случайно: оно недвусмысленно отсылает к межвоенному периоду (1918–1939), отмеченному в Европе появлением и распространением фашизма.

Однако с научной точки зрения сравнения современных национал-популистских партий с фашизмом выглядят весьма сомнительно¹: в отличие от фашистских движений прошлого (и настоящего) цели современного популизма идентичности носят отнюдь не мессианский и не революционный, а «оборонительный» характер. Лозунг «Мы у себя дома!» («On est chez nous!»), непременно сопровождающий собрания и акции сторонников французского Национального фронта, отражает суть идеологии всех подобных движений — защитить, путем акцентирования и противопоставления, «нашу идентичность» и «наш образ жизни» перед лицом иммиграционных потоков, ислама и европейской интеграции/глобализации. Национал-популисты новой волны не стремятся к уничтожению демократической системы, но последовательно играют по ее правилам. Оппонируя модели либеральной демократии (так, как мы ее себе *сегодня* представляем), современные национал-популистские движения выступают с проектом

не будет лишним напомнить об особом положении, которое Соединенное Королевство занимало в Евросоюзе. С момента вступления в тогдашний ЕЭС в 1973 году, британцы последовательно выступали за торговый и таможенный союз в Европе и всегда оставались скептическими в отношении европейской политической интеграции, валютного и миграционного союза. Именно поэтому Великобритания отказалась применять большую часть Шенгенского законодательства (о свободном передвижении в ЕС), а также отвергла идею присоединения к еврозоне и переход на евро. В этом отношении ничего не изменили даже лейбористы в свою бытность у власти, притом что тогда их возглавлял очень проевропейски настроенный Тони Блэр (1997–2007).

¹ См.: *Taguieff P.-A. La revanche du nationalisme: Neopopulistes et xenophobes a l'assaut de l'Europe.*

преобразования последней с позиций монокультурализма и «урезанного» либерализма, очерченного национальными границами. Другими словами, можно говорить о концепции «демократии большинства» (схожие модели уже реализуются в других европейских странах, например Венгрии и Польше). Условиями доступа к плодам таким образом понимаемой свободы (равно как и другим общим благам) провозглашаются, во-первых, готовность принять господствующие в обществе культурные образцы поведения и, во-вторых, публичная демонстрация лояльности доминирующим нормам и ценностям сообщества.

Непонимание этих отличий нынешних национал-популистов от националистических движений прошлого, ведущее к бесконечному воспроизводству поверхностных аналогий в леволиберальной среде, приводит к результатам, обратным поставленным целям. Вместо разоблачения и лишения неопопулистов какой-либо социальной поддержки, стратегия их демонизации со стороны истеблишмента (одновременно с кампаниями этих движений по реабилитации собственного имиджа) лишь подтверждает их образ непримиримых борцов с «системой».

2. «Бунт лузеров глобализации» — это еще один из вариантов трактовки в медийном пространстве причин роста национал-популизма. Резкое неприятие и высмеивание политических лидеров националистического толка на страницах прогрессивистской прессы и в либеральной блогосфере часто переносится на активно поддерживающие их массы избирателей или стоящее за ними «молчаливое большинство». Так, поддержка Трампа и голосование за Брексит подается в качестве реакции озлобленных «лузеров глобализации»¹, ностальгирующих по ушедшей эпохе стабильности и процветания национальных государств. Шокированная либеральная общественность в США изобличает «восстание

---

¹ *Mudde C.* The Revenge of the Losers of Globalization? Brexit, Trump and Globalization // Huffington Post. 09.08.2016. (URL: http://www.huffingtonpost.com/cas-mudde/the-revenge-of-the-losers_b_11407468.html); *Merler S.* Compensating the “Losers” of Globalization // Bruegel. 09.01.2017. (URL: <http://bruegel.org/2017/01/compensating-the-losers-of-globalisation>).

рассерженных белых мужчин»¹, грезящих образом «великой Америки» 1950-х годов² — атомной сверхдержавы во главе капиталистического мира, переживающей индустриальный подъем и не знающей слова «политкорректность». Что же касается англичан, то они, по мнению профессора Кембриджа Николаса Бойла, охвачены иной ностальгией — по былому имперскому величию. «Еврофобия, продемонстрированная на референдуме, — пишет он, — является специфически английским психозом, нарциссическим выражением именно английского кризиса идентичности». (Речь идет об англичанах, а не о британцах, поскольку в Шотландии и Северной Ирландии, а также в космополитическом Лондоне большинство высказалось за Remain.) Лишь когда англичане осознают, что «в мире — в действительности, на Британских островах — живут не только они сами», можно будет надеяться на то, что «доведшие Англию до Брексита иллюзии наконец будут рассеяны в результате контакта с реальностью». Тогда же «излеченные от психоза англичане попросятся назад в ЕС»³.

На «смесь пренебрежения и опаски», с которой новые элиты взирают на массы, указывал еще К. Лэш⁴. Подобно тому как в XIX веке западноевропейская городская буржуазия презрительно описывала рабочий люд не иначе как «опасные классы» (*classes dangereuses*), а крестьянское население провинций как «дикарей» (*sauvages*), современная образованная и высокостатусная публика на Западе обрушивает свой гнев

¹ *Sedensky M.* America Divided: The Rebellion of the Angry White Man // LGBTQ Nation. 20.10.2016. (URL: <http://www.lgbtqnation.com/2016/10/america-divided-rebellion-angry-white-men>).

² *Edwards-Levy A.* Half of Americans Want to Take the Country Back to the 1950s // Huffington Post. 25.10.2016. (URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/americans-1950s-poll_us_580fcf0be4b08582f88c9575); *Gaskell S.* For Donald Trump, Making America “Great Again” Means Making It More Like the 1950s // Mic. 16.09.2016. (URL: <https://mic.com/articles/153611/for-donald-trump-making-america-great-again-means-making-it-more-like-the-1950s#.fjcd9sy3u>).

³ *Boyle N.* The Problem with the English: England Doesn’t Want to Be Just Another Member of a Team // The New European. 17.01.2017. (URL: http://www.theneweuropean.co.uk/top-stories/the_problem_with_the_english_england_doesn_t_want_to_be_just_another_member_of_a_team_1_4851882).

⁴ См.: *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. С. 26.

и отвращение на массы «реднеков», «расистов», «традиционалистов» и «националистов». К слову, примерно так же, как (с поправкой на историко-политический контекст) российская либеральная общественность обзывает ностальгирующих по брежневской эпохе россиян «совками», а одобряющих политику президента Путина сограждан — «ватниками». В этой риторике столь же много пафоса и социального расизма, как и полтора века назад, но чего в ней не хватает, так это маломальского стремления понять, убедить, просветить, а для начала хотя бы вступить с оппонентом в диалог. Справедливо изобличая необоснованные страхи и ксенофобию соотечественников, просвещенная западная публика сама демонстрирует крайнюю нетерпимость. Поэтому неудивительно, что такой подход образованных слоев общества лишь углубляет символический раскол между «космополитическими элитами» и «простым народом», вносимый риторикой популистов. В конечном счете морализаторство в адрес «неудачников» и «страдающих психозом» сограждан фактически означает признание интеллектуального и политического бессилия говорящего.

3. «Архаичная реакция на прогресс». Данная разновидность элитарного дискурса не сильно отличается от двух предыдущих. Сквозь эту призму национал-популистские движения в современной Европе и США должны рассматриваться как негативная реакция на прогресс, вернее на то, что сегодня под этим словом понимается (эмансипация нравов и моделей индивидуального поведения, «космополитизация» сознания и проч.). Безусловно, такая точка зрения не лишена оснований. Однако она не может претендовать на исчерпывающий объяснительный характер.

На наш взгляд, новые формы европейского и американского национализма, принимающие популистскую стилистику, являются не только и не столько протестом против прогресса, сколько *выражением антиэлитизма*. Другими словами, ответом на разрыв связи (разрыв во многом вполне реальный, но нередко и мнимый) между правящими и задающими интеллектуальную моду группами, с одной стороны, и непривилегированными классами — с другой.

Светлана Бойм, авторитетная исследовательница ностальгии, отмечала, что этот феномен не есть «враг современности, а ее составная часть». Это относится не только к рефлексующей ностальгии, отсылающей «к индивидуальной и культурной памяти», но и к ностальгии реставрирующей, которая «занимается прошлым и будущим нации»¹. Вот и нынешние национализмы идентичности бросают *современный* вызов западным демократиям, делая это в том числе при помощи ностальгии — конструирования утопии прошлого и мифологизации исторического времени. Яркие, но вместе с тем предельно расплывчатые образы «старой доброй Англии», «великой Америки» или, скажем, «нежной Франции»² времен послевоенного экономического подъема не столько отсылают, как кажется на первый взгляд, к прошлым эпохам, сколько служат символическими маркерами актуальных политических притязаний.

Историк Джеффри Хоскинг связывает нынешнюю волну национал-популизма в странах Европы с эрозией национального государства в процессе экономической глобализации, притом что государству и сегодня нет равных как в воспроизводстве «символических систем, создающих и поддерживающих широкое доверие в обществе (generalized trust)», так и в отпращивании «функции менеджера публичных рисков (public risk manager)»³. Без принятия в расчет этих обстоятельств невозможно объяснить, почему, например, новые националистические движения являются «правыми в вопросах этнической политики (ethnic policy)» и одновременно «левыми в вопросах экономики»⁴. Открыто демонстрируя и распространяя ксенофобию, практически все европейские национал-популисты «хотят выстроить заслон против транснациональных компаний и восстановить государственный

¹ Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89). (URL: http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/11s.html#_ftnref1).

² «Douce France», так называлась известная песня, записанная шансонье Шарлем Трене в 1947 году.

³ Hosking G. Why Has Nationalism Revived in Europe? // Nations and Nationalism. 2016. Vol. 22, N 2. P. 212.

⁴ Ibid. P. 219.

контроль над движением капиталов (*capital controls*)»¹. И хотя все они выступают с инициативами по снижению налогов для среднего класса и мелкого бизнеса, некоторые из них, как Марин Ле Пен, одновременно критикуют политику бюджетной экономии (*austerity*) и борются за сохранение и даже расширение существующих социальных гарантий. В этом свете было бы ошибкой (к чему подталкивает интерпретация в логике «протеста против прогресса») сводить антииммигрантский и исламофобный дискурс европейских национал-популистов к реваншу за «ценности дедов»², а их радикальную критику глобализации и европейской интеграции — исключительно к онтологическому страху перед фигурой Другого. За этой критикой в не меньшей, а вероятно, и в большей степени стоит неприятие проводимой правящими элитами политики, и особенно их опора на «одностороннюю» коммуникацию, не предполагающую активного участия граждан.

К подобному заключению приходит политический философ Майкл Сэндел в своем анализе победы Трампа на президентских выборах в США. По его словам, прогрессивные партии «должны извлечь для себя урок благодаря потеснившему их популизму... принимая всерьез обоснованное беспокойство (*legitimate concerns*)» части общества, скрывающееся за внешней оболочкой нетерпимости и ксенофобии³. Сэндел выделяет четыре основных сюжета, которые лежат в основе растущего беспокойства американцев и выступают причиной небывалой популярности «трампизма». Это углубляющееся неравенство доходов, меритократическое высокомерие (*meritocratic hubris*) элит, падение престижа работы (*the dignity of work*) в обществе и, наконец, вопросы патриотизма и принадлежности к национальному сообществу⁴. Попытка предложить адекватные пути решения этих проблем, таким образом,

---

¹ Ibid.

² Агаев В. Приступы идентичности // Коммерсант. 06.02.2017. (URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3205840>).

³ Milano B. To Understand Trump, Learn from His Voters // Harvard Gazette. 22.02.2017. (URL: <http://news.harvard.edu/gazette/story/2017/02/to-understand-trump-learn-from-his-voters>).

⁴ Ibid.

упирается в необходимость смены привычной для либеральной общественности оптики. С этой же необходимостью недавно пришлось столкнуться и европейским элитам.

Единая Европа и национальная идентичность

«Правительства [в Европе] не хотят признать, что самые важные проблемы XXI века вращаются вокруг вопросов идентичности — человека, общности, нации», — заявила в одном интервью Фрауке Петри, на тот момент лидер партии «Альтернатива для Германии»¹. Наверняка у госпожи Петри особое мнение на этот счет, но само указание на первостепенную значимость связанных с идентичностью вопросов в странах Европы представляется симптоматичным. Особенно вызывающе это заявление звучит в Германии, где обсуждение всего, что связано с темой национального, на официальном уровне долгое время считалось недопустимым. Но и в политическом языке Евросоюза вопросы идентичности всегда оставались на периферии и по большей части рассматривались в негативном ключе: само слово «идентичность» в первую очередь ассоциировалось с национальным сознанием и так называемым национальным эгоизмом государств-членов — инерционным образом мыслей и действий, тормозящим европейскую интеграцию или препятствующим ей. Не секрет, что проект объединенной Европы во многом задумывался с целью ослабления национальных идентичностей входящих в него стран (немецкой, французской, бельгийской, итальянской и др.) и преодоления государственных границ, сковывающих свободное передвижение капиталов и людей.

Что же касается общеевропейской идентичности, которая по логике вещей должна была заменить собой национальное сознание жителей ЕС, то проект по ее конструированию, по существу, так и не был разработан. Еще во времена

---

¹ Фрауке Петри: «Нас накроет мощная волна патриотизма» // Газета «Культура». 15.12.2016. (URL: <http://portal-kultura.ru/articles/person/142945-frauke-petri-nas-nakroet-moshchnaya-volna-patriotizma>).

«отцов-основателей» Евросоюза Жана Монне и Робера Шумана предполагалось, что мотором европейской интеграции выступает экономическая кооперация, за которой неминуемо следует создание общих управленческих и политических структур. Остальное, как говорится, приложится. Однако по мере углубления процессов интеграции европейских экономик накапливалось все больше противоречий, решить которые не удавалось и при помощи таких институтов, как Европарламент, Европейская комиссия и Европейский совет. Со временем выяснилось, что изначальная схема просто перестала работать. Дефицит общего видения единой Европы среди элит европейских стран, в том числе как геополитического образования в глобальном мире, отчетливо проявился к началу нынешнего столетия¹. Растущее недоверие граждан к Брюсселю, в свою очередь, создавало почву для новых распрей и недовольства европейским вектором политики своих стран.

За несколько лет до наступления масштабного миграционного кризиса, расколовшего и рассорившего европейские правительства, а также беспрецедентного решения Великобритании о выходе из состава ЕС Фрэнсис Фукуяма отмечал: главная проблема Евросоюза, от решения которой зависит его будущее, состоит не в сложностях экономической интеграции и даже не в работе европейских политических институтов, а в вопросе европейской идентичности. Констатируя системный сбой на этом направлении, политолог указывал на то, что «никогда не существовало удачной попытки создать европейский смысл идентичности, европейский смысл гражданства, которое определило бы права и обязанности европейцев по отношению друг к другу за рамками формальных договоров»². Впрочем, даже если бы четкий проект по формированию сознания наднационального европейского сообщества был предложен, он неминуемо натолкнулся бы на целый

¹ См.: Yves Lacoste: «La nation, ce concept géopolitique fort, n'est pas d'essence populiste» // L'Express. 02.04.2014. (URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/yves-lacoste-la-nation-ce-concept-geopolitique-fort-n-est-pas-d-essence-populiste_1504212.html).

² Фукуяма Ф. Проблемы европейской идентичности // Gefter. 17.06.2013. (URL: <http://gefeter.ru/archive/9047>).

ряд объективных трудностей. Как уже отмечалось, причина этого состоит в том, что европейская концепция идентичности изначально не может опереться на единую культуру, один язык и общую историю, а потому она заранее проигрывает в конкуренции национальным формам сознания.

Отсутствие консенсуса в представлениях о европейской культуре проявилось во время подготовки проекта Конституции ЕС, которая так и не вступила в силу, будучи отвергнутой на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 году. Тогда много шума наделали споры о культурном наследии Европы. В центре разногласий оказался вопрос о роли духовных ценностей: одни настаивали на признании особой роли христианства (а также других религий — иудаизма и ислама) в формировании европейской цивилизации, тогда как их оппоненты высказывались за приоритет ценностей гуманизма и светской традиции Просвещения, сформировавшей основы современной Европы¹. Однако в действительности ни гуманистические ценности, такие как права человека, демократия и терпимость, ни тем более христианство не могут служить надежной основой европейской идентичности. Религия в Европе по преимуществу стала частью личной жизни людей, и хотя возможности общественной мобилизации на базе апелляции к христианским ценностям далеко не исчерпаны (в особенности по таким вопросам, как, к примеру, право на аборт или однополые браки), эти ценности больше не могут служить основой для консолидации всего общества ни в одной из стран ЕС, включая наиболее религиозные Польшу и Италию. В то же время официально декларируемые гуманистические идеалы европейской цивилизации, несмотря на (вполне справедливое) подчеркивание исторической роли Европы в их кристаллизации и распространении по миру, мыслятся и понимаются как универсальные ценности. А это подрывает любые потенциальные и на самом деле оправданные попытки определить их собственно европейскую (то есть

---

¹ См. подробнее: *Bossuat G. Histoire d'une controverse. La référence aux héritages spirituels dans la Constitution européenne // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 2005. Vol. 78, N 1. P. 68–82.*

не французскую или испанскую, а общую для всех европейцев) специфику. Помимо этого, приверженность ценностям прогресса, имеющим всемирно-историческое значение и, таким образом, преодолевающим любые проявления «евроцентризма», существенно ограничивает возможности четкого определения символических (и даже политических) границ единой Европы.

Не меньше проблем с языковым разнообразием. Девиз Евросоюза гласит: *In varietate concordia*, «Единство в разнообразии». Тема плюрализма культур, традиций и языков европейцев — один из ключевых элементов дискурса европейских элит. В ЕС официально признаны 24 языка (не считая таких языков, как каталанский и уэльский, имеющих статус «приравненных к официальным», *so-official languages*), на которых публикуются все документы и ведется работа в Европарламенте. Очевидно, что в нормальном общении на уровне ЕС просто невозможно использовать даже половину из двух с лишним десятков языков, а потому наиболее популярными рабочими языками являются французский и английский. Французский в первую очередь потому, что местом расположения штаб-квартиры Евросоюза был выбран Брюссель, английский — как самый популярный язык международного общения в послевоенной Европе и мире (собственно, английский язык потеснил французский, прежде игравший роль языка международной дипломатии и деловой переписки). Остальные языки, по сути, играют второстепенную роль. С этим связана другая проблема: немецкий язык не имеет того же статуса, что французский и английский¹, хотя именно ФРГ вместе с Францией сыграла ключевую роль в европейской интеграции. Германия и по сей день де-факто

¹ О необходимости «поднять» немецкий язык до их статуса внутри ЕС не раз высказывались видные политики Германии, включая канцлера А. Меркель: *Iasagar J. German "Should Be a Working Language of EU", Says Merkel's Party // The Telegraph. 18.06.2013. (URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/germany/10128380/German-should-be-a-working-language-of-EU-says-Merkels-party.html>). В условиях выхода Великобритании из ЕС стоит ожидать некоторого ослабления доминирующей роли английского языка в публичном европейском пространстве, что прибавляет немецкому шансы упрочить свои позиции.*

является лидером объединенной Европы, впрочем, избегающим взять на себя слишком много ответственности.

Проблема общеевропейской исторической памяти особенно ярко проявилась в последние десятилетия, в частности после подписания Маастрихтского договора (1992). Именно тогда заметно ускорились процессы конструирования общеевропейского исторического нарратива и коллективной памяти. Чаще всего выбор делался в пользу нейтральных символических стратегий, которые должны были «никого не обидеть», но от этого лишались эмотивной составляющей. Наиболее яркий пример — банкноты евро, на которых видны «стилизованные изображения мостов, готических или романских арок», неидентифицируемых с тем или иным конкретным местом¹. Несмотря на подобную политику, процессы создания европейской памяти сталкиваются с целым рядом проблем, вытекающих из разнообразия исторического опыта и оценок прошлого. В этом отношении основной водораздел, если не сказать глубокий раскол, пролегает между странами Западной и Центральной Европы.

В Западной Европе центральным сюжетом дебатов на исторические темы является переосмысление имперского прошлого и преодоление колониального наследия. С утверждением «постколониального сознания» связано переписывание школьных и университетских программ по истории и смена символической политики западноевропейских государств. Напомним, что все страны Западной Европы, стоявшие у истоков европейской интеграции, за исключением Люксембурга (то есть Франция, Германия, Италия, Бельгия и Нидерланды), долгое время были имперскими метрополиями². Этот общий опыт, безусловно, объединяет национальные стратегии стран Западной Европы по ревизии исторического сознания. Другой важнейший, и также общий для этих стран, фактор такой ревизии — это память о двух мировых

¹ См.: Дьеккофф А., Филиппова Е. И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение Online. 2014. № 1. С. 197.

² В этом смысле ЕС можно рассматривать как союз бывших метрополий, интеграция которых во многом сгладила последствия постимперской ностальгии в этих странах.

войнах, и прежде всего Второй мировой, рассматриваемых как следствие соперничества европейских метрополий за геополитическое могущество. Собственно, предотвращение столь же разрушительных конфликтов в будущем с самого начала, то есть с 1950-х годов, почиталось как историческая миссия европейской интеграции, зафиксированная в провозглашаемых целях Евросоюза — мире и процветании (*peace and prosperity*). Позже, к 80-м годам XX века в странах тогдашнего ЕЭС сформировался консенсус относительно прошлого, в основу которого была положена память о Холокосте.

В процессе расширения Европейского союза в 2004 году в его состав вошли государства Центральной Европы и балтийские республики, которые, по словам историка Алексея Миллера, «просто взорвали этот консенсус»: участники Холокоста здесь нередко воспринимались как национальные герои¹. Однако центральное место в публичных дебатах об истории и «исторической политике» центральноевропейских стран занимает не это событие и даже не ужасы 1939–1945 годов, а опыт жизни данных обществ при социализме. Что касается Венгрии, то там весьма заметна и «имперская ностальгия» — болезненная память об утраченных после двух мировых войн венгерских землях, ставших частью Румынии, Словакии, Сербии и других государств. В отличие от западноевропейских стран, разоблачающих собственное имперское прошлое колонизаторов, государства Центральной Европы и Балтии принялись конструировать сознание общества-жертвы, пострадавшего от советской оккупации. Если на западе Европы заметны некоторые признаки ослабления национальной идентичности вследствие роста внимания к правам меньшинств и выработки позитивного восприятия культурного разнообразия, то на востоке континента наблюдается другая историческая динамика. После краха Советской империи здесь возобновились процессы конструирования

---

¹ См.: Миллер А. Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит // Россия в глобальной политике. 02.06.2015. (URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Evropskie-voiny-pamyati-kto-vzorval-konsensus-istorii-i-chem-za-eto-zaplatit--17482>).

образов этнически гомогенных наций, а тема мультикультурности в публичном пространстве, мягко говоря, не пользуется большой популярностью. Эти различия в политике памяти существенно обострили внутриевропейские противоречия, выходящие за рамки собственно споров об истории. «Когда Европейский парламент принял в качестве общеевропейского Дня памяти День памяти жертв тоталитарных режимов (23 августа — день подписания в 1939 году пакта Молотова — Риббентропа), — отмечает Миллер, — то стало понятно, что европейский дискурс о прошлом переформатировался»¹. А вместе с ним изменился баланс сил внутри Евросоюза, в том числе в определении его внешней политики по отношению к России, со своей стороны охотно вступившей в европейские войны памяти.

Несовпадение картин прошлого и оценок референтных исторических событий оказывает непосредственное влияние и на взаимные отношения между государствами — членами ЕС. Наглядной иллюстрацией этому служит недавний *миграционный кризис, фактически разделивший Евросоюз на два лагеря*, каждый из которых имеет вполне ясные географические очертания. Во главе стран, выступивших за прием беженцев от имени гуманизма и европейской солидарности, оказалась Германия, воспринимающая себя как виновницу развязывания самой разрушительной в истории войны и геноцида евреев. И хотя волна критики в адрес немецкого руководства продемонстрировала, что внутригерманский консенсус относительно прошлого с недавних пор подвергается эрозии, ФРГ за два года приняла более миллиона ближневосточных беженцев. Лидеры других стран на западе, севере и юге Европы, хотя и без особого энтузиазма и с большей осторожностью в оценках, в целом поддержали позицию канцлера Меркель. Напротив, в лагере противников приема беженцев единым фронтом выступили все «постсоциалистические» страны Центральной Европы и Балтии. Лидеры этих государств, культивирующие в своих обществах сознание жертвы, просто отказались принимать мигрантов, притом что ни одна

---

¹ Там же.

из этих стран, за исключением Венгрии, практически не испытала на себе никакого эффекта от миграционного кризиса. Несмотря на это, тема миграции в Европу была использована руководством центральноевропейских стран как средство оспаривания изнутри нынешней структуры Евросоюза и даже самой целесообразности его существования. Так, открещиваясь от напоминаний о более чем 170 тыс. венгерских граждан, бежавших из страны после событий 1956 года и принятых в странах Западной Европы¹, премьер Венгрии Виктор Орбан трансформировал свою традиционно жесткую антимигрантскую позицию в ультимативную риторику, адресованную Брюсселю. В разгар кризиса беженцев Орбан дошел до того, что принялся разоблачать угрозу «советизации» Евросоюза² (отметим неслучайный характер этой псевдоисторической отсылки). Тем временем бывший президент Чехии Вацлав Клаус и его помощник опубликовали книжку с характерным названием «ООО “Переселение народов”»³. Изобличая «лицемерный и извращенный гуманизм» европейских элит, взывающих к солидарности и распределению беженцев по квотам между государствами — членами ЕС, авторы фактически обвиняют «маму мигрантов» Ангелу Меркель и председателя Еврокомиссии Жан-Клода Юнкера в использовании кризиса на Ближнем Востоке в собственных целях. А именно для дискредитации внутриевропейской оппозиции (то есть таких людей, как сам Клаус) и даже замещения коренного населения континента «новыми европейцами»⁴.

Подведем предварительный итог: на пути создания европейской идентичности возникло множество трудностей,

¹ См.: *Petite S.* Ne parlez plus des réfugiés de 1956 à la Hongrie // *Le Temps*. 26.10.2016. (URL: <https://www.letemps.ch/monde/2016/10/26/ne-parlez-plus-refugies-1956-hongrie>).

² См.: *Gutteridge N.* Stop the EUSSR! Hungary PM Slams Brussels “Sovietisation” in Savage Attack on Federalism // *Express*. 24.10.2016. (URL: <http://www.express.co.uk/news/world/724664/European-Union-Viktor-Orban-Sovietisation-Brussels-EU-refugees-migrant-crisis>).

³ *Клаус В., Вейдл И.* ООО «Переселение народов»: Краткое пособие для понимания современного миграционного кризиса / Пер. с чешск. И. Безруковой и Н. Фальковской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017 [2015].

⁴ Там же.

преодолеть которые в обозримой перспективе не представляется возможным. Но все же главная проблема, препятствующая наполнению символическим и практическим смыслом понятия европейского гражданства, заключается, пожалуй, в отсутствии европейского гражданского общества как такового и в слабости единого публичного (политического) пространства Евросоюза. Без ощущения общности, базирующейся на культурных связях и чувстве солидарности поверх национальных границ, не возникает и чувства сопричастности рядовых европейцев осуществляемой от их имени политике, на которую они при этом практически никак не могут повлиять. Поскольку, по словам Алена Дьеккоффа, «европейское гражданское общество находится в лучшем случае в зачаточном состоянии»¹, у обычных европейцев не возникает большой заинтересованности в европейской повестке, выходящей за рамки повестки национальной. Отмечая высокий уровень неучастия на европейских выборах (в среднем в государствах — основателях ЕС он колеблется в районе 55%, а в других странах еще выше), политолог указывает и на другое обстоятельство: «...подавляющее большинство населения государств-членов [Евросоюза] по-прежнему перемещается исключительно или по большей части внутри национальных границ»². В целом же «можно сделать вывод лишь о живучести национальной идентичности в Европе, будь то в форме привязанности к национальному государству, популистского и реакционного национализма или “регионального национализма”»³.

Провал проекта европейской «транснациональной демократии» признают даже ее поборники, такие как Юрген Хабермас. Немецкий философ указывает на неслучайную связь между тем обстоятельством, что «европейская политика не укоренена в гражданском обществе», и такой организацией Евросоюза, при которой «ключевые экономические

¹ Дьеккофф А., Филиппова Е. И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху. С. 197.

² Дьеккофф А., Филиппова Е. И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху. С. 197.

³ Там же. С. 198.

решения, затрагивающие интересы всего общества, выведены из-под демократического контроля (removed from democratic choice)»¹. Крайняя слабость европейского публичного пространства, в частности, способствует тому, что депутаты Европарламента, то есть представители европейских граждан, не обладают эффективными инструментами взаимодействия с избирателями. Вместе с тем выработка непосредственной политики и принятие решений от имени всего Евросоюза сводится к способности глав правительств государств-членов договориться между собой и с брюссельской «евробюрократией». Связь действует и в обратном направлении: отсутствие механизмов влияния на проводимую Евросоюзом политику, на что к тому же постоянно указывают «евроскептики», порождает у людей недоверие. Судя по данным Евростата, с середины 2000-х годов наблюдается устойчивая тенденция уменьшения доли граждан, доверяющих ключевым институтам ЕС. Так, с 2004 по 2014 год доля европейцев, выражающих доверие Еврокомиссии, сократилась с 52 до 38% (в среднем по странам ЕС), к Европейскому совету — с 45 до 36%, а к Европарламенту — с 57 до 42% за тот же период².

Евросоюз утратил прежний позитивный и во многом идеализированный образ, и сегодня доминирующая «картинка» ЕС больше напоминает обузу, нелегитимную надстройку, чем воплощение исторического прогресса и политической воли европейских граждан. В этом контексте недавнее заявление главы Европейского совета Дональда Туска об иллюзорности проекта «одной европейской нации» и о насущной необходимости убедить европейцев в способности ЕС «поддерживать чувство безопасности и стабильности»³ следует рассматривать как признание глубины накопившихся противоречий

¹ Core Europe to the Rescue: A Conversation with Jürgen Habermas about Brexit and the EU Crisis // Social Europe. 12.07.2016. (URL: <https://www.social-europe.eu/2016/07/core-europe-to-the-rescue>).

² См.: Level of Citizens' Confidence in EU Institutions // Eurostat. (URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tsdgo510&language=en>).

³ EU Official Tusk: Idea of One European Nation Is "Illusion" // Daily Mail. 05.05.2016. (URL: <http://www.dailymail.co.uk/wires/ap/article-3575754/EU-official-Tusk-Idea-one-European-nation-illusion.html>).

и вызванной ими эрозии европейской идеи. На наш взгляд, критическое переосмысление этой идеи, а следовательно, и ее институциональное оформление в будущем должны исходить из нескольких принципов.

***Внимание к идентичности, отказ от иллюзий
и возврат к гражданской нации***

Проведенный анализ привел нас к нескольким базовым выводам.

Первый и важнейший из них звучит так: *нельзя отрицать национальные идентичности и связанные с ними культурные различия*. Национальное самосознание в современном мире играет ту же роль, какую религия и сословия играли в прошлом, являясь *господствующей формой коллективной идентичности людей*¹. История Европейского союза наглядно показывает, что надежды на «преодоление» национальной идентичности и национального сознания европейцев оказались иллюзорными. Представления о том, что лояльность национальному сообществу отпадет за ненадобностью в процессе углубления экономической интеграции и в конечном счете будет заменена преданностью универсальным ценностям и абстрактным символам, столкнулись с целым рядом обозначенных препятствий. И это в самых развитых, по всем существующим показателям, демократиях в мире. Что уж говорить об остальных странах, где публичное обращение к «национальной теме» за последние десятилетия не только не ослабело, но и значительно укрепилось?²

Попытки отрицать или даже «вытравить» национальное сознание в европейских странах обернулись ростом недовольства со стороны широких слоев населения. Это недовольство зачастую принимает агрессивные формы антиглобалистской

---

¹ См.: *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности / Пер. с англ. Т. И. Грингольц и М. Р. Вирозуб. М.: ПЕР СЭ, 2012 [1992]. С. 25.

² См., напр., статьи сборника «Культурная сложность современных наций» (отв. ред. В. А. Тишков и Е. И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016).

риторики, неприятия европейской интеграции *в любом ее виде* и страха перед «исламской угрозой». С другой стороны, хроническое невнимание европейских элит к вопросу идентичности, который до самого последнего времени рассматривался как третьестепенный, аукнулось в трудный для объединенной Европы момент. Отсутствие европейского гражданского общества, публичного пространства и четких политических границ оказало услугу всевозможным «евро-скептикам», отныне с большей чем прежде убедительностью призывающих покончить с «диктатом Брюсселя» и вернуть суверенитет и свободу народам Европы.

Эрозия национального сознания в США имеет свои особенности по сравнению с европейскими странами. В Америке с 1970-х годов стала превалировать тенденция, которую Марк Лилла, профессор Колумбийского университета, называет «идентитарным либерализмом» (*identity liberalism*). По словам ученого, этот либерализм проявляется в «чрезмерном внимании к вопросам разнообразия (*the fixation on diversity*)» в американских школах, прессе и политике, породившем «целое поколение самовлюбленных либералов и прогрессистов, невосприимчивых к условиям жизни за пределами своих узких групп (*self-defined groups*)»¹. Помешательство на публичной экспликации и подчеркивании партикулярных идентичностей привело к забвению единого гражданского сознания и фрагментации американского общества, о чем еще в начале 2000-х писал Хантингтон².

Другой важный вывод состоит в *признании иллюзорности и контрпродуктивности как элитарного космополитизма, так и низового национал-популизма*, апеллирующего к средним слоям и рабочему классу. Как часто бывает с противостоящими друг другу крайними позициями, между ними есть немало общего. В сущности, поднявший голову в Европе и Америке национал-популизм является зеркальным

¹ Lilla M. The End of Identity Liberalism // The New York Times. 18.11.2016. (URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/20/opinion/sunday/the-end-of-identity-liberalism.html>).

² См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности.

отражением космополитизма политических, интеллектуальных, экономических и художественных элит. Если космополитизм выступает за неограниченную глобализацию во всех ее проявлениях, то национал-популизм — за государственный патернализм и жесткий протекционизм; если один отстаивает «идентитарный либерализм» и самоценность разнообразия в любых его формах, то другой произносит панегирики в адрес консервативных нравов и показательной демонстрации национальной лояльности. В той же мере, в какой элитарный космополитизм не может быть практическим решением, не углубляющим социально-политического раскола западных наций, популизм идентичности не является достойной альтернативой хотя бы в силу своей изначально реакционной природы, не говоря уже о неадекватности большинства предлагаемых им мер.

Раскачивающиеся качели между космополитической утопией «постнационального» мира и не менее утопичным проектом «гомогенной» нации пока только усиливают их антагонизм. При этом ослабляется способность разных групп договариваться между собой и подрывается вера в демократические институты. Постоянно углубляющийся с конца прошлого века национальный раскол формирует, возможно, главный интеллектуальный и политический вызов для современного Запада. Заключается он в том, чтобы не отмахиваться от национал-популистской реакции как от архаики, заранее обреченной на проигрыш моральному и социальному прогрессу, но рассматривать эту реакцию как эксцентричный и во многом разрушительный протест против иллюзий и заблуждений, свойственных эпохе постмодернизма в западной и мировой политике.

Мы начали эту книгу с указания на некоторые общие для России и ведущих стран Европы процессы. Они связаны с интеллектуальной и политической дискредитацией идеи гражданской нации, эрозией демократических институтов, а также атаками на либеральные ценности (со стороны радикалов в Европе и политического руководства в России). Но если в российском случае речь идет об имитации национального единства и демократической системы, то на Западе ситуация,

скорее, может быть описана в терминах «пресыщения» и головокружения от успехов национального развития последних двух столетий. Вместе с тем именно в западных странах появились и некоторые проблески света в конце туннеля: во влиятельных политических кругах Запада стало заметно *критическое переосмысление связи между гражданским национализмом и либеральной демократией*. Так, например, все лидирующие кандидаты во французской президентской гонке 2017 года выступали с позиций укрепления национального единства.

В этом отношении избрание Эммануэля Макрона на пост президента Франции может оказаться весьма важным событием. Во-первых, оно олицетворяет собой стремление активизировать гражданское участие и восстановить доверие к политическим институтам на фоне череды коррупционных скандалов и кризиса традиционных партий. Созданное Макроном движение *La République en Marche* («Вперед, Республика») изначально опиралось на вовлечение в политику представителей гражданского общества, и на парламентских выборах в июне 2017 года оно нанесло сокрушительное поражение как социалистам, так и правым (крайним и умеренным). Во-вторых, феномен «макронизма», в значительной мере, удовлетворяет запрос на утверждение национального согласия на основе приверженности ценностям либеральной демократии. Наконец, в-третьих, это событие является примером либерально-демократической и одновременно национальной альтернативы как изоляционистским тенденциям (Брексит, «трампизм»), так и антинациональному космополитизму. Нанеся поражение лево- и право-популистским проектам (Ж.-Л. Меланшон и М. Ле Пен), победа Макрона имеет все шансы стать одним из ключевых факторов реформирования Евросоюза.

Реалии нынешнего века дают все больше подтверждений того, что гражданское общество не может существовать чисто виртуально, в отсутствии чувства солидарности его членов и их практического участия. Без государства-нации не получается построить либеральную демократию (и демократию вообще), поскольку она «может осуществляться только в пределах четко определенного политического

сообщества»¹. Философ Чарльз Тэйлор так сформулировал эту мысль: «Гражданская демократия может работать только в том случае, если большинство ее членов убеждено в том, что их политическое общество — это важное общее дело, и считает свое участие в нем необходимым для сохранения демократии»². Именно поэтому вне развития гражданской нации затруднено, если вообще возможно, развитие демократии: без национальной идентичности, гражданского участия и чувства сопричастности рядовых граждан и элит в достижении национального согласия и процветания демократические институты перестают работать, а ценности свободы и равенства лишаются социальной основы.

---

¹ *Taguieff P.-A.* La revanche du nationalisme: Néopopulistes et xénophobes à l'assaut de l'Europe. P. 201.

² *Тэйлор Ч.* Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос. 2006. № 2 (53). С. 130.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Аверьянов В. 198
Агаев В. 243
Агамбен Дж. 42, 43
Агурский (Мэлик) М. 171
Аденауэр К. 63
Адзельо М. де 29, 31
Айзенберг Б. 105
*Айзенштадт Ш. 19, 77
Аксаков И. 162
Аксаков К. 162
Александр I 139, 160
Александр II 162
Александр III 205
Алексащенко С. 50
*Алмонд Г. 197
Альенде С. 12
Ампилов В. 171
*Амсель Ж.-Л. 68
*Андерсон Б. 29, 53, 65
Андропов Ю. 202
Антонов Р. 178
Аренд Х. 42
Аристотель 41
Арон Р. 10
*Артог С. 35
Арутюнян Ю. 187
- Бабурин С. 171
Баринов И. 136
Баррес М. 185
Бастиа Ф. 85
Бауман З. 63, 208
*Бейссингер М. 195
- Бек У. 61, 105
Белл Д. 10
Беляева Г. 168
Бенхабиб С. 100
Берлин И. 28, 36, 42
Берлускони С. 234, 235
*Берс Ф. 105
*Бершидский Л. 228
*Бойл Н. 240
Бойм С. 242
*Брубейкер Р. 34, 114, 135, 136,
215, 216
Бугай Н. 148
Бурдые П. 215
*Бушар Ж. 104, 133, 148
- Варгас Льюса М. 13, 89
Вайда А. 201
Вайнгаст Б. 44, 74
Валуев П. 162
Васильев Д. 175
Вебер М. 37, 98
*Вебер Ю. 30, 113
Вейгл И. 251
Вельцель К. 67
Венцлова Т. 89, 90
*Верба С. 197
Верховский А. 184
*Вивьерка М. 90
Вилдерс Г. 132
Вишневский А. 122, 124
Вишневский Б. 50
Вортман Р. 161, 186

¹ Знаком * обозначены имена авторов, которые упоминаются в основном тексте книги на русском языке, а в сносках — на других языках.

- Гагарин Ю. 189
 Гайдар Е. 152, 156, 195
 Гамсахурдия З. 65
 Гасанов М. 151
 Геллнер Э. 47, 56, 61, 62, 70
 Герасимов И. 155, 156
 Гердер И. Г. 63, 186
 Герценштейн М. 165
 Гирц К. 29
 Голль Ш. де 36, 63
 Горбачев М. 175, 192
 Готфрид П. 63
 Гоффе Н. 101
 Гринфельд Л. 254
 Гудков Л. 21, 147, 194, 203
 Гумилев Л. 170
- Д**
 Данилевский Н. 163
 *Даунс Э. 11, 12
 *Дойч К. 39
 Донской Д. 189
 Дробижева Л. 187
 Дубин Б. 141, 142, 144, 194,
 200, 201, 202
 Дугин А. 171, 198, 204, 223
 Дьбекофф А. 248, 252
- Е**
 Евтушенко Е. 197
 Екатерина II 139, 189
 Ельцин Б. 173, 175, 192, 193
- Ж**
 Жириновский В. 171
 Жуков Г. 189
- *Загаевский А. 89
 Задорнов М. 18
 Захаров А. 138
 Зерубавель Э. 41
 Зюганов Г. 171, 199
- И**
 Иван Грозный 168, 189
 Иванов Н. 101
- Ильин И. 193
 Инглхарт Р. 67, 220
 Иноземцев В. 57, 131
 Иоллос Г. 165
- К**
 Кадио Ж. 152, 153
 Кадыров А. 225
 Кадыров Р. 225
 Калинин И. 154
 *Калхун К. 66
 Кант И. 61
 Капустин Б. 46, 47, 48, 84
 *Караганов С. 175
 Кара-Мурза А. 21, 51, 192,
 199
 Каспэ С. 107, 152
 Кастель Е. 186
 *Кимлика У. 108, 123
 *Китинг М. 71
 Клаус В. 251
 Клинтон Б. 192
 Ключевский В. 205
 *Кляйн Э. 58
 Кобзев И. 170
 Кожановский А. 190
 Кожин В. 170
 Козелек Р. 55, 105
 *Коллиер П. 81, 87, 109, 126
 Комарофф Дж. 68
 Констан Б. 42
 Косолапов Н. 88
 Кошелев А. 162
 Крауч К. 85
 Кревельд М. ван 82
 *Кристева Ю. 59
 Крылов К. 50, 176, 177, 178,
 187
 Кузьменко В. 184
 *Кукатас Ч. 112
 Куняев С. 170
 Кутузов М. 168
 Кэрролл К. 117

- Лавров С. 174
 Лазаренко И. 178
 *Лакост И. 63
 Ланда Р. 77
 *Ларюэль М. 53
 Ле Пен М. 92, 132, 243, 257
 Левада Ю. 200, 203
 Ленин В. 26, 148, 165, 166, 168, 204
 Леонтьев К. 163
 Леонтьев М. 198
 Ли Хансен М. 129
 Ливен Д. 54, 152, 195
 *Лилла М. 255
 Лиотар Ж.-Ф. 58
 Липкин М. 190
 Липсет С. М. 10
 Локк Дж. 10
 Лукьянов Ф. 18, 70, 218, 219, 230
 Лурье С. 150
 *Льюис Б. 77
 Лэш К. 232, 233., 234, 240
- Ма**гун В. 220
 Майофис М. 186
 Макиавелли Н. 44
 Макинтайр А. 41
 Макрон Э. 257
 Макферсон К. 10
 Малахов В. 48, 63, 77, 91, 103, 107, 108, 124, 130, 137, 146, 172
 Малинова О. 146, 147
 Мамардашвили М. 43, 47, 65
 Манен Б. 39, 234
 Маркс К. 14, 26, 27, 29, 60, 61, 63, 135, 169, 203
 Мартин К. ван 82
 Мартин Т. 149, 204
 Маршалл Т. Х. 84
 Маяковский В. 9
- Медведев Д. 176, 210
 Медведев С. 143
 Медушевский А. 52
 Меланшон Ж.-Л. 257
 Меркель А. 69, 132, 247, 250, 251
 *Миллер А. 18, 54, 152, 154, 160, 161, 162, 218, 219, 249, 250
 Милль Дж. 38
 Милов В. 50
 Миронов Б. 172
 *Миттеран Ф. 32
 Михайлин В. 168
 Михайлов В. 151, 152, 154
 Михайлова Н. 152, 154
 Михалков Н. 202, 205
 Могильнер М. 155, 156
 Молотов В. 250
 *Монбио Дж. 64
 Монне Ж. 245
 Монусова Г. 101
 *Морен Э. 231
 Морозов А. 210, 211
 Моррас Ш. 185
 Моррисон А. 152
 Мотыль А. 100, 194
 Музаффар (эмир Бухарский) 224
 Муромец И. 168
 Муфф Ш. 11, 12, 14
 Мухарямов Н. 25
 Мюллер Дж. 107
- На**вальный А. 50, 51, 52
 Нарочницкая Н. 198
 Наумкин В. 102
 Невский А. 168, 189
 Немцов Б. 207
 Николай I 160, 169, 175
 Николай II 139
 Никонов В. 154, 155

- Новиков С. 172
 Норт Д. 44, 74, 88
 Нуссбаум М. 65
- Оболонский** А. 111, 236
 Огурцов И. 170
 Орбан В. 69, 251
 Осипов А. 103, 111, 127, 137, 138, 227
- ***Паин** Э. 45, 50, 52, 53, 77, 108, 112, 128, 143, 147, 148, 173, 176, 185, 188, 189, 194, 200, 201, 207, 227
 Патнэм Х. 75
 Петр I 139, 189
 Петри Ф. 244
 Пивоваров Ю. 87
- ***Пинкер** С. 74
 Пиночет А. 12
 Платон 41
 Подберезкин А. 171
 Поликовский А. 231
 Полян П. 153, 167
 Просвирнин Е. 178, 179, 180
 Простаков С. 180, 181, 182
 Проханов А. 198, 204, 223
 Путин В. 89, 139, 141, 146, 173, 174, 175, 180, 181, 192, 193, 196, 197, 202, 210, 212, 241
- ***Растоу** Д. 38, 39, 40, 153
 Ренан Э. 9, 40, 41, 72, 73, 164, 208, 213, 215
 Риббентроп И. фон 250
 Рогозин Д. 209
 Розанов В. 163
 Романовы (царская династия) 161
 Руа О. 129
 Рубл Б. 111
- Руднев М. 220
 Руссо Ж.-Ж. 10
- Савельев** А. 172
 Савинов Л. 140
 Саид Э. 59
 Самарин Ю. 162
 Сахаров А. 66
 Севастьянов А. 172
 Сергеев С. 160
 Синявский А. 171
- ***Слезкин** Ю. 153, 165, 166
 Смирнов А. 66
 Солженицын А. 170, 171
 Соловей В. 50, 178
 Соловьев В. 163, 164
 Солоухин В. 170
 Сото Э. де 86
 Спенсер Г. 61
 Сталин И. 135, 166, 167, 168, 169, 172, 175, 177, 180, 189, 202, 204
 Стариков Н. 198
 Суворов А. 168
- ***Сулейман** Э. 236
 Сулова М. 112
 Сусоколов А. 187
 Сэндел М. 243
- ***Тагиефф** П.-А. 31
 Тесля А. 223
 Тишков В. 62, 93, 139, 140, 141, 214, 215, 216, 218
 Токвиль А. де 87, 88
 Толстой А. 168
 Толстой П. 210
 Томашов И. 143
 Тор В. 50, 178
 Трамп Д. 17, 90, 92, 181, 231, 235, 236, 237, 239, 243
- ***Трибала** М. 123
 Трофимов В. 169

- Туск Д. 69, 253
*Тэйлор Ч. 104, 258
- У**
Уваров С. 161, 163, 169, 186,
197, 210, 213
Умланд А. 198
Уоллис Д. 44, 74
*Уолцер М. 29, 113
*Урбинати Н. 88, 89, 234
*Урнов М. 99
Ушаков Н. 223
- Ф**
Фатеев А. 168
Федюнин С. 52, 53
Филиппова Е. 107, 191, 248,
252
Фоменков А. 169, 170
Фромм Э. 211
Фукуяма Ф. 10, 15, 245
*Фуреди Ф. 235
Фурсов А. 198
- *Хабермас Ю. 15, 16, 34, 37,
66, 85, 252
Хантингтон С. 116, 185, 233,
255
Хиршман А. 25
Хобсбаум Э. 27, 30, 31, 56,
104, 186
Ходарковский М. 152
Ходорковский М. 51, 52
*Хоскинг Дж. 142, 149, 150,
152, 242
Храмов А. 178
- Ц**
Цимбаев Н. 162
Цинь Шихуанди 140
- Ч**
Чуев Ф. 170
- Ш**
Шафаревич И. 170, 171
Шевцов И. 170
Шевцова Л. 208, 209
Шевченко М. 198
Широпаев А. 178, 179
Шляпентох В. 43
Шнирельман В. 149
Шопрад Э. 117
Штепа В. 211
Шуман Р. 245
Шумпетер Й. 11
Шербакова Е. 120
- Э**
Эрдоган Р. 89
Эткинд А. 153, 161, 196, 229
- Ю**
Юнкер Ж.-К. 251
Юрьев М. 204
- ***Я**
Як Б. 31, 34, 37
Якобсон Л. 46, 48
- A**
Acemoglu D. 45
Almond G. 39, 197
*Amselle J.-L. 68
*Anderson B. 65
- B**
Bates R. 81
*Beissinger M. 156
Ben I. 26, 35
Berger S. 55
*Bershidsky L. 228
Bossuat G. 246
*Bouchard G. 29, 104, 133, 148
*Boyle N. 240
Bronner G. 106
*Brubaker R. 215
*Bures F. 105
- C**
Caballero P. 116
*Calhoun C. 66, 104
Cederman L.-E. 81
Chernilo D. 75
*Collier P. 81, 87, 101, 109, 126

- Davies S. 74
 Deaton A. 101
 *Deutsch K. 15
 Diez G. 85
 *Downs A. 12
- E**
- Edwards-Levy A. 240
 *Eisenstadt S. 59, 77
 Enloe C. 115
 Eriksen T. H. 81
- *Furedi F. 235
- G**
- Gauchet M. 91
 Gensburger S. 69
 Gutteridge N. 251
- *Habermas J. 16, 66
 Haidt J. 76
 *Hartog F. 36
 Hearn J. 48
 *Hosking G. 242
- J**
- Joppke Ch. 131
 Judah B. 128
- *Karaganov S. 18
 Katz M. 174
 *Keating M. 71
 *Klein E. 58
 *Kristeva J. 60
 *Kukathas Ch. 48
 *Kymlicka W. 93, 108, 123
- L**
- Lacoste Y. 64, 73, 146, 245
 Lanzieri G. 121, 122
 *Laruelle M. 50, 53, 147, 198
 Lassort M. 101
 Lavabre M.-C. 69
 Leonard Ph. 59
 *Lewis B. 77, 128
- *Lilla M. 255
 Linz J. 115
- M**
- Malik K. 114, 125
 Meissner F. 102
 Milano B. 243
 *Miller A. 55
 Miller D. 48
 Min B. 81
 *Mitterrand F. 32
 *Monbiot G. 64
 *Morin E. 231
 Mudde C. 239
 Mylonas H. 107
- N**
- Nougayrède N. 132
- *Pain E. 222
 Petite S. 251
 *Pinker S. 74
 Prina F. 138
 Putnam R. 125
- R**
- Radvanyi J. 147
 Rawls J. 10
 Rejai M. 115
 Remington T. F 196
 Robinson J. 45
 Rosel J. 34
 *Rustow D. 38, 39, 40, 153
- S**
- Sala V. Della 32, 69
 Sauvadet T. 127
 Sedensky M. 240
 Sen A. 72, 99
 Seton-Watson H. 35
 Sintomer Y. 140
 *Slezkine Y. 166
 Sobolev A. 196
 Soboleva I. 196
 Stepan A. 115
 *Suleiman E. 236

*Taguieff P.-A. 32, 36, 90,
238, 258

Taub A. 90

*Taylor Ch. 104

Tenzer N. 40

*Tishkov V. 214

*Tribalat M. 123, 124

*Urbinati N. 103

*Urnov M. 196

Valsiner J. 99

Vasagar J. 247

*Verba S. 39, 197

Vertovec S. 102

*Walzer M. 30, 31

Warren M. 103

*Weber E. 30, 113

*Wieviorka M. 78, 90, 97, 102,
104, 106

Wimmer A. 81

*Yack B. 31, 33, 37, 48

Yadav Y. 115

*Zagajewski A. 89

Zakharov N. 227

Книги издательств
«Социум», ИРИСЭН и «Мысль»
можно купить в интернет-магазине
sotsium.ru

ЭМИЛЬ ПАИН, СЕРГЕЙ ФЕДЮНИН

НАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ

Подписано в печать 23.10.2017. Формат 84x108/32

Объем 14,28 усл. п. л.

Издательство «Мысль»

тел. (495) 330-51-98

Людвиг фон МИЗЕС

ВСЕМОГУЩЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Тотальное государство и тотальная война

(Челябинск: Социум, 2013. 472 с.)

В книге представлена неотразимая критика политических, социальных и экономических идеологий, определявших историю Западной Европы и США в течение последних 200 лет. Автор подробно анализирует, как в специфических исторических и географических обстоятельствах в Германии эти идеологии (этатизм и национализм) породили стремление к автаркии и завоеванию требующегося для этого «жизненного пространства», став причиной Второй мировой войны, а также как те же самые идеологии помешали другим западноевропейским странам предотвратить надвигавшуюся общеевропейскую катастрофу.

Мизес первым показал, что нацизм и фашизм представляют собой тоталитарные коллективистские системы, имея гораздо больше общего с коммунизмом, чем с капитализмом свободного рынка. Более того, они являются логическим следствием необузданного этатизма и милитаризма дофашистских обществ. В пропитанной марксизмом интеллектуальной атмосфере 1940-х годов установленная Мизесом связь фашизма с марксистским социализмом стала настоящим шоком.

Последняя глава содержит пророческую критику идеи мирового правительства, включая всемирные торговые соглашения. Особую актуальность для нашего времени представляет объяснение автором природы современного протекционизма как необходимого следствия вмешательства государства в экономику вообще и социального законодательства в особенности.

Введение

Часть I. Крах либерализма в Германии

- I. Либерализм в Германии
- II. Триумф милитаризма

Часть II. Национализм

- III. Этатизм
- IV. Этатизм и национализм
- V. Опровержение ряда
ошибочных объяснений

Часть III. Немецкий нацизм

- VI. Характерные черты
немецкого национализма
- VII. Социал-демократы
в императорской Германии
- VIII. Антисемитизм и расизм
- IX. Веймарская республика
и ее крах
- X. Нацизм как общемировая
проблема

Часть IV. Будущее западной цивилизации

- XI. Иллюзии всемирного планирования
- XII. Проекты мирного урегулирования

Людвиг фон МИЗЕС

ЛИБЕРАЛИЗМ

(М.; Челябинск: Социум, 2014. 300 с.)

Единственное систематическое изложение принципов либерального устройства общества и государства, основ либеральной экономической и внешней политики. Демонстрирует тесную связь между международным миром, частной собственностью, гражданскими правами, свободным рынком и экономическим процветанием. Автору удалось развеять множество сомнений и недоразумений, возникавших при обсуждении социальных и политических проблем, а также касающихся либеральной доктрины.

Введение

Либерализм
Материальное благополучие
Рационализм
Цель либерализма
Либерализм и капитализм
Психологические корни
антилиберализма

Глава 1. Основы либеральной политики

Собственность
Свобода
Мир
Равенство
Неравенство богатства и доходов
Частная собственность и этика
Государство и политика
Демократия
Критика доктрины силы
Аргументы фашизма
Границы деятельности
правительства
Веротерпимость
Государство и антиобщественное
поведение

Глава 2. Либеральная экономическая политика

Организация экономики
Частная собственность и ее критики
Частная собственность
и правительство
Неосуществимость социализма
Интервенционизм
Капитализм: единственно
возможная система общественной
организации

Картели, монополии и либерализм
Бюрократизация

Глава 3. Либеральная внешняя политика

Границы государства
Право на самоопределение
Политические основы мира
Национализация
Империализм
Колониальная политика
Свободная торговля
Свобода передвижения
Соединенные Штаты Европы
Лига наций
Россия

Глава 4. Либерализм и политические партии

Доктринерство либералов
Политические партии
Кризис парламентаризма и идея
Конгресса, представляющего особые
интересы
Либерализм и партии особых
интересов
Партийная пропаганда и партийная
организация
Либерализм как партия капитала

Глава 5. Будущее либерализма

Приложения

1. Литература о либерализме
2. О Термине «либерализм»

Рональд РОТУНДА

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК СЛОВО И СИМВОЛ Борьба за либеральный бренд в США

(М.; Челябинск: Социум, 2016. 212 с.)

Рональд Ротунда (р. 1945 г.) — известный американский правовед, специалист по конституционному праву, написавший авторитетный трактат по этой теме. Его небольшое исследование «Politics of Language: Liberalism as Word and Symbol», наверное, единственное в своем роде, в котором рассказывается, как произошло столь загадочное изменение значения слов «либерализм» и «либералы» в США. Там либералы странным образом выступают за всестороннее вмешательство государства в экономику.

Автор показывает, что это случилось не само собой, а в результате сознательной подмены понятий Франклином Рузвельтом, искавшим подходящий словесный ярлык для своей программы регулирования экономики. Для этого он выбрал не использовавшееся в США, но престижное и имеющее только благоприятные ассоциации слово «либеральный».

Так получилось, что одновременно права на этот бренд предъявил Герберт Гувер и исход спора решился в ходе избирательных компаний 1932—1940 гг. Рассказ об этом историческом эпизоде составляет сюжетный центр книги. Но эта история предваряется интересными размышлениями автора о роли символов в политике и кратким обзором истории слова «либерал» и «либеральный» как обозначения социально-экономической программы в Англии и США в XIX—XX вв.

Раймондо КУБЕДДУ

ЛИБЕРАЛИЗМ, ТОТАЛИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ Политическая философия австрийской школы

(Челябинск: Социум, 2014. 406 с.)

Профессор политической философии в Пизанском университете Раймондо Кубедду посвятил свою книгу тому влиянию, которое интеллектуальная революция конца XIX в. оказала на все общественные науки, и в первую очередь на политическую философию и экономическую теорию. Именно тогда основатель австрийской экономической школы Карл Менгер заложил основы субъективистского подхода к теории ценности и, одновременно, эволюционной теории социальных институтов. Два великих последователя и соотечественника Менгера — Людвиг фон Мизес и Фридрих фон Хайек, будучи не только экономистами, но и обществоведами в самом полном смысле этого слова, творчески развили идеи Менгера и разработали законченную социально-политическую теорию.

Мартин ЛИПСЕТ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК
Социальные основы политики

(М.: Мысль, 2016. 612 с.)

Мартин Липсет (1922—2006) — один из крупнейших политических социологов США. Всемирную известность ему принесли работы по сравнительной политологии и социологии демократии, теория связи между уровнем экономического развития и демократией, заложившая помимо прочего основы теории модернизации. «Политический человек» — классическое и одно из наиболее цитируемых сочинений по политической социологии, переведенное на 20 языков. Центральная тема книги — социальные основы демократии и авторитаризма (в том числе разных форм фашизма) — исследуется не только на примере политики и выборов, но и применительно к случаю «частного правительства» — профсоюзов. Отдельная глава посвящена роли интеллектуалов в демократическом обществе.

* * *

«Желание выявить в этой книге условия демократического строя отражает мое, возможно слишком рационалистическое, убеждение в том, что более полное понимание различных условий, при которых существовала демократия, может помочь людям сформировать ее там, где ее сейчас не существует».

«Политика демократии — это неизбежно в какой-то степени и политика конформизма для элиты общества. Коль скоро массы получают доступ в элиту, коль скоро людям, принадлежащим к элите, приходится в своих действиях учитывать реакцию масс, свобода элиты (будь то политической или творческой) ограничивается».

Глава 1. Социология политической жизни

Часть I. Условия демократического строя

Глава 2. Экономическое развитие и демократия

Глава 3. Социальный конфликт, легитимность и демократия

Глава 4. Авторитаризм рабочего класса

Глава 5. «Фашизм» — левый, правый и центристский

Часть II. Голосование в западных демократиях

Глава 6. Выборы: кто голосует и кто этого не делает?

Глава 7. Выборы: выражение демократической классовой борьбы

Глава 8. Выборы: выражение демократической классовой борьбы — непрерывность и изменения

Часть III. Политическое поведение в американском обществе

Глава 9. Классы и партии в американской политической жизни

Глава 10. Американские интеллектуалы: их политические взгляды и социальный статус

Глава 11. Возникновение однопартийного Юга — выборы 1860 года

Часть IV. Политика частного правительства: на примере профсоюзов

Глава 12. Политические процессы в профсоюзах

Часть V. Личный постскриптум

Глава 13. Конец идеологии?

Глава 14. Уточнение позиций и новые выводы

Глава 15. «Конец идеологии»: понятие и его история

Бертран де ЖУВЕНЕЛЬ
ВЛАСТЬ
Естественная история ее возрастания
(М.: ИРИСЭН, 2011. 546 с.)

Бертран де Жувенель — выдающийся французский политический мыслитель XX века — в своей книге представляет всесторонний анализ феномена политической власти как в теоретическом, так и в историческом аспектах. Он исследует различные теории суверенитета и показывает, к каким результатам приводит реализация этих теорий на практике. Большое внимание уделено неуничтожимому стремлению к экспансии, свойственному власти. Автор исследует психологические корни и культурные последствия этой экспансии. Особое внимание в книге уделяется взаимоотношениям власти и права. Б. де Жувенель прослеживает эволюцию политических институтов на протяжении демократической эпохи, которая вручила президентам и парламентам такую власть, которой позавидовали бы средневековые бароны. В книге ярко показаны опасности, заложенные в современной демократии, а также тоталитарные тенденции, заложенные в концепте суверенитета народа.

лорд АКТОН
ОЧЕРКИ СТАНОВЛЕНИЯ СВОБОДЫ
(М.; Челябинск: Социум, 2016. 315 с.)

В этой книге собраны некоторые из лучших работ одного из самых замечательных и своеобразных историков XIX столетия — лорда Актона (1834—1902). Лейтмотивом Актона как мыслителя был вопрос о взаимоотношении политики и нравственности, а главной темой — история свободы. Актон воспринимает свободу через призму нравственности. Свобода достигается только в борьбе, отвоевывается (поскольку властолюбие неискоренимо), а удерживается — в результате равновесия сил. На внешнеполитической арене залогом свобод стало крушение империй, ограничение их власти. Во внутренней политике свобода равнозначна надежно установленным и защищенным правам всевозможных меньшинств.

Рассказывая нам о древних, Актон напоминает, что абсолютная демократия — явление на деле еще более страшное, чем абсолютная монархия. От подавляющего большинства укрыться некуда. Воля этого большинства, если она не сдержана представлением о высшей правде (конституцией, совестью, Богом), может быть и преступна, и самоубийственна. В этом смысле прямым отрицанием свободы была афинская демократия времен первого морского союза. Именно она на многие столетия отравила человечество от республиканского строя; именно из-за нее, по прихоти убившей Сократа и вообще бесчинствовавшей, в Средние века демократия казалась символом произвола и беззакония.